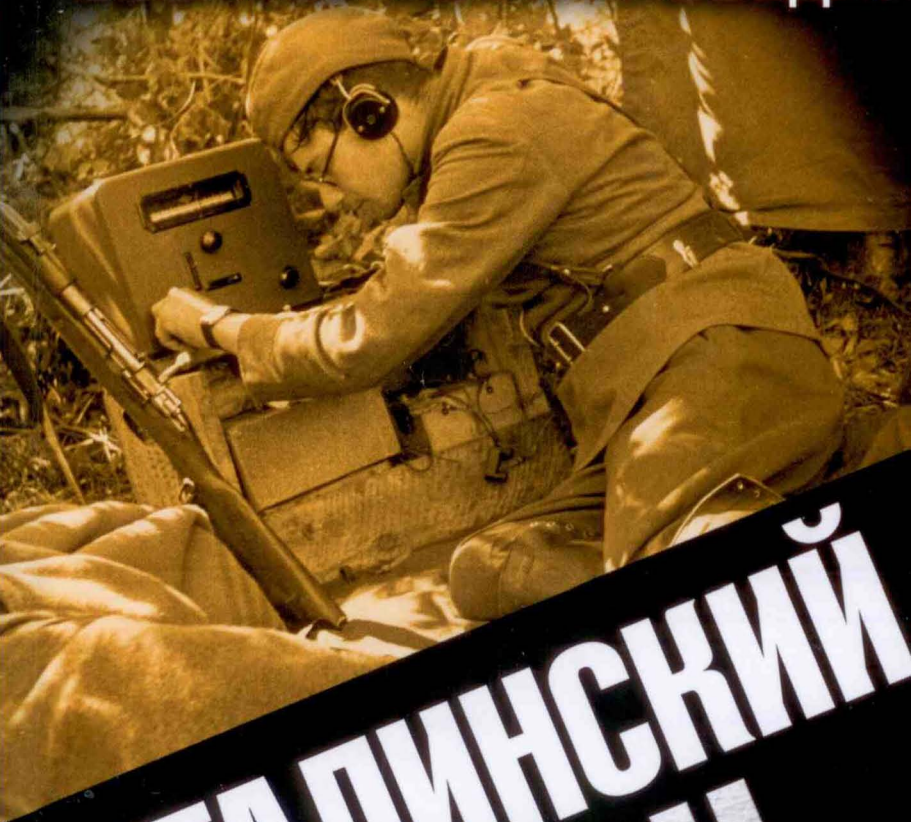

ЛУЧШИЕ СПЕЦОПЕРАЦИИ
ВОЕННОЙ КОНТРАРАЗВЕДКИ

СТАЛИНСКИЙ СМЕРШ

ЮРИЙ ЛЕНЧЕВСКИЙ

СПЕЦСЛУЖБЫ
СТАЛИНА

Юрий Ленчевский

**СТАЛИНСКИЙ
СМЕРШ**

**Лучше спецоперации
военной контрразведки**

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2013

УДК 94
ББК 67.401.212
Л 46

Оформление серии *П. Волкова*

Фотография на обложке: *Сергей Лоскутов* / РИА Новости

Ленчевский Ю.

Л 46 Сталинский СМЕРШ. Лучшие спецоперации военной контрразведки / Юрий Ленчевский. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Бойцы невидимого фронта. Спецслужбы Сталина).

ISBN 978-5-699-64291-5

Сталинский СМЕРШ по праву величают «непобедимым и легендарным», «лучшей военной контрразведкой Второй Мировой» и даже «самой эффективной спецслужбой XX века». Какие спецоперации ГУКР «Смерть шпионам!» изучают во всех разведшколах мира? Из-за чего начальник СМЕРШа поссорился с Павлом Судоплатовым? Правда ли, что осенью 41-го в случае падения Москвы военные чекисты должны были повторить пожар 1812 года и готовили покушения на Гитлера? И почему ветераны СМЕРШа уверены, что такая спецслужба совершенно необходима нам сегодня? **НОВАЯ КНИГА** от автора бестселлера «СМЕРШ без грифа «Секретно» отвечает на все эти вопросы.

УДК 94
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-699-64291-5

© Ленчевский Ю.С., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемая читателю книга приоткрывает завесу секретности деятельности отечественной военной контрразведки. В ней рассказывается о противодействии контрразведчиков вражеским спецслужбам накануне гитлеровского нашествия на нашу страну, начале Великой Отечественной войны, о днях Битвы за Москву, создании легендарного СМЕРШа. Его деятельности в дни войны и послевоенное время. Об эффективности, размахе, масштабах спецопераций в эфире, о зафронтовой деятельности СМЕРШа. Рассказывается о судьбе смершевцев уже после войны. К сожалению, иногда и печальной...

Для большинства людей, живущих сегодня, война не может быть личным воспоминанием. Она была давно. О ней хорошо помнят ее участники, ветераны. Их остается все меньше и меньше. Однако и о войне надо знать — это наша история.

В моей книге «Они из СМЕРШа», изданной в 2008 году издательством «Граница», рассказывается о созданном в 1943 году Главном управлении контрразведки «Смерть шпионам» Народного комиссариата обороны СССР, вошедшем в историю мировой тайной войны как наиболее эффективная спецслужба. обстоятельно говорится о СМЕРШе и в моей книге «СМЕРШ без грифа «Секретно», изданной издательством «Яуза» в 2009 году. В книге «Пришло время рассказать» издательства «Патриот», 2011 года. В новой книге «За завесой секретности» продолжается рассказ о военных контрразведчиках.

Автор подробно рассказывает об операции «Монастырь» — уникальной, героической, поучительной, громкой, задуманной как чисто контрразведывательной. Приводит агентурное дело «Березино», заведенное в сентябре 1994 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии, состоящее из 117 томов. Рассказывает, почему начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР поссорился с генералом Павлом Судоплатовым.

В предлагаемой книге читатель встретится с персонажами, знакомыми ему по предыдущим изданиям автора контрразведчиками: Виктором Титовым, Константином Юрьевым, Леонидом Маниловым и Константином Сумцовым. Говорится об обстановке на границе накануне войны, о Перемышльском контрударе — предвестнике грядущей победы.

Обстоятельно рассказывается в книге о трудных днях нашей столицы, когда в Москве было объявлено осадное положение, о подготовке подполья на случай захвата врагом Москвы. Чекисты также готовили на этот случай покушение на Гитлера. Показана борьба контрразведчиков с коварными, изощренными врагами. Следует заметить, что в гитлеровских спецслужбах простаков не было. Тем больше заслуга их в тайной борьбе с врагами. Им противостояли профессионалы, не гнушающиеся никакими средствами.

В книге упоминаются такие лица, как Селивановский Николай Николаевич, заместитель начальника Главного управления контрразведки СМЕРШ Наркома обороны СССР по разведработе, выпускник Высшей пограншколы ОГПУ, и Журавлев Михаил Иванович, начальник управления НКВД Московской области.

Рассказывается о подвигах старшего лейтенанта Петра Жидкова, лейтенантов Василия Чеботарева и Григория Кравцова, удостоенных посмертно высокого звания Героя Советского Союза.

По-разному складывались судьбы чекистов — военных контрразведчиков, но все они оставили достойный след в

смертельной борьбе с гитлеровскими захватчиками. Были они людьми разными. Среди них и хорошие, и плохие. Вот только на передовой находились они вместе с бойцами и, случалось, ходили в атаку. Работали сутками, а бывало, что после гибели командира заменяли его.

Книга раскрывает одну из ранее неизвестных страниц военной истории нашего государства — о буднях военной контрразведки на фронтах Великой Отечественной войны.

Так уже сложилось, что чекистов показывают или в черном цвете — враги и злопыхатели, и это понятно, — или же в розовом. Однако они живые люди, которым свойственны сомнения, ошибки. В своей деятельности они порой допускали и серьезные проступки. Было все и всякое... Не всегда все бывало гладко, как на бумаге, а случались и овраги... И об этом есть в книге. В главе «Случалось всякое» рассказывается о нерешительности, растерянности, неправильном поведении должностных лиц, оказавшихся в необычной для них ситуации.

У разведчиков и контрразведчиков разный менталитет, и от этого никуда не денешься. Каждый из них выполняет порученное ему дело. В заключение скажу: СМЕРШ блестяще выполнил возложенную на него задачу. Свидетелей же и участников событий того дивного времени сегодня осталось очень мало.

СМИ не очень распространяется о делах и людях СМЕРШа. Во время одной из встреч автора с молодыми офицерами СВР запомнилось их уважительное отношение к СМЕРШу. Стало быть, эту структуру чтут, традиции СМЕРШа живут. Эпоха СМЕРШа оставила заметный след в истории отечественной контрразведки.

Автор рассказывает кое-что из того, что долго было скрыто за завесой секретности.

С уважением к читателям.

*Юрий Ленчевский,
лауреат премии «Золотое перо Границы»*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первые встречи с врагами

Служба на рубежах Отечества овеяна своеобразной романтикой. Она зовет молодежь. И Константин обрадовался, когда его призвали в пограничные войска. С гордостью сказал: «Я пограничник!» Он был убежден в том, что на границе сможет проявить себя. Шло время суровой пограничной службы. Константин возмужал, стал опытным пограничником, и ему представился случай встретиться лицом к лицу с врагами. Эти эпизоды в его памяти отложились на всю жизнь.

Наряд в составе Константина Сумцова и Юрия Писного напряженно вслушивался в ночную тишину, внимательно осматривал местность, освещенную луною. И вот на дороге показались трое. Это были опытные диверсанты, окончившие школу абвера.

Они шли осторожно, гуськом, часто останавливались и, убедившись в безопасности, двигались дальше. Писный хотел их подпустить поближе, но нарушители, словно почувствовав опасность, свернули в сторону. В ответ на оклик Писного раздались выстрелы. Враги стреляли по направлению голоса пограничника. Видно, неплохо вышколили их за рубежом, потому что пули просвистели над самой головой Юрия Писного. Боец открыл ответный огонь. Прибежали находившиеся поблизости Илья Басов и Вячеслав Решетников. Командование группой взял на себя Басов. Не теряя ни минуты, он организовал преследование.

— Стой! — крикнул Басов. Его слова заглушил грохот: один из нарушителей метнул гранату. Пограничника обдало горячим дыханием взрыва, отбросило в сторону. Поднявшись, он нащупал в подсумке новую обойму и продолжал вести огонь. Снова грянул взрыв. На этот раз нарушитель, должно быть, придержал гранату в руках, потому что она разорвалась в воздухе, окутав пограничников удушливым дымом.

Враги уже не могли оторваться от наряда. Слева их обходил Константин Сумцов, справа Писный и Решетников. Зажатые с двух сторон, лазутчики яростно отстреливались.

Ближе всех от нарушителей оказался Сумцов. В это время Басов осветил местность ракетой. В ее призрачном свете пограничник совсем рядом увидел высокого взлохмаченного человека с гранатой в руке. Ракета погасла, и уже в темноте Сумцов почувствовал удар ниже колена. «Бросил», — мгновенно промелькнула мысль, подхватив отскочившую от ног гранату, он швырнул ее в сторону нарушителей. Взрыв всколыхнул воздух. Из темноты донесся истошный крик — и все смолкло. Два диверсанта были убиты, а третий легко ранен. Красноармейцы-пограничники были награждены. После этого эпизода Сумцов встретился с чекистом капитаном Леонидом Маниловым.

— Ну, герой расскажи о своих боевых делах, — предложил Сумцову Манилов.

— Какой я герой... Действовал по обстановке... — Сумцов был явно смущен вниманием начальника Особого отдела 99-й стрелковой дивизии. Подумал: «С чего бы это он мной заинтересовался?»

Манилов искал толкового паренька в свой отдел, и такой, как пограничник Сумцов, вполне его устраивал. После рассказа Сумцова об эпизоде его «боевой» биографии Манилов и пограничник, понравившись друг другу, разошлись. Неизвестно, как сложилась бы военная служба Сумцова, но неотвратимо надвигалась война.

Чекисты с достоверностью узнали о готовящемся нападении Германии на СССР в марте 1941 года в определенной мере благодаря усилиям легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова. 27 апреля 1941 года была оставлена докладная записка на имя Сталина. В ней информировалось, что необходимо загодя создавать разведывательно-диверсионные группы в западных областях страны на случай оккупации германскими войсками. Записку передали начальнику отдела контрразведки Петру Васильевичу Федотову. Тот пошел к наркому госбезопасности Всеволоду Николаевичу Меркулову и вернулся крайне расстроенный и огорченный. Нарком докладную не подписал.

— Наверху эти сообщения принимаются с раздражением, — многозначительно сказал он Федотову. И добавил: — Писать ничего не надо, но делайте, что считаете нужным.

Сообщения также и других источников о предстоящем вторжении немцев в нашу страну не воспринимались наверху по ряду причин. Не готовы мы были к отпору врага, и нападение немцев очень не устраивало Сталина. Он не хотел этому верить. Боялся провокации со стороны англичан. Сомневался в правдивости сведений зарубежной разведки.

Сталин не доверял зарубежной агентуре, в том числе и знаменитому впоследствии Рихарду Зорге. По этой причине поручил возглавить нашу разведку в Германии Амаяку Кобулову, родному брату Богдана Кобулова — заместителя наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берия. Может быть, в этом сыграло свою роль и чувство землячества...

Амаяк Кобулов — армянин с пятиклассным образованием — стал резидентом советской разведки в Германии. Он не только не знал ни одного иностранного языка, но и был далек от специфики деятельности закордонной работы. На встречу с агентурой ходил с переводчиком, совершал и другие непростительные ошибки. «Деятельность» Амаяка Кобулова — пример того, какой вред делу может нанести непрофессионализм.

Главное имперское управление безопасности — РСХА в лице сотрудников гестапо¹ подставило Кобулову своего агента. Им был Орест Берлинкс, псевдоним «Лицеист». Двойной агент поставлял Кобулову дезинформацию. Информация, получаемая от Кобулова, поступала на стол Берия, а затем самому вождю. Немцы были не дураки и, чтобы дезинформации верили в Москве, материалы для Кобулова готовили основательно. Так, через своего агента, которому Кобулов верил, сообщали о предстоящем вводе немецких войск в Болгарию. Это осуществлялось, и доверие к «сведениям» Кобулова у вождя не поколебалось. А ведь основательная проверка агента немцев Берлинкса показала бы его антисоветскую сущность, помогла бы избежать нежелательных последствий действий двойника. В центре же боялись всесильного Берия и его ставленника Кобулова.

На расстоянии во времени становится понятным неверие Сталина разным сообщениям о дате гитлеровского вторжения. К тому же Гитлер несколько раз эту дату переносил. И еще такой психологический момент: если не всегда, то во всяком случае, часто люди хотят верить в желаемое и не воспринимают неприятную информацию. Примеры тому наша операция «Трест» и немецкая «Цицерон». В «Трест» деятели белоэмигрантского движения поверили, потому что им очень хотелось верить в существование организации, противостоящей существующему строю в России. А бесценная информация немецкого агента «Цицерона», камердинера английского посла в Турции, немцами не воспринималась, так как она их не устраивала. Так, например, планируемое союзниками антигитлеровской коалиции открытие Второго фронта удовлетворения гитлеровцам не приносило, никакой радости им не могло доставить.

Следует отметить, что начальник германской военной разведки — абвера — адмирал Канарис провел широко-масштабные мероприятия по дезинформации иностранных правительств через их разведывательные органы с целью

---

¹ Г е с т а п о — тайная государственная полиция.

довести до Советского правительства убедительные сведения о том, что Германия якобы намерена осуществить в 1941 году вторжение на Британские острова и, желая обеспечить себе тыл на Востоке, заинтересована в нейтралитете Советского Союза, поэтому стремится улучшить с ним взаимоотношения. А концентрация большого количества немецких войск на западной границе СССР объяснялась осуществлением подготовки немцев к вторжению в Англию.

Заместитель начальника Генштаба и Главного разведывательного управления Советского Союза генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков, зная характер Сталина, подстраивал свои заключения под его точку зрения. У Сталина же сложилось мнение, что, пока Германия не закончила войну с Англией, на нас не нападет.

Что касается якобы сообщения такого выдающегося разведчика, как Рихард Зорге, о том, что он сообщил точную дату нападения нацистской Германии на Советский Союз, то это не соответствует действительности. Его информаторы, сотрудники немецкого посольства в Японии или дипломаты и военные, которые приезжали из Берлина в Токио, просто не были посвящены в эту тайну. 2 мая 1941 года Зорге сообщил в Москву о возможности скорого начала войны. Сталин же информацию Зорге не воспринимал, сказал о нем: «Это двойной агент, больше мне сообщений от него не показывайте».

Разведка — это игра. Жестокая, смертельная. В ней неизбежны взлеты и падения, ошибки, жертвы. И главное — секретность операций. Жуков так никогда и не узнал, что в наступлении под Ржевом в ноябре 1942 года немцы были о нем предупреждены и поэтому бросили туда большое количество войск. Исход операции Жукова под Ржевом был неудовлетворительным. Полегли тысячи и тысячи наших солдат. Это было отвлекающим маневром. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом для немцев явилось полной неожиданностью. В свое время Черчилль скрыл намеченный немцами массированный налет на Ко-

вентри, чтобы не дать возможности заподозрить противника в расшифровке его секретов, которые постоянно становились известными англичанам.

* * *

Сумцов с удовлетворением вспоминал ту первую встречу с Маниловым, а затем и последующие за ней другие. Несмотря, как говорится, на годы и расстояния, Сумцов живо представлял капитана Манилова¹.

Родившийся на Черниговщине, выходец из рабочей семьи Леонид Манилов был машинистом-железнодорожником. В 1938 году его призвали в армию. Там Леонид окончил специальные курсы, получил командирское звание и в 1939 году стал заместителем начальника Особого отдела 99-й стрелковой дивизии. Это соединение в том же году вступило в Западную Украину и после этого дислоцировалось в городе Перемышле. В 1941 году капитан Манилов возглавил Особый отдел дивизии.

В предвоенное время на польской территории вблизи советской границы активизировалась деятельность немецких разведывательных органов. Была создана целая сеть разведывательных пунктов («мельдкопфы»), которые занимались переброской через границу агентов, а также приемом их после выполнения задания. Агенты «специализировались» на добывании разведывательных данных о группировке войск Красной Армии в пограничной полосе и всестороннем изучении театра будущих военных действий. Им противостояли такие, как капитан Манилов.

— Голова! — говорили о Манилове подчиненные.

Он обладал настоящим талантом делать правильные выводы из минимума данных. Не упускал ни одной мелочи.

---

¹ Фамилия подлинная. О Манилове: «Дело было в Перемышле». Юрий Ленчевский // «Граница России» 2008. № 26, «Маниловы: сердца, отданные России». Юрий Ленчевский // «Пограничник» 2008, № 11.

— Вражину насквозь видит, — как-то о Манилове сказал Сумцову его товарищ по службе. Константину Манилов показался простым, обычным человеком. Позже, когда Сумцова «прикомандировали» к отделу Манилова, Константин поближе узнал спокойного, выдержанного капитана. Будучи начальником отдела дивизии, капитан Манилов с младшими командирами, бойцами держался достойно, без панибратства, но как бы на равных, уважительно. Разговор со всеми вел непринужденно, доверительно. Считался с чужим мнением. Терпимо относился к критическим замечаниям. «Охранной грамоты» от критики мне никто не выдавал», — с улыбкой говорил Манилов.

Умение при любых обстоятельствах сосредоточиться на главном, отключиться от всего в данную минуту второстепенного — было характерной чертой капитана Леонида Манилова.

В то время еще больше активизировалась деятельность разведывательных органов. Борьба с вражеской агентурой требовала от чекистов и пограничников огромного напряжения сил и энергии, мужества и отваги.

Леонид Яковлевич Манилов вспоминал о том времени: «Мы принимали необходимые меры, чтобы разыскать и обезвредить вражеских агентов. Однако не так-то легко это сделать, если было неизвестно, какими документами снабдила шпионов или диверсантов немецкая разведка и какое конкретное задание они получили. Розыск агента подобен розыску крупинки металла в огромной массе песка, тоже, кстати, неизвестно где находящегося.

Вот такие крупинки Манилову и его сотрудникам и предстояло разыскивать. Немецкая разведка старалась снабдить своих агентов безупречными документами. «Мы понимали, что от того, насколько быстро нам удастся организовать разведывательную и контрразведывательную работу, зависит, удастся ли нам вовремя разгадать замыслы противника и нанести удар по его агентуре. Положение осложнялось еще тем, что в течение 1939—1940 годов через границу по различного рода пропускам и разрешениям передвигалось

очень много людей». Это, безусловно, осложняло служебную деятельность чекистов. Среди задержанных нарушителей все чаще и чаще попадались немецкие агенты. Их интересовала дислокация советских воинских частей, система охраны госграницы пограничниками, вооружение, местонахождение складов и баз, строительство аэродромов, то есть все, что касалось обороны страны.

В июне 1941 года Перемышльский пограничный отряд под командованием полковника Якова Тарутина и заместителя начальника отряда по политчасти батальонного комиссара Григория Уткина нес охрану государственной границы по р. Сан. Штаб отряда находился в городе Перемышле.

На вооружении каждой из застав находились винтовки, два станковых и четыре ручных пулемета. Маневренная группа, кроме винтовок, также имела два станковых пулемета. Из оборонительных сооружений на каждой заставе имелись окопы полного профиля, блокгаузы. Никаких средств борьбы с танками, кроме гранат, отряд не имел, так как предполагалось, что с началом военных действий линию пограничных укреплений немедленно занимают части РККА, а отряд переходит к выполнению особых задач.

Обстановка на границе с начала июня характеризовалась усиливавшимся передвижением немецких войск. Еще с 15 июня в зарубежной части Перемышля (западный берег р. Сан) было введено затемнение, и ночами из-за Сана слышался гул моторов.

От пограничных войск и органов НКВД требовалось огромное напряжение сил, большое мастерство, дабы пресечь деятельность вражеской агентуры, разгадать ее замыслы. Дела и мысли Леонида Манилова были направлены на поиски, задержание и изобличение вражеских лазутчиков.

В начале июня 1941 года в местечке Сулеювек возле Варшавы на базе бывшей разведывательно-диверсионной школы «восточного направления» гитлеровцы создали оперативный штаб «Валли» ведомства Канариса (немецкая разведка абвер). От нее потянулись нити к немецкой армии, которая выдвинулась к границам Советского Союза.

При армиях начали действовать полевые органы абвера — абверкоманды и подчиненные им абвергруппы, которые накануне войны начали активно забрасывать агентуру на нашу территорию.

Начиная с лета 1940 года от органов разведки в Москву начали поступать данные о концентрации войск Германии и ее союзников у границ СССР. Накапливались доказательства о приближающемся начале войны. Из разных источников, в том числе и от пограничников, политическое и военное руководство страны получило об этом свыше 70 донесений. Однако центр не реагировал на сообщения, считая все факты попытками немцев спровоцировать конфликт.

Такое отношение и предопределило во многом дальнейший ход событий.

Из сообщения НКВД в центральные органы о нарушении государственной границы СССР с 1 января по 10 июня 1941 г.

«С 1 января по 10 июня 1941 года, т.е. за 5 месяцев и 10 дней, всего были задержаны 2080 нарушителей границы со стороны Германии.

В мае за 10 дней до июня количество задержанных нарушителей из Германии увеличилось. В мае задержаны 352 нарушителя и за 10 дней июня — 108. За пять с половиной месяцев при задержании нарушителей на границе с Германией в связи с оказанием вооруженного сопротивления убиты 36 и ранены 25 нарушителей границы. За последнее время был ряд случаев задержания заброшенных в СССР агентов германских разведывательных органов, снабженных портативными приемопередающими радиостанциями, оружием и гранатами».

Генерал-лейтенант Масленников

С приближением войны активность гитлеровской разведки из месяца в месяц возрастала. В первом квартале 1941 года по сравнению с соответствующим периодом 1940 года количество задержанных и уничтоженных на за-

падном рубеже Родины вражеских агентов увеличилось в 15—20 раз, а во втором квартале — в 25—30 раз. При чем это были, как правило, профессиональные разведчики, в том числе офицеры абвера.

Все чаще через границу стали переправляться целые разведывательные группы, снабженные не только всевозможным шпионским снаряжением, но и инструкциями о действиях в условиях войны.

Вражеские группы нередко переодевались в форму советских военнослужащих.

Для ведения разведки гитлеровское командование широко использовало авиацию. Число нарушений границы немецкими и румынскими самолетами постоянно росло. Только за период с января по июнь 1941 года было зафиксировано 152 вторжения гитлеровской авиации в пределы СССР.

Еще в конце 1940 года пограничники стали получать от перебежчиков и задержанных вражеских агентов данные о том, что гитлеровцы сосредоточивают у границы свои войска. В апреле 1941 года командование Украинского пограничного округа докладывало, что в польский город Пшеворск прибыло до 300 танков, а командование Белорусского пограничного округа сообщило, что через станцию Отводск проследовало до 130 эшелонов с войсками, танками, бронемашинами и артиллерией.

Пограничники доносили об инженерных работах на сопредельной территории, о рекогносцировках местности, проводимых высшими офицерами гитлеровской армии, об изучении ими подступов к границе, замерах глубины рек и о многом другом. Эти данные сразу передавались в Главное управление пограничных войск и командованию соединений Красной Армии, располагавшихся вблизи границы.

Исключительно напряженной стала обстановка на западной границе в июне 1941 года. Каждую ночь к границе двигались колонны немецких танков, автомашин, пехоты.

2 июня начальник Брестского погранотряда доносил командованию о появлении на той стороне немецких инженерных частей с переправочными средствами — понтона-

ми, деревянными и надувными лодками. Несколько позже гитлеровцы начали подтягивать тяжелую артиллерию.

Все это заставляло пограничников быть начеку, в постоянной боевой готовности. На заставах в то время ускоренными темпами заканчивалось сооружение оборонительных объектов. Для охраны границы высылались усиленные пограничные наряды. Важнейшие направления прикрывались ручными и станковыми автоматами. Заставы усиливались за счет маневренных групп, при комендатурах создавались подвижные резервы.

Одновременно уточнялись планы боевого взаимодействия пограничников с частями Красной Армии. Для поддержки пограничных подразделений выделялись подвижные отряды, постоянно находившиеся в 30-минутной боевой готовности.

21 июня в подразделения границы были командированы многие командиры и политработники из управлений пограничных округов и отрядов. Они разъясняли личному составу сложившуюся обстановку, проверяли боеготовность пограничников, напоминали им о необходимости поддержания высокой бдительности.

А в это время на сопредельной стороне заканчивались последние приготовления гитлеровских войск к вторжению.

На исходные позиции выходили армады танков с черными крестами на броне, к самолетам подвешивались бомбы, орудия поворачивали свои жерла на восток. Дивизионные пасторы созывали гитлеровских вояк на молебен, предрекая им скорую победу.

К исходу 21 июня командованию некоторых погранотрядов стал известен и «час X» — время, определенное гитлеровцами для начала военных действий. Об этом, в частности, сообщил перешедший на нашу сторону немецкий солдат 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии Альфред Лискоф. Подтвердил это и польский патриот мельник из села Бубель Стары Иосиф Бадзынский, который, рискуя жизнью, ночью переправился через Западный Буг.

Над границей опустилась короткая июньская ночь. Наряды, вышедшие в дозор, с особым напряжением прислушивались к тревожной тишине, всматривались в густую темень.

Время неумолимо отсчитывало секунды, приближавшие рассвет, которому суждено было стать рубежом между миром и войной.

«22 июня 1941 года в 4:00 немецкие войска внезапно открыли сильный артиллерийский огонь одновременно по участкам 2-й, 3-й и 4-й комендатур, ведущим в наш тыл. Одним из первых выстрелов противника были разрушены радио- и телефонная станции отряда. Связь со штабом войск и комендатурой прервалась».

Из характеристики боевых действий Перемышльского пограничного отряда в первые дни войны

Еще клубились туманы над рекой Сан, еще дышали предрассветной свежестью леса и поля, когда вздрогнула земля от взрывов, озарилась пожарами, застонала от ревов моторов. Около 4 часов утра 22 июня 1941 года гитлеровские орудия и минометы обрушили на советскую землю ураганный огонь. Армады немецких бомбардировщиков поднялись в воздух и взяли курс на восток. Через реку Сан двинулись войска гитлеровского рейха. Началась Великая Отечественная война. На правобережную часть города Перемышля обрушился шквал огня и металла. Снаряды подожгли и разрушили продовольственные склады, госпиталь, здание железнодорожной станции. Час спустя гитлеровцы начали форсировать Сан. Безостановочно следовали удары с воздуха. Особенно ожесточенный бой завязался у моста, где оборонялась группа пограничников.

В состав Перемышльского гарнизона входили подразделения 99-й стрелковой дивизии. Начальник Особого отдела, до этого активно участвовавший в тайной войне с гитлеровцами на берегах Сана, встретился с ними в открытом

бою. Леонид Яковлевич Манилов вспоминал: «В полосе обороны дивизии, а она простиралась на 45 километров, враг сосредоточил 54-й армейский корпус, который примерно в три раза превышал силы дивизии по численности людей и огневой мощи. Кроме того, на левом фланге немецкого корпуса действовала одна из дивизий танковой группы Клейста. Так что силы противоборствующих были далеко не равными».

В третьем часу дня Перемышль был оставлен. Вечером пограничники встретились с регулярными советскими частями. Командование 8-го стрелкового корпуса — генерал-майор М.Г. Снегов и бригадный комиссар В.И. Петрин — дало высокую оценку мужеству и стойкости защитников города.

Трудные испытания пришлось выдержать пограничникам. Они сражались героически. В боевых порядках находился и Константин Сумцов. Ему, необстрелянному бойцу, нелегко было привыкать к необычной для него обстановке боя. Неприятное гнетущее чувство охватывало его при бомбежке. В комок сжималось сердце, больно в висках отдавалась пульсирующая кровь. Ходуном ходила земля... Оглушительно гремели взрывы. Свистели осколки...

Вечером 22 июня был разработан план контрудара. Его должны были нанести подразделения 99-й стрелковой дивизии полковника Н.И. Деменьтьева и 92-го пограничного отряда. Для наступления на город с юга предназначался только что сформированный сводный батальон пограничников. Командовал им пограничник старший лейтенант Г.С. Поливода, его заместителем по политической части стал политрук А.А. Тарасенков. На других направлениях удар должны были нанести подразделения 4-й пограничной комендатуры, а также пулеметная и противотанковая роты одного из полков 99-й стрелковой дивизии. Поддерживал их 71-й гаубично-артиллерийский полк этой же дивизии.

В 4 часа утра заговорила наша артиллерия. Орудия прямой наводкой били по домам, где засели гитлеровцы. Пулеметные очереди насквозь простреливали улицы, оглу-

шительно взрывались мины. Затем в атаку поднялись пограничники, и бойцы 99-й дивизии ворвались в город. Начались ожесточенные уличные бои.

...25 июня 1941 года Совинформбюро сообщало: «Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем». Что значит эта строка для советских людей на третий день войны? Очень много. Значит, сражается Красная Армия, значит, бьет врага, значит, победа будет за нами...

Перемышльский контрудар нашим народом расценивался как предвестник грядущей победы.

Советское командование высоко оценило подвиг пограничников. Приказом по 99-й стрелковой дивизии объявлялась благодарность всему личному составу сводного пограничного батальона. Его бесстрашный командир старший лейтенант Г.С. Поливода был назначен военным комендантом города. (Григорий Степанович Поливода посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Его именем названа застава.)

В городе началось строительство оборонительных сооружений. Сотни горожан добровольно вышли рыть окопы, прокладывать через улицы ходы сообщений. Одновременно началась эвакуация семей командиров, прежде всего женщин и детей. Были вывезены ценности Госбанка и другое имущество. Гитлеровцы же продолжали вести артиллерийский обстрел города, то и дело предпринимали новые атаки. Перебрасывали через реку Сан новые диверсионные группы.

Чекисты обратили внимание на то, что немцы обстреливали далеко не все дома Перемышля, а лишь те, где укрывались советские пограничники. Капитан Манилов поставил задачу своим сотрудникам проверить горожан, живущих вблизи советских огневых точек и укрытий.

— Кожей чувствую, где-то рядом действует вражеский лазутчик. Ищите и думайте! — наставлял Манилов своих сотрудников. — И не отрывайтесь от реальной жизни. А то ведь некоторые полагают, что ветры происходят от движения туч по небу.

Сумцову нравились сентенции Манилова. Например: «Кто не умеет смотреть вперед, тот всегда оказывается позади...», «Самые крупные рыбы те, которые срываются с крючка».

В поле зрения чекистов оказался сторож городского жилищного управления Максимов. Русский, на первый взгляд весьма добродушный старик. Было ему за шестьдесят. Как выяснилось позже, он служил в белой армии и в Перемышль бежал от Советской власти. Его настоящая фамилия была Андрей Виноградов. Чекисты стали следить за ним. Заметили, что примерно около одиннадцати часов вечера сторож вылезал на крышу дома и подавал сигналы азбукой Морзе на противоположный берег.

— Безобидный старик... — говорите, — рассуждал Манилов. — Ну, ну... А сигналы немцам подает. Вражина опасный, его необходимо срочно обезвредить. Враг часто бывает и хитрей, и умней наших о нем представлений.

Манилов подготовил опергруппу для задержания вражеского агента.

— Старик этот может быть вооружен и оказаться неплохим стрелком. Будьте предельно осторожны, — напутствовал группу чекистов капитан Манилов. — Стрелять, если понадобится, — только по конечностям.

В группу захвата тогда был включен и Константин Сумцов.

Группа захвата из нескольких человек, — и среди них Константин Сумцов, — тихо забралась на крышу. Спрятались за трубами. Ждать пришлось недолго. Из слухового окна на крышу вылез сторож и, откашлявшись, стал подавать сигналы гитлеровцам. От них замигали ответные огни — новое задание старому шпиону. Получив его, сторож быстро спустился на землю. И сразу же гитлеровские артиллеристы стали обстреливать старые позиции пограничников. (Их успели перебросить в новые укрытия.)

Чекисты схватили агента и допросили. Гитлеровский лазутчик во всем сознался.

Старый шпион не оказал сопротивления при задержании, однако чекисты не были гарантированы от встреч с хорошо подготовленными вооруженными до зубов диверсантами. Манилов учил своих подчиненных: «Задержать преступника нелегко: нельзя надеяться на то, что его лично застанете врасплох. Потому в любых случаях нужно готовиться к этой операции со всей серьезностью, стараясь предусмотреть все возможные неожиданности. В частности, надо знать точно не только дом и квартиру, где обосновался преступник, но и все входы и выходы в доме, расположение комнат, где может находиться подлежащее задержанию лицо. Надо учесть и повадки преступника, его физическое развитие, способность к вооруженному сопротивлению и многое другое. Надо так действовать в доме или на улице, чтобы не вызвать никаких подозрений у врага и не спугнуть его — иначе можно нарваться на пулю преступника». Шпиона Виноградова расстреляли.

Гитлеровцы потеряли надежного агента и решили заслать нового, на сей раз женщину. Ее задержали у самого Сана. Даже свою резиновую лодку она не успела оттолкнуть обратно. Хорошо одетая миловидная женщина лет тридцати горько плакала и уверяла, что бежит от немцев, которые замучили мужа. Ее обыскали и обнаружили в медальоне с изображением Ченстоховской Божьей Матери папиросную бумажку с шифром. Только тогда шпионка призналась, что ее послал абвер. Держалась она вызывающе, хотя знала, что снисхождения не будет.

После жестоких боев страшно искалеченный Перемышль оказался в руках у немцев.

Из воспоминаний капитана Леонида Манилова: «Целых шесть дней сдерживали натиск врага, отстояли город. Непрерывно переходили в контратаки, предпринимали контрудары. В бой шли не только красноармейцы и пограничники, но все, кто только мог держать оружие и стрелять из него. Ходили в контратаки повара и кладовщики... дрались, что называется, за каждую пядь земли. Потери были большие,

пришлось отходить. 30 июня заняли оборону на новом рубеже. Но ненадолго — вновь пришлось отходить и отходить...»

Эпизод с задержанием старого шпиона остался в памяти Сумцова на всю жизнь.

Пять дней пограничники и армейские подразделения удерживали Перемышль. За это время противник несколько раз пытался атаковать их, но наши воины не дрогнули, давали врагам решительный отпор. 27 июня был получен приказ командующего фронтом об отходе.

И кадровые пограничники, и закалившиеся за время героической обороны молодые бойцы покидали пылающую границу, не побежденные врагом. Стиснув зубы, они шли на восток. С ними шел и Константин Сумцов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В сражении за Москву чекисты показали себя достойно

Дни битвы за Москву крепко отложились в памяти Константина Сумцова. Такое не забывается. Еще в юности Константин Сумцов запомнил фразу из любимого произведения «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого. «Счастье — только в погоне за счастьем... И еще в воспоминаниях».

Да, человек живет воспоминаниями и предвкушениями. Воспоминания греют душу, порой огорчают. Но то, что с тобой было, никуда не денется. Отменить это нельзя. Оно навсегда с тобой. Разве можно забыть Москву сорок первого года... трудные октябрьские дни... героическую оборону столицы. Любовь к девушке по имени Ирма...

На одной из площадей Москвы был выставлен сбитый немецкий бомбардировщик. В толпе у самолета Сумцов обратил внимание на стройную, изящную девушку. Подошел к ней поближе.

— Отлетался!

— Стервятник... — слышалось в толпе.

— Бомбардировщик «Юнкерс-87», — заметил Сумцов.

— Разбираетесь в самолетах? — девушка с улыбкой посмотрела на Константина.

— Досталось мне от них... — тихо произнес Сумцов.

Девушка, оглядев с головы до ног ладного незнакомого сержанта, с любопытством внимательно посмотрела ему в глаза. Взгляд ее был быстрый и как бы ощупывающий. Константин в долгу не остался, в свою очередь стал рассматривать незнакомку. Лицо доброе, привлекательное, но поразили ее глаза. Глаза... Говорят, они зеркало души. Они глядели на него словно из глубины.

«С ней надо познакомиться», — решил Сумцов, спросил:

— А как вас зовут?

— Ирма.

— Хорошее имя.

Они расстались, договорились обязательно встретиться завтра.

* * *

Ирма была студенткой института иностранных языков.

— Как учеба? — поинтересовался Константин успехами своей знакомой.

— Какая там учеба — одни окопы. Ох и надоело махать лопатой. Ну, теперь я дома, — весело заявила Ирма.

Студентка Ирма вернулась со строительства оборонительных сооружений. По замыслу, противотанковые рвы должны были задержать противника.

— Нашу большую группу студентов, в основном девушек, разбили на отряды и увезли на поезде до Смоленска. Там мы и трудились, нормы вырабатывали, рыли лопатами противотанковые рвы. Фронт приближался... Нас на автомашинах привезли в район Можайска. Копали и там. Жили дружно.

Тогда трудом москвичей были подняты миллионы кубометров земли — труд колоссальный. Сами по себе эти оборонительные сооружения не могли, разумеется, преградить путь врагу. Но это ничуть не умаляет того вклада, который внесли люди — защитники столицы.

Родители Ирмы эвакуировались, и она в Москве осталась одна. Костя импонировало ее знание немецкого языка. Он пытался разговаривать с ней на немецком. Он, как говорится, учился через пень-колоду, но разговорный немецкий знал. Его мама, Тамара Владимировна, была учительницей немецкого языка. Старалась приобщить сына к знанию иностранного языка.

Костя несколько раз встретился с Ирмой и понял — пришла любовь. Любовь всегда ожидают, ее ждут, о ней мечтают.

«Любовь нечаянно нагрянет,
Когда ее совсем не ждешь», —

эти слова песни из любимого Костей фильма «Веселые ребята» стали для него реальностью.

Без любви жизнь не продолжается. Ей все возрасты покорны. А Костя был молод, энергичен и по-своему любвеобилен.

По постановлению Государственного Комитета Оборона СССР от 12 октября 1941 г. была создана московская зона обороны. Константин Сумцов оказался в подразделении охраны Штаба Московской зоны НКВД СССР. В задачу Штаба входило наблюдение за соблюдением особого режима в городе и особенно на участках, прилегающих к важнейшим предприятиям жизнеобеспечения и оборонного значения. Следовало контролировать состояние охраны объектов, выполнение милицией режима прописки, соблюдение всеми гражданами дома и на работе правил светомаскировки и комендантского часа. Меры по выявлению судимых и лиц без документов были направлены на поиск дезертиров, сигнальщиков, мародеров и другого уголовного

элемента, на задержание вражеских агентов и диверсантов. При помощи службы комендантского надзора и милиции в городе проводились облавы и массовые проверки документов на магистральных улицах, площадях, в метро, на рынках, в очередях и других местах скопления людей, что требовали условия военного, а затем и осадного положения.

На восток было эвакуировано около 500 крупнейших фабрик и заводов, более миллиона квалифицированных рабочих, инженеров, научных работников. Правительство выехало в г. Куйбышев.

В Москве были приняты все меры по обеспечению обороны города, каждой улицы и даже дома. На главных улицах были сооружены баррикады, траншеи, противотанковые заграждения, укрепления.

Сержант Сумцов находился на службе и совсем не располагал свободным временем. Ему, как говорится, вверх глянуть было некогда. Он с нетерпением ждал возможности хотя бы короткой встречи с Ирмой. Он позвонил по телефону, находившемуся в коридоре коммунальной квартиры, где жила Ирма... Но соседи ответили, что ее нет. Наконец ему удалось самому навестись в жилище девушки. Ее не было. Внезапное исчезновение Ирмы огорчило, повергло в смятение Константина. Как-то горько и обидно стало, в душе смятение. Что произошло?.. Почему она его не предупредила... Их отношения далее поцелуя не переходили. Но какие это были поцелуи! Запомнилась последняя встреча.

— О, юноша, в расцвете лет поцелуй меня крепко! — пропела Ирма. И губы ее мягкие словно прилипли к его губам.

Ирма Лазаревская, студентка иняза, исчезла с поля зрения Константина Сумцова. Пройдет немало времени, и уже лейтенант Константин Сумцов узнает причину, а точнее, тайну ее исчезновения.

* * *

К лету 1941 года практически вся Европа лежала у ног нацистской Германии. Для разгрома любого противника армиям вермахта хватало нескольких недель. Молниеносные

прорывы немецких танковых групп, рассеченные советские фронты, сотни тысяч пленных, в считанные дни захваченные огромные территории. На какое-то время приковал к себе армии захватчиков Смоленск. Но вот он пал. Путь на советскую столицу открыт. Весь мир затаил дыхание: устоит ли Москва?.. Немцы стояли под стенами столицы, и советское правительство готовилось ее оставить. Гитлеровцы же в эти самые дни готовились к уличным боям. В конце октября немцы находились на ближних подступах к Москве. 13—15 октября передовые части группы армий «Центр» подошли к Можайской линии обороны. Среди защитников Москвы на фоне шкурников, сбежавших руководителей отдельных предприятий и учреждений особенно высвечивается деятельность чекистов. На тот случай, если бы немцы вторглись в Москву, в столице было подготовлено подполье. Чекисты проводили сугубо индивидуальную подготовку будущих подпольщиков. К тому времени у сотрудников органов безопасности уже был некоторый опыт работы в занятых врагом районах Московской области, и за немногие осенние месяцы им удалось накопить кое-какую информацию. Она касалась условий жизни в этих районах, существовавшего в них паспортного режима, дислокации и личного состава выдвинутых на московское направление органов абвера, СД и «айнзацгрупп» (оперативные группы СД), практики их работы среди местного населения с целью выявления лиц, связанных с подпольем и партизанами.

Чекисты учили будущих подпольщиков технике обнаружения слежки и способам ухода от нее, методам выявления провокаторов. Во всех делах отрабатывались легенды прикрытия. Каждый должен был твердо запомнить свою новую биографию, уметь воспроизвести ее во всех мельчайших подробностях. Когда легенда была отработана, предстояло определить характер личных документов, которыми надо было снабдить будущих подпольщиков. Таких документов было много — паспорт, трудовая книжка, военный и профсоюзные билеты и разного рода справки. Иногда возникала потребность в специальном изготовлении писем. от

родственников и друзей — содержание их определялось с учетом разработанной подпольщиком биографии, и они оформлялись по всем правилам почтовых отправлений.

Нужны были и «домашние» фотографии, нередко смонтированные. Что касалось главного документа — паспорта, то чекисты просто вклеивали вместо фотографии законного владельца фотографию подпольщика. Паспорта были подлинные. Делалось все это в специальных лабораториях НКВД СССР на столь высоком уровне, что изготовленные документы способны были выдержать самую придирчивую проверку. Что касается жилья для будущих подпольщиков, то чекисты подбирали такие места, жители которых их меньше бы знали и где легче было укрыться от оккупационных властей. Особое место при инструктаже отводилось способам связи будущих подпольщиков с Центром.

Была поставлена задача подготовить подпольные типографии, которые могли бы действовать в оккупированных немцами районах области. И три такие типографии были созданы. В одной из них печатали пробную листовку, в которой говорилось следующее: «Товарищи! Под непрерывающимся натиском немецких войск мы оставили Москву. Но не время лить слезы, мы знаем случаи, когда русские оставляли Москву, но затем, накопив силы, освобождали ее от врага».

Заканчивалась эта листовка призывом: «Смерть немецким оккупантам. Подпольный горком партии». К счастью, эта листовка оказалась всего лишь сигнальным экземпляром. До тиражирования дело так и не дошло.

В Москве было размещено много чекистских подпольных радиостанций. В частности, одна из них располагалась в том здании, где ныне находится Кукольный театр Сергея Образцова. Там же в подвале чекисты разместили свою станцию. Одну из многих.

Из отчета зам. начальника УНКВД г. Москвы и Московской области майора госбезопасности П.В. Петрова о создании агентурно-осведомительской сети для проведения

разведывательной и диверсионно-террористической деятельности в тылу противника.

3 ноября 1941 года

Для проведения разведывательной и диверсионно-террористической деятельности в тылу противника переведено на нелегальное положение:

по г. Москве — 29 оперативных работников;

по Московской области — 11 оперработников.

Оперработники осуществляют руководство над 35 резидентурами, охватывающими 269 человек агентурно-осведомительской сети. Каждый оперработник имеет на связи 2—3 резидента, которые, в свою очередь, имеют на связи по 2—4 агента или осведомителя. Для самостоятельного действия созданы 22 резидентуры с охватом 73 человек агентурно-осведомительской сети. Кроме того, для самостоятельных действий проинструктировано и остается в Москве и Московской области 334 человека.

Таким образом, всего за 3.XI.41 г. подготовлено агентурно-осведомительской сети для деятельности в тылу противника 676 человек. Из них:

по г. Москве — 553 человека;

по Московской области — 123 человека.

Из общего количества оставшейся агентурно-осведомительской сети озадачены:

а. по сбору разведывательных сведений — 241 человек;

б. по совершению диверсионных актов — 201 человек;

в. по совершению террористических актов — 81 человек;

г. по распространению провокационных слухов и листовок — 153 человека.

Вся агентурно-осведомительская сеть проинструктирована на самостоятельные действия в случае потери связи.

Оперсостав, переведенный на нелегальное положение, и часть агентуры обеспечены запасом продовольствия на 2—3 месяца.

Для осуществления связи с оперсоставом и агентурно-осведомительской сетью установлены пароли.

*Замначальника Управления НКВД МО
Майор госбезопасности Петров*

Архив ФСБ РФ. Подлинник. Рукопись

Подготовка чекистов шла в условиях глубокой секретности. Оперативные работники получили документы с вымышленными биографическими данными, поселились на конспиративных квартирах, где были созданы запасы оружия, взрывчатки, продуктов. Показательно, что публикуемый документ в целях конспирации был исполнен от руки заместителем начальника УНКВД г. Москвы и Московской области А.В. Петровым.

На случай вторжения гитлеровских войск активно создавались группы сопротивления и подполья для ведения боевой, разведывательной и диверсионной работы, минировались различные объекты, запасались оружие, взрывчатые и горючие вещества. Эти приготовления были необходимы, так как с передовыми частями 4-й немецкой танковой армии по маршруту Рославль—Юхнов—Медынь—Малоярославец двигались к столице подразделения особой команды «Москва» во главе с начальником VII управления РСХА штандартенфюрером СС Зиксом¹. Задача эсэсовцев — ворваться с передовыми частями в Москву и захватить важнейшие объекты.

У нас планировалось использование нелегалов-боевиков нескольких подпольных групп, оставляемых в Москве. Создание разведывательно-диверсионных сетей, комплектование материально-технической базы подполья, размещение подпольных радиостанций началось в августе-сентябре 1941 года. Вся ответственность за деятельность нелегалов в Москве возлагалась на начальника контрразведки НКВД

---

¹ Начальник управления оберфюрер СС профессор Зикс одновременно руководил культурно-политическим отделом МИДа.

СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотова.

Организованное чекистами подполье состояло из 20 независимых групп во главе с их руководителями (они же резиденты) в составе старших звеньев, агентов-связников, агентов-радивистов, боевиков и тех, кто мог осуществлять разведывательно-диверсионную работу в условиях оккупационного режима. Помимо них были небольшие, имевшие специальные задания автономные группы и одиночки, которые подбирались для подпольной работы из числа сотрудников НКВД, проверенных агентов и патриотов, добровольно изъявивших готовность выполнять задания органов безопасности в тылу противника.

Во главе групп, звеньев, да и в качестве рядовых участников подполья было немало старых членов партии, подпольщиков, а также бывших сотрудников ВЧК-НКВД, имевших опыт работы в условиях гражданской войны в России и национально-революционной войны в Испании.

Каждый член подполья был легализован: снабжен необходимыми документами, заблаговременно устроен на работу в зависимости от профессии, социального происхождения, подлинной или легендируемой биографии. Они могли значиться в качестве владельцев кустарных мастерских или торговых палаток, рабочих железных дорог и городского транспорта, монтеров, слесарей, граверов, шоферов, извозчиков, сторожей, истопников и официантов. Участники групп ежемесячно получали зарплату (в среднем 1180 руб.), одну рабочую продовольственную карточку и красноармейский паек. В их числе были люди самых разных профессий: инженеры, рабочие, служащие, научные и творческие работники, преподаватели вузов и школ, фармацевты, сотрудники издательств, артисты, актеры театра и кино, а также служители церкви и члены различных религиозных сект. Большинство из них имели задание и располагали возможностями внедриться в немецкие спецорганы или административный аппарат оккупационных властей.

Чекисты делали это профессионально. В спецслужбах противника простаков не было. Там работали профессионалы. Для подполья нужно было оставить таких лиц, чтобы немцы им поверили. Гитлеровские спецслужбы будут тщательно проверять наших подпольщиков. Как обеспечить их успешную деятельность, а в некоторых случаях и внедрение в гитлеровские спецорганы?

Этому, безусловно, поспособствует легендируемая биография человека. Но надежнее будет взять человека из прошлого — заведомого врага существующей власти. И пусть такого немцы проверяют многократно, как говорится, до потери сознания. Лиц, в свое время согласившихся оказывать помощь органам государственной безопасности в борьбе с врагами советской власти, в распоряжении чекистов было достаточно.

Из документов того времени

Справка об организации диверсионно-террористических групп в рамках реализации «Московского плана»

14 октября 1941 г. Сов. секретно

Для товарища Л.П. Берия

1-я группа — «З.П.» — диверсионно-террористическая группа. Состоит из 3 подгрупп, по 3 человека в каждой — двух боевиков и одного хранителя оружия для каждой подгруппы.

Созданы тайники, куда закладывается оружие и взрывчатка. Кроме того, организовано хранение взрывчатки за пределами Москвы, на территории испытательной станции Наркомзема.

В непосредственном подчинении руководителя группы имеются две рации: одна из них действующая, другая — резервная (на случай выхода из строя первой). Подобраны и обучены радисты для обеих раций.

Для выполнения специальных заданий руководителя создана группа из 3 разведчиков 3-го спецотдела НКВД СССР, которые переведены на нелегальное положение.

Все участники группы имеют прикрытие, для хранения и работы раций подобраны конспиративные квартиры.

Члены группы связаны с руководителем в индивидуальном порядке, через связистов.

2-я группа — «Рыбаки» — диверсионно-террористическая группа в составе 4 человек, имеющих опыт боевой работы. Руководитель группы — «Доктор» — чекист запаса, переведен на нелегальное положение.

Члены группы будут прикрывать свою работу слесарно-технической мастерской, имеющейся у агента «Голошин» (изобретатель). Группа имеет рацию: в качестве радистов подобраны муж и жена, прошедшие соответствующее обучение.

Рация будет храниться и работать в загородной даче в Лосиноостровской.

Для совершения диверсионно-террористических актов группе выделены оружие и взрывчатка, которые будут храниться в специальном тайнике.

3-я группа — «Белорусы» — террористическая группа под руководством «Лена» — бывш. чекиста — участника гражданской войны.

Группа состоит из 4 работников 3-го спецотдела НКВД СССР, изъявивших желание работать в тылу противника, и 3 девушек-агентов, прошедших боевую подготовку. Группа имеет в своем составе одного шофера-боевика, который по выполнении членами группы боевых заданий должен обеспечить их укрытие.

Оружием и взрывчаткой группа снабжена. Сотрудники НКВД переведены на нелегальное положение и обеспечены прикрытием.

4-я группа — «Дальневосточники» — диверсионная группа. Руководитель группы агент «Леонид» — бывший партизан, имеющий опыт подпольной и диверсионной ра-

боты в тылу японцев. Привлек к работе жену и 17-летнего сына. Переведен на нелегальное положение.

Группа состоит из двух пятерок, действующих самостоятельно и связанных с «Леонидом» через руководителей пятерок.

Группа будет осуществлять диверсионные акты на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте. Члены группы снабжены оружием и взрывчаткой.

5-я группа — «Старики» — диверсионно-террористическая группа. Руководитель — «Клим» — ст. оперуполномоченный СПУ НКВД СССР.

Группа состоит из 6 человек, бывших активных эсеров и анархистов, изъявивших желание работать в тылу противника. Все имеют опыт подпольной боевой работы. Для прикрытия «Клима» создана слесарная мастерская и конспиративная квартира у агента «Снегурочка», на которой он «женат».

Группа снабжена оружием и взрывчаткой. Кроме того, участнице группы «Герасимовой» поручено издавать антифашистские листовки, для чего она снабжена машинкой и стеклографом.

6-я группа — «Преданные» — диверсионная группа в составе 4 человек. Под руководством агента «Поэт». Группа состоит из бывших командиров Красной Армии и работников ПВО, имеющих боевой опыт.

Члены группы располагают тайником, снабженным взрывчаткой и оружием.

Группа будет проводить диверсионные акты на железнодорожном транспорте.

7-я группа — «Лихие» — террористическая группа, состоящая из 4 человек, бывших воспитанников Болшевской трудкоманды НКВД — в прошлом уголовных преступников.

Руководитель группы — агент «Марков» — бывший уголовный преступник, грабитель. Группа будет использоваться по совершению террористических актов в отношении офицеров германской армии.

8-я группа — «Семейка» — террористическая группа в составе 2 человек — мужа и жены, агентов «Альфред» и «Арбатская», изъявивших желание остаться в тылу у немцев для террористической работы. «Альфред» — духовное лицо.

Агент «Лекал» — бывший офицер царской армии, старый проверенный агент.

Оставляется в тылу противника с заданиями разведывательного характера. Для успешного выполнения задания по нашему заданию женился на дочери бывшего владельца «Прохоровской мануфактуры», располагающей большими связями среди сотрудников немецкого посольства в Москве и белой эмиграции.

В случае возвращения жене фабрик «Лекал» будет ими управлять и займет соответствующее общественное положение.

Агент «Тиски» — инженер, спортсмен, из дворян, мать осуждена к 8 годам ИТЛ за связь с сотрудниками немецкого посольства в Москве. Боевой и преданный агент.

Оставляется в тылу с заданием внедриться в спортивные и молодежные фашистские организации и добиться руководящего положения для совершения крупного террористического акта. «Тиски» прошел специальную подготовку в НКВД СССР.

Агент «Уралов» — скульптор, имеет собственную скульптурную мастерскую.

Оставляется в тылу у немцев для террористической работы. В мастерской «Уралова» создан тайник для хранения оружия и взрывчатых веществ.

«Уралов» прошел специальную подготовку в НКВД СССР.

Агент «Како» — ресторатор, старый преданный агент. Сам изъявил желание остаться в тылу противника для разведывательной и террористической работы.

«Како» организует собственный ресторан, который будет служить явочным пунктом, а также местом хранения

оружия. Квартира «Како» намечена под укрытие наших нелегалов. «Како» снабжен нами спиртными напитками.

Агент «Строитель» — инженер-железнодорожник, дворянин. Бывший крупный предприниматель. До революции знакомый бывших генералов царской армии и князей.

В тылу немцев «Строитель» организует проектно-строительное акционерное общество и добивается видного общественного положения. Сгруппировал вокруг себя группу пораженчески настроенных интеллигентов для «организованной встречи немцев».

Будет использован по разведывательной работе и, в зависимости от его отношения к своим обязанностям, намечен для более активного использования.

Агент «Кавказский» — бывший офицер царской армии, бывший крупный московский коммерсант. Жена — врач-гинеколог, обладает солидными связями в Берлине.

Оставляются в тылу для разведывательной работы. Имеющееся у его жены доставленное из Германии специальное оборудование используется для открытия частной гинекологической лечебницы.

Кроме того, будет принимать участие в коммерческой деятельности торгового дома, который думают восстановить его братья, в прошлом — владельцы крупного акционерного с немцами торгового дома.

Лечебница и торговый дом будут использованы для укрытия наших нелегалов.

Агент «Железный» — инженер, научный работник, бывший офицер царской армии.

Оставляется в тылу немцев по собственному желанию с заданиями разведывательного характера. «Железный» имеет опыт работы в типографии, и ему поручено издавать антифашистские листовки. Снабжен пишущей машинкой, стеклографом и фотоаппаратом.

Агент «Шорох» — журналист, профессор литературы, бывший провокатор царской охраны, бывший белогвардейский журналист.

Оставляется в тылу с разведывательными заданиями и организации нелегальной антифашистской печати.

Прикрытие — восстановление издательства Никитина, с женой которого он имеет соответствующую договоренность.

Агент «Пионер» — научный работник наркомата. Селекционная станция, на которой работает «Пионер», будет использована как явочный пункт и место укрытия наших нелегалов.

Агент «Преданный» — юрист, преданный и проверенный агент.

Оставляется в тылу немцев для организации нотариальной конторы и использования ее в качестве явочного пункта.

Агент «Сазанов» — бывший белогвардейский офицер, участник банды Пепеляева.

Оставляется в тылу немцев с заданиями диверсионного характера.

Агент «Семенов» — видный театральный деятель.

Оставляется в тылу немцев с заданиями разведывательного характера. Для прикрытия своей работы должен организовать драматический театр.

Агент «Мефодий» — бывший подполковник царской армии, дворянин, проверенный агент.

Оставляется в тылу немцев с разведывательными заданиями.

Агент «Евгеньева» — жена бывшего немецкого барона, расстрелянного в 1918 году. Старый, проверенный агент. Оставляется в тылу с разведывательными заданиями.

Агент «Лири» — аспирант консерватории, сотрудница профессора Квитко, видного украинского националиста, под прикрытием которого будет вести разведывательную работу.

Со всеми вышеперечисленными руководителями групп и агентами установлены пароли для связи.

КОБУЛОВ

ЦА ФСБ России, ф. К-1 ос, оп. 6, д. 84, л. 28—36.

Подлинник. Рукописный экземпляр исполнен Н.И. Эйтингоном

Среди лиц, оставленных для проведения диверсионно-террористических акций, были и такие фигуры, как бывший агент царской охраны, белогвардеец. Ну и что? Он ведь мог встретиться с кем-либо из старых своих кураторов, прибывших в Москву в обозе гитлеровцев. Такая встреча только бы укрепила его нелегальное положение.

* * *

Москва очень серьезно готовила свою оборону, что естественно сказалось, как только война подошла к городу...

В полном соответствии с требованиями ГКО планомерно велась подготовка к уничтожению важнейших объектов Москвы и Московской области на случай вторжения немецких войск.

К минированию было подготовлено более тысячи объектов. Среди них 12 городских мостов, Гознак. Все крупные заводы, включая «Серп и молот», были заминированы, все радиостанции подготовлены к взрыву. Все электростанции, до Шатурской включительно, также должны были взлететь на воздух, окажись тут немцы. Город оцетинился ежами — вкопанными в землю рельсами.

В 1941 году советские спецслужбы основательно подготовились к захвату города врагом. Подполье и минирование еще не все, что готовили чекисты врагу. Это и замысел покушения на Гитлера... К счастью, принятые меры и замыслы реализовать не понадобилось.

Действия чекистов были основательными и продуманными. Положение столицы оставалось очень серьезным. Ведь в те дни уже казалось, что нет ни сил, ни времени остановить раскрученную на полную мощность рвавшуюся к Москве страшную военную машину гитлеровцев, которая по планам тех, кто ею управлял, должна была войти в город до 7 ноября 1941 года. На штурм Москвы Гитлер бросил 51 отборную дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных — мировая история не знала такого сосредоточения войск.

Особая команда «Москва» (зондеркоманда 7Ц) имела задание ворваться с передовыми немецкими частями в Москву и произвести захват важных объектов. В оккупированных районах Московской области, в каких-то 20 км от столицы, действовал штурмбаннфюрер Отто Скорцени. (В качестве руководителя диверсионного отдела Главного имперского управления имперской безопасности Скорцени впоследствии выполнял личные указания Гитлера.) Созданный и возглавляемый Скорцени «технический отдел» должен был захватить здания ЦК и МК партии, НКВД, Центрального телеграфа и ряд ключевых оборонных объектов во время вторжения в Москву немецких войск. Немцы тщательно подготовились к захвату столицы государства — Москвы. К встрече с ними не менее тщательно подготовились и чекисты. А в боях под Москвой насмерть стояли бойцы и командиры Красной Армии.

В Москве не только минировался ряд зданий, но и продумывались мероприятия по поджогу зданий. Об этом свидетельствует нижеприведенный документ.

**Инструкция о порядке эвакуации сотрудников
НКВД СССР из служебных помещений и поджога
зданий при угрозе захвата столицы немецкими
войсками**

12 октября 1941 г. Сов. секретно

Порядок вывода людей из зданий № 2, 12, 11 и 12 для производства работ по поджогу.

Все люди, находящиеся в зданиях, должны быть предупреждены об опасности и выведены на сборный пункт. Оповещение может быть проведено двумя следующими способами.

1. Сигнал об уходе из зданий подается горнистами, которых потребуется иметь не менее 10 человек. Этот способ прост, но обладает следующими недостатками: не все люди могут понять сигнал. Разъяснение значения сигнала

приведет к раскрытию конспирации всей работы. Оставшиеся после сигнала люди, заметив начало пожара, могут принять меры по его ликвидации и к борьбе с работниками, выполняющими операцию поджога. Возможны несчастные случаи.

2. Подача сигнала по внутренней радиосети. Оборудование такой сети, по сведениям, полученным от генерал-майора т. Апполонова, займет два дня. Пользуясь закрытостью, операцию поджога можно провести быстро и четко.

Полагаю, что для полного освобождения зданий достаточно предоставить 30 минут после подачи сигнала. По истечении этого срока будет начат поджог.

Как предварительная мера может служить сосредоточение всех оставшихся сотрудников и размещение войск в нижних этажах и отдельных корпусах зданий с изоляцией свободных помещений и закрытием в них доступа. По этому вопросу надлежит дать указания начальникам управлений.

Для принятия всех распоряжений, связанных с операцией, мною установлено дежурство ответственных лиц, находящихся в комнате 240, тел. 41-11. Кроме меня распоряжения могут принимать капитан госбезопасности Фонаков, майор Гольдберг, военинженер 2-го ранга Червяков.

Полагаю необходимым установить порядок передачи распоряжения о начале операции и его проверки.

НАЧАЛЬНИК КОМЕНДАНТСКОГО ОТДЕЛА
УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ БЛОХИН
МАЙОР ГОЛЬДБЕРГ
ВОЕНИНЖЕНЕР 2-го РАНГА ЧЕРВЯКОВ

ЦА ФСБ РФ, ф. К-1 ос, оп. 6, д. 89, л. 16-18¹⁴.
Подлинник. Рукопись

Москва жила своей прифронтовой жизнью. Особенно запомнился один из ее дней. 16 октября...

По улице шагают врассыпную разношерстные красноармейцы с темными лицами, с глазами, в которых глубокая усталость.

У магазинов огромные очереди, в магазинах сперто и сплошной бабий крик. Объявления: выдают все товары по всем талонам за весь месяц.

По талону за 26.X выдают по пуду муки рабочим и служащим.

Метро не работает с утра. Трамваи двигаются медленно. Путь от Калужской до Преображенской заставы — 3—4 часа.

Ночью и днем рвутся снаряды зениток, громяют далекие выстрелы. Никто не обращает внимания. Тревога не объявляется.

Многие заводы закрылись, с рабочими произведен расчет, выдана зарплата за месяц вперед.

Много грузовиков с эвакуированными: мешки, чемоданы, ящики, подушки, люди с поднятыми воротниками, закутанные в платки.

Вечером постановление Моссовета: всем учреждениям, предприятиям, магазинам, коммерческим предприятиям и т.д. предписывается работать по установленному порядку. Милиции следить за этим.

* * *

Бодрый старик на улице спрашивает:

— Ну почему никто из них не выступил по радио?.. Пусть бы сказал хоть что-нибудь... Худо ли, хорошо ли — все равно... А то мы совсем в тумане, и каждый думает по-своему...

Баба в очереди:

— Раз дело касается родины, значит, все должны одинаково страдать.

— Ну да уж... Сейчас так получается, что каждый должен гадать насчет себя... Кому что удется...

— Вы не уезжаете?

— Куда там! Сунулись на вокзал, а билетов уже не продают.

— Мой сын пешком пошел... Вскинул на плечи мешок с сухарями, расцеловался и пошел — куда глаза глядят...

— Октябрьскую революцию будем праздновать?

— Обязательно... вон, слышишь, немцы уже конфетов привезли, сейчас на Рогожской сбросили...

— Двум смертям не бывать...

— И где она стукнет, никогда не предугадаешь.

— Кому суждено...

— Смерть не страшна, а вот коли он начнет издеваться, дурасть свою показывать...

— Все говорят: у немцев нет того, нет другого. А у нас, гляди-ка, народ мучается в очередях!

— Ну и шла бы ты, старая, к немцам, а еще лучше прямо к сатане на рога!

— Сечку дают?

— Дают, и на детские, и на взрослые.

— Становитесь в очередь! Нечего примазываться.

— Я и то стою!

— Граждане! Красноармейцам вне очереди по одному батону без карточек.

— Ну что ж, это правильно. Они жизнь отдают.

* * *

У баб в очереди установился такой неписанный закон: если кто во время стрельбы бежал из очереди — обратно его не пускать.

Дескать, пострадать, так всем вместе. А трус и индивидуалист (шкурник) пусть остается без картошки.

По улице двигаются грузовики с бойцами. Из рупора, зычно:

Ребята, не Москва ль за нами?

Умрем же за Москву!

Тяжело молчать и тяжело говорить о том, что происходит. А происходят события огромнейшего исторического значения.

На нас обрушилась военная промышленность всей Европы, оказавшаяся в руках искуснейших организаторов.

А где английская помощь?

А может быть, английский империализм хочет задушить нас руками Гитлера, обессилить его и потом раздавить его самого? Разве это не логично, с точки зрения английских империалистов?

Весь мир знает, как тонко умеет «англичанка гадить» — эти слова пожилого, интеллигентного вида человека Сумцов услышал на улице. Задумался.

16 октября 1941 года в Москве началась невероятная паника. В город просочились немецкие агенты, которые начали распространять листовки: «Не бойтесь, мы никого трогать не будем, переходите к нам, вот вам пропуск» и так далее... Эти же листовки сбрасывались и с самолетов — ночами было примерно восемь-девять налетов. Одна бомба, в частности, угодила в здание ЦК партии, другая — в гараж НКВД...

Начальник Управления НКВД по Московской области Михаил Иванович Журавлев собрал весь руководящий аппарат в эти дни на оперативное совещание. Приехал Меркулов — заместитель министра внутренних дел. Выступил. Обрисовал все в довольно мрачных тонах: немцы уже рядом, уже на Сходне немецкая танковая разведка появилась, уже в Химкинском районе немцы устанавливают орудия. В общем, положение сложное, чтобы не сказать иначе... «Никто, конечно, Москву сдавать не собирается, — сказал Меркулов, — но мы должны быть готовы и к этому варианту...» Выступил Журавлев: «Мы должны встретить немца во всеоружии. Насколько хватит сил, будем отстаивать Москву». И это прозвучало как приказ для сотрудников московского управления.

А на улицах уже происходили страшные вещи — грабили магазины, на фронте уже были случаи, когда красноармейцы бросали оружие и, сбросив форму, бежали в тыл. И их надо было как-то задержать. А в это время уже начали подходить сибирские дивизии и разгружаться в зоне Москвы.

И тут прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего. Журавлев зачитал его чекистам в кабинете — собрались все. «Распространителей паники, немецких агентов, сигнальщиков, бандитов, грабящих население и магазины, расстреливать без суда и следствия на месте...»

Нужно отметить положительную роль московских руководителей.

— До Журавлева, то есть где-то до июля 1941 г. (а он пришел к нам в августе 41-го), Управление НКВД по Московской области возглавлял Кубаткин Петр Николаевич. Это была светлейшая личность... Ужасно, но после войны его расстреляли по так называемому «ленинградскому делу», — вспоминали московские чекисты. — В те годы, когда Кубаткин работал в Москве, он наводил у нас порядок после всех этих ежовских дел, благодаря ему были изгнаны из нашего управления те, кого мы именовали «липачами», то есть сотрудники, которые в годы ежовщины фальсифицировали дела на честных людей, писали на них всевозможную «липу», добиваясь их незаконного осуждения. Да, память о бывшем пограничнике-чекисте Кубаткине у людей осталась светлой. И вот в Московское управление приходит Журавлев. Сразу стало ясно: с этим человеком работать можно. А ведь труд, который он брал на свои плечи, был колоссальный: он возглавлял всю оперативно-следственную работу по Москве и Московской области. Более того, все оперативные мероприятия, где бы они ни проводились — в центре Москвы или где-то на границе столичной области, — все непосредственно докладывалось ему и ему же подчинялось. Такая была тогда централизация... Это был человек, который работал с 10 часов утра и до 5—6 часов утра следующего дня. Пять часов на сон — это был его ежедневный отдых. Он и спал тут же, на работе, — в комнате рядом с кабинетом, на Лубянке, 14.

— На столе у Журавлева, как водится, было много телефонов... Часто ему звонил Берия, но он обычно реагировал на его звонки довольно безучастно, без особого интереса.

С Берия он мало считался, не говоря уж о каком-то рвении. Но стоило раздаться звонку от Щербакова¹, как он сразу «собирался» — такой звонок был как сигнал к действию. Очень он уважал Щербакова.

Журавлев решительный был человек. Смелый. И главное — высокопорядочный. И очень человечный. Кому-то надо помочь? Все знают: Журавлев никому отказать не может. Если это в его силах, обязательно сделает. Очень заботливый был человек... Если б таких оказалось побольше, история наша могла бы выглядеть несколько иначе, — рассказывал Сумцову один из подчиненных Журавлева.

Московское Управление НКВД играло важную роль. Фактически именно это управление должно было противостоять гитлеровцам. Это оно брало на себя главные контрразведывательные, а также другие функции, которые обычно осуществлял Центр, — а получилось так потому, что аппарат Наркомата внутренних дел уже эвакуировался из Москвы. А Управление осталось. И вся тяжесть практической работы падала именно на Журавлева и его аппарат.

20 октября ГКО ввел в Москве и прилегающих районах осадное положение. Войска ПВО Москвы вели упорную борьбу с авиацией противника. В октябре враг совершил на Москву 31 налет, в этих налетах участвовало 2 тысячи самолетов (из них было сбито 278), к городу прорвалось только 72 самолета. Это было трудное время. Тяжело было жителям Москвы, а на фронте было еще труднее. Враг понес значительные потери, но от захвата Москвы не отказался, решив во что бы то ни стало овладеть ею до начала зимы. Перевес сил был на стороне противника. На Москву была нацелена 51 дивизия, в том числе 13 танковых и моторизованных. «Но и мы решили не сдавать свои позиции. Стоять насмерть! — вспоминает Сумцов. — Войска фронтов получили приказ прочно удерживать занимаемые рубежи».

---

¹ А. С. Щ е р б а к о в — первый секретарь МК и МГК, секретарь ЦК ВКП(б), начальник Совинформбюро.

* * *

Конечно, столица пострадала, не обошлось без жертв. Об этом свидетельствует приведенный ниже документ.

**Спецдонесение коменданта Московского
Кремля в НКВД СССР о гибели личного состава
при бомбардировке**

30 октября 1941 г. Сов. секретно
№ 47/14158с

29 октября 1941 г. в 19.22, через 2—3 минуты с начала объявления воздушной тревоги, в момент выхода подразделений из Арсенала в бомбоубежище с вражеского самолета в Кремль на территорию Арсенала сброшена бомба фугасного действия.

Взрывом бомбы:

а. убито — 41 чел.

б. не найдено — 4 чел.

в. тяжело ранено — 54 чел.

г. легко раненных — 47 чел.

Из них: в лазарете УКМК — 9 чел., отпущено в подразделения — 38 чел.

Кроме того, разрушен малый гараж, разбиты 2 автомашины «ЗИС-5», 1 пикап и 1 мотоцикл. Разрушены общежития транспортной роты, ВПК, музкоманды и часть мастерских, расположенных в нижнем этаже Арсенала. Во всех корпусах выбиты стекла.

*Комендант Московского Кремля
Генерал-майор СПИРИДОНОВ*

ЦА ФСБ РФ, ф. 17, оп. 25, д. 10, л. 236
Заверенная копия

Москву бомбили. Опасности подвергались жители столицы, военнослужащие. Константин Сумцов нес свою службу, а к опасности относился философски.

— Жизнь — довольно рискованное предприятие, — с улыбкой говорил Костя. Он с грустью вспоминал об Ирме. От воспоминания о неожиданном расставании щемило сердце.

До наступления наших войск под Москвой каждый день был днем смертей, тяжелых боев.

* * *

Осенью сорок первого был секретный приказ Председателя Государственного Комитета Оборона И.В. Сталина по уничтожению населенных пунктов в районе линии фронта — осуществлялась тактика «выжженной земли».

Ставка ВГК издала приказ № 0428 о лишении германской армии возможности использовать для обороны населенные пункты:

«Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20—30 км по обе их стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех

населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20—30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.

4. Военным советам фронтов и отдельных армий систематически проверять, как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта. Ставке через каждые 3 дня отдельной сводкой доносить, сколько и какие населенные пункты уничто-

жены за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты».

Боец войсковой части 9903 Зоя Космодемьянская 27 ноября 1941 года выполняла этот приказ. Но погибла...

* * *

Наступление гитлеровских войск на Москву возобновилось 15—18 ноября. Ценой огромных потерь в конце ноября — начале декабря противнику удалось выйти поближе к Москве. Но дальше враг не прошел. Инициатива действий стала переходить к нашим войскам. В результате упорной обороны и контрударов в конце ноября — начале декабря последние попытки немцев прорваться к Москве были сорваны. Советские войска, находясь нередко в критическом положении, выстояли и обескровили врага. Моральный дух гитлеровских войск был надломлен.

* * *

Изгнание с московской земли гитлеровских захватчиков выдвинуло перед чекистами новые задачи — выявить и подвергнуть аресту вражескую агентуру, лиц, которые запятнали себя сотрудничеством с врагом. На освобожденной территории оперативные группы выявили более 30 агентов немецкой разведки, около 50 предателей, работавших в полиции, 400 других изменников Родины, 78 преступников-мародеров.

Не удалось избежать и ошибок. В число арестованных попали лица, которые, согласившись по принуждению сотрудничать с оккупационными властями, в то же время, как было подтверждено в ходе дальнейшего следствия, скрытно оказывали помощь партизанам, обеспечивали их продуктами питания, передавали сведения о войсках противника и готовящихся карательных операциях. Иногда не принималось во внимание нахождение близких родственников арестованных в действующей армии.

В сражении за Москву чекисты показали себя достойно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я — контрразведчик

Кем стать? В детстве Костя об этом на задумывался. Возникали разные желания. Машинистом паровоза... Киномехаником... С возрастом вдруг возникло страстное желание стать моряком. Мечтал о море, бредил им. Жизнь свою представлял только в морской форме, на корабле. Сверстники стали звать его «Костя-капитан». Однако моряком стать ему не довелось. Призвали служить в пограничных войсках. Мечта о море отошла в сторону, с гордостью стал носить зеленую фуражку. О том, что станет контрразведчиком, ему и в голову не приходило. Конечно, романтика этой деятельности не была ему безразлична, волновала, будоражила воображение. В предвоенные годы газеты, фильмы клеймили иностранных шпионов. Впечатление было такое, что чужеземные лазутчики воруют у нас секреты, а мы у них — ни-ни. Об этом были кинофильмы «Высокая награда», «Ошибка инженера Кочина», спектакль «Очная ставка». Мать Кости, Тамара Владимировна, скептически относилась к увлечению сына морской романтикой и однажды сказала:

— Будь кем хочешь: врачом, инженером, артистом, агрономом, геологом, но только будь честным, деятельным, добрым человеком.

Война... Рушились привычные представления о добре и зле. Константин столкнулся с вероломством, предательством...

Навсегда в памяти остались бои на границе. Гибель товарищей... Тогда он впервые познал, что такое смерть. Вот только что был рядом твой товарищ по оружию Юра Писной. А через минуту лежал, уткнувшись лицом в землю. Сраженный пограничник, казалось, только споткнулся и вот-вот поднимется, чтобы снова крушить врага. Что мог он, Константин Сумцов, сделать для погибшего? Проститься с ним... Чувство безысходности охватило Константина.

Смерть человека всегда трагична. Потеря каждой индивидуальности невозполнима. Константин стоял в оцепенении, не чувствуя времени. Выстрелы рядом вернули его к действительности. Шел бой.

О том, что было, лучше не вспоминать. Сумцову не хотелось думать и о том, что ждет его впереди. По натуре он был оптимист. О плохом, трагическом не задумывался...

По постановлению ГКО СССР от 12 октября 1941 года была создана Московская зона обороны — территория по линии Калинин—Ржев—Можайск—Калуга—Тула—Коломна—Кашира. В октябре по приказу НКВД был образован штаб охраны Московской зоны. При этом штабе и служил Сумцов. Вся зона была разбита на семь секторов. Органы НКВД обязаны были очистить ее от сомнительного и подозрительного элемента, проводить борьбу с дезертирством, навести порядок на дорогах и одновременно обеспечить связь фронтов с Москвой по ВЧ.

В Московскую зону входили войска 24-й и 60-й Армии.

24-я Армия, которой командовал пограничник генерал-майор Константин Иванович Ракутин, участвовала в Смоленском сражении, задержала наступление немцев на Москву. К 20 октября управление армии было расформировано. Вторично 24-я Армия начала формироваться в декабре сорок первого в Московском военном округе. Наша гвардия родилась в 24-й Армии, а имя ее командующего Ракутина займет свое достойное место в истории Великой Отечественной войны.

После разгрома гитлеровских войск под Москвой Московская зона обороны, по существу, стала выполнять роль резервного фронта, готовя пополнение для действующей армии.

* * *

Константин Сумцов весной 1942 года, поучившись на курсах Московской межкраевой школы НКВД, стал служить в запасном полку Московской зоны обороны помощником уполномоченного Особого отдела. С большой тепло-

той он всегда вспоминал своего первого наставника капитана Петра Александровича Овчинникова¹, руководившего чекистской работой в полку. Константин представился ему. Капитан расспросил его о полученной подготовке.

— Эх, молодо-зелено... Чекистскую науку за короткое время постигнуть нельзя, — усмехнулся он. — Будешь повышать квалификацию в ходе работы.

— Постараюсь.

— Надеюсь. Свой экзамен на право быть бойцом ты сдал в бою на границе. Теперь твоя ближайшая задача — познать приемы и методы подрывной деятельности вражеской разведки, постичь основы чекистского мастерства...

Овчинников, вводя Сумцова в курс дела, рассказал о части, в которой ему предстояло служить.

— Мы призваны, — говорил капитан, — оградить эту часть от подрывных действий врага.

* * *

Как-то в комнату, где Сумцов работал, зашел молоденький лейтенант, попросил выслушать его.

— У меня в учебном взводе служит сержант Анатолий Вишняков. Требовательный, расторопный командир отделения. Но вот что смущает. Писем он получает и отправляет очень много. Прямо как полевая почта.

— Ну и что? — искренне удивился Сумцов. — Видимо, у сержанта много друзей.

— Не знаю, друзья ли это. А вообще Вишняков мастер заводить знакомства. Вот вчера, к примеру, я видел его со старшиной из авиационной части. Случайно ли все это?

— Мы учтем ваше заявление, — ответил Сумцов. — Может быть, вы еще что-нибудь заметили?

— Больше ничего, если не считать, что у Вишнякова есть характерная примета — небольшой шрам на левой щеке.

---

¹ Фамилия изменена.

«Бдительный товарищ», — подумал Константин, провозжая лейтенанта. Однако личностью сержанта решил поинтересоваться, ведь его начальник — опытный чекист капитан Овчинников говорил ему, молодому, начинающему контрразведчику:

— В нашей работе нет мелочей. Любой на первый взгляд не заслуживающий серьезного внимания сигнал должен быть проверен.

Для начала Сумцов выяснил, что сержант Вишняков действительно получает много писем. И все с фронта. Узнал, что до войны он работал трактористом в Харьковской области. Там у него остались родные...

Когда Сумцов доложил о беседе с заявителем своему начальнику, то тот, внимательно его выслушав, сказал:

— Это сигнал! А любой сигнал мы должны проверить. Говоришь, родные сержанта в оккупации.

— Под Харьковом.

— Само по себе это не дает нам право подозревать человека в чем-то неблагоприятном. Немец-то у нас какую территорию отхватил! Миллионы людей оказались в оккупации. Им можно лишь посочувствовать. Хотя такой факт биографии этого сержанта тоже приходится учитывать. Узнай, в какой части служил сержант. И еще поинтересуйся его взаимоотношениями с лейтенантом. Может быть, у них сложились неприязненные отношения, несовместимость характеров, просто возникла обида... И лейтенант-заявитель хочет подбросить горошину в сапог ближнего своего, — с улыбкой закончил инструктаж капитан Овчинников.

Когда Сумцов назвал Овчинникову номер дивизии, в которой ранее служил Вишняков, капитан оживился.

— Дивизия, о которой ты говоришь, — сказал он, — вела тяжелые бои на дальних подступах к Москве. Некоторые ее подразделения попали в окружение. Выходили с боями... Несмотря на лишения и невзгоды, многие бойцы и командиры этой дивизии сумели вырваться к своим. Выходили они, как правило, группами, но были и одиночки. Выяснилось, что кое-кто из них побывал в лапах врага.

Через некоторое время Сумцов доложил Овчинникову:

— По проверенным данным, Вишняков находился в окружении.

— Есть ли какие-нибудь сведения о поведении его в то время?

— К сожалению, пока ничего, — ответил Сумцов.

— Надо обязательно выяснить!

Однако, как Сумцов ни старался, ничего существенного о Вишнякове узнать не удалось. Мог знать ефрейтор Басков, с которым сержант находился в близких отношениях, вел с ним уединенные беседы, но ефрейтора в полку не было: он выбыл на фронт.

Вскоре Сумцову стало известно, что Вишняков обратился к командованию с просьбой дать ему увольнительную на одни сутки за пределы части. Мотив простой: «завел любовь» с девушкой, работающей в столовой батальона, Ольгой Андреевной Нестратовой, отец которой погиб на фронте. Мать живет в пригороде столицы, одна. По словам Вишнякова, она очень нуждается в помощи по хозяйству. Вот он и обещал Ольге помочь ее матери, если дадут увольнительную.

Сумцов навел справки в тот же день и узнал: мать Ольги живет возле военного аэродрома, а брат — старшина-сверхсрочник — служил в части, которая обслуживает этот аэродром. Доложил это Овчинникову.

— Твои выводы? — спросил капитан.

— Можно предположить, что цель Вишнякова — побывать в районе военного аэродрома. А чтобы его появление в тех местах не вызвало подозрений, он добивается официального разрешения. Придумал предлог для увольнения.

— Возможно, — согласился Овчинников. — Но это не дает нам оснований считать, что Вишняков действует по вражескому заданию. Надо все тщательно проверить. Задача непростая. Один непродуманный шаг — и возможного шпиона можно спугнуть, упустить или невинного обидеть, а такое недопустимо. С сегодняшнего дня Вишняков — твоя главная забота. А что мы о нем знаем?

В связи с намерением Вишнякова побывать в районе военного аэродрома Овчинников обратился в Особый отдел авиационного базирования. Послал к его начальнику Сумцова. Начальник отдела капитан приветливо встретил Константина, внимательно выслушал сообщение о Вишнякове, его намерениях.

— Хорошо, что сообщили нам об этом сержанте. Посмотрим, как он поведет себя при встрече с нашими авиаторами. Нам уже приходилось иметь дело с любителями совать нос в чужие дела.

Прошло несколько дней, и Овчинников с Сумцовым имели материалы, поступившие из Особого отдела авиаторов. Из них следовало: представившись «женихом» Ольги, Вишняков познакомился с ее братом — старшиной из авиационного подразделения. После этого они дважды встречались, и каждый раз Вишняков в очень осторожной форме, как бы между прочим, проявлял интерес к марке самолетов, находившихся на аэродроме, их численности, способам маскировки. Другой бы на месте старшины, брата Ольги, возможно, не обратил бы внимания на любопытство Вишнякова, но старшина был осведомитель Особого отдела «Андреев» и держал ушки на макушке. Интерес Вишнякова к аэродрому был замечен осведомителем, и он попал на его карандаш. По данным Особого отдела, в последний раз, прежде чем зайти в дом матери Ольги, Вишняков прошел вдоль всего аэродрома. Когда его останавливали, предъявлял увольнительную и заявлял, что разыскивает своего родственника. Все эти данные начальник Особого отдела авиационного базирования оформил в качестве свидетельских показаний старшины Нестратова. Через день Сумцов выехал в часть, где служил ефрейтор Басков. Его считали другом Вишнякова.

Рослый широкоплечий ефрейтор, узнав, кто интересуется Сумцова, заявил резко и прямо:

— Друг, говорите. Избавь меня боже от таких друзей, а от врагов я сам избавлюсь. Вишняков — подозрительный

тип. Рьяный службист, но все делает напоказ, не от души. Перед начальством лебезит, угодничает. Закрутил любовь с Олей-поварихой, но, как видно, с каким-то своим интересом... Старался познакомиться с красноармейцами соседних частей. Раздобыл где-то командирский компас, хранит его у себя. Зачем? Видел я у него записную книжку, в которой много номеров полевых почт.

— Каких полевых почт?

— Вишняков чуть ли не от каждого, с кем встречался в запасном полку, брал слово прислать ему письмо из новой части, обещал ответить. Многие писали ему. Номера полевых почт он записывал в свою книжку...

Обо всем этом Овчинников доложил в Особый отдел фронта. Вскоре на запрос капитана Овчинникова поступил ответ из Особого отдела стрелковой дивизии, в которой служил Вишняков. Это была объяснительная записка командира, возглавлявшего группу бойцов, выходявших из окружения. В ней говорилось: «Наша группа, за редкими исключениями, не меняла своего состава. Хорошо помню, что красноармеец с весьма заметной приметой (шрам на щеке) присоединился к нам в одиночном порядке. Командир спросил его, из какого он полка и где находился до того, как нашел нас. Он назвал номер части и рассказал, что при отступлении в первую же ночь потерял своих сослуживцев и больше недели плутал по лесу, питаясь ягодами. Мне запомнился его крайне изможденный вид. Сапоги и одежда его были изношены до предела. Хотя у бойцов нашей группы продукты были на исходе, они все же нашли возможным поделиться своими скудными запасами с этим красноармейцем».

— Что ты об этом скажешь? — поинтересовался капитан Овчинников, глядя на Сумцова.

— Шрам на щеке... А ведь у Вишнякова он действительно есть. Все это очень важно. Однако объяснительная записка не дает ответа на главный вопрос: был ли Вишняков в руках врага? Выходит, дело не доведено до конца.

— Я такого же мнения, — сказал капитан.

Согласившись с точкой зрения Сумцова, он заметил:

— Собранные нами улики — показания свидетелей, наличие у Вишнякова записей о полевых почтах частей фронта — говорят о том, что он, несомненно, собирает сведения разведывательного характера. Разумеется, мы оказали бы следствию большую помощь, если бы сумели документально подтвердить наши вполне обоснованные предположения о пребывании Вишнякова у гитлеровцев. Видимо, следует найти его сослуживцев по стрелковой дивизии, когда их часть оказалась в окружении, узнать у них, как вел себя Вишняков в то время.

Утром стало известно: неожиданно для всех Вишняков подал командованию рапорт с просьбой отправить его на фронт. Обстановка потребовала незамедлительных действий.

Через день последовал приказ командира полка о направлении Вишнякова в часть действующей армии. Однако добраться до нее сержанту не удалось. Когда он, находясь в отличном расположении духа, собрался в дорогу, ему в присутствии понятых был предъявлен ордер на обыск, выписанный с санкциями военного прокурора. Найденные у него улики превзошли ожидания. Кроме записной книжки с номерами полевых почт, у Вишнякова во время обыска обнаружили лист бумаги, аккуратно вшитый в подкладку шинели. На одной стороне листа была вычерчена схема расположения подразделений полка, на другой — схема военного аэродрома с указанием его размеров и находящихся на нем самолетов. На схеме были указаны ориентиры, по которым гитлеровские летчики без труда могли обнаружить объекты для бомбометания. Чуть ниже — адрес завода по ремонту танков.

— Это уже не вопрос: «Кто такой Вишняков?» А хороший восклицательный знак, — выразился Овчинников показывая на разложенные на столе предметы, уличающие Вишнякова в шпионаже. Капитан спросил его:

— Что это такое?

Вишнякова как током дернуло. Изменился в лице, но лишь на мгновение. Затем, стараясь показать себя спокойным, ответил:

— Не мое.

— Я не я и хата не моя, — заметил Овчинников, распорядился: — Уведите.

Вишняков был изолирован. В Особом отделе фронта началось следствие по его делу. Несмотря на явные улики, свидетельствовавшие о шпионской деятельности обвиняемого, он упорно отрицал какую-либо связь с вражеской разведкой.

Сумцов выехал в стрелковую дивизию, в которой Вишняков служил летом 1941 года. Пришлось основательно потрудиться. После долгих поисков с помощью сотрудников Особого отдела дивизии удалось найти красноармейца, который в первые месяцы войны служил в одном взводе с Вишняковым. Этот боец рассказал:

— Во время жестокого боя с немцами наше подразделение понесло большие потери. Когда поступил приказ об отступлении, я заметил, что Вишняков немного задержался на огневой позиции. В это время немцы вовсю поливали нас огнем из автоматов. Оглянувшись, я увидел, что Вишняков лежит возле окопа, раскинув руки, а немцы совсем близко от него. Выйдя из окружения, я сообщил о его гибели. В ответ мне было сказано: «Ты обознался, Вишняков даже не был ранен и вышел из окружения, но в составе другой группы». А я уверен, что он побывал в руках врага.

Эти важные свидетельские показания были доставлены следователю. Так закончилась чекистская разработка фигуранта дела по окраске «измена Родине» сержанта Вишнякова. Через агентуру и следствием было установлено: Вишняков происходил из семьи бывшего петлюровца, осужденного за поджог колхозного коровника. С юных лет он впитал от своего отца ненависть к существующему в стране строю. В душе поклялся мстить за отца. В первые дни войны, став

бойцом Красной Армии, Вишняков решил, что пришло его время. При наступлении гитлеровцев прикинулся убитым и добровольно сдался им в плен. На допросе заявил немецкому офицеру, что является противником советского строя и готов служить германскому командованию. Его сразу отвели в абвергруппу. Там Вишнякова сфотографировали, отобрали подписку о сотрудничестве с немецкой разведкой. Наряду со сбором шпионских данных об обороне и численности войск Вишняков должен был при наступлении немцев поднимать среди бойцов панику об окружении подразделения немцами и о необходимости добровольной сдачи в плен.

Обер-лейтенант абвера дал своему новому агенту задание — проникнуть в лесной массив, где находятся окруженные немцами бойцы его дивизии, разыскать их и вместе с ними выйти из окружения.

— Вы должны иметь такой внешний вид — на лице крайняя степень усталости, одежда и обувь изношены до предела, чтобы при встрече со своими вызвать сочувствие, чувство сострадания. Это поможет вам создать о себе выгодное впечатление у сослуживцев, — наставлял обер-лейтенант Вишнякова.

После того как он соберет сведения о Красной Армии, ему следовало изыскать способ попасть на передний край и перейти на сторону немецких войск.

Разоблаченный вражеский агент не скрывал ни своей злобы, ни досады.

— Сожалею, что собранные мною сведения не смог передать по назначению.

Изменника Родины, агента абвера судил военный трибунал фронта.

Сумцов был удовлетворен тем, что в этом деле была частица и его чекистского труда.

— Как-то буднично все это проходило... Рутинная работа... — заметил Сумцов в разговоре с Овчинниковым.

— А тебе что, выстрелов захотелось? Будут. У тебя все впереди. Дай только срок — будет тебе и елка, будет и свисток.

**Из докладной записки Особого отдела
НКВД Западного фронта № 70991-СЧ
Командующему фронтом Г.К. Жукову и члену
Военного совета фронта Н.А. Булганину
«О работе Особого отдела за период с 22 июня
по 28 декабря 1941 г. от 30 декабря 1941 г.»**

Особым отделом НКВД Западного фронта с начала войны по 28 декабря арестовано и разоблачено 505 агентов немецкой разведки. Из них: завербованных до войны — 4, переброшенных через фронт из числа военнопленных — 380, жителей временно занятых противником районов — 76, жителей прифронтовой полосы — 43, агентуры, внедренной в штабы войсковых соединений, — 2.

Из следственных дел видно, что немецкая разведка в условиях военной обстановки делает упор на массовую вербовку, особенно из числа военнопленных и добровольно перешедших на сторону врага.

Германская разведка особенно интересуется «московским направлением», куда забрасывается основная масса завербованной агентуры.

11 декабря Особым отделом НКВД 16-й армии в районе линии фронта были задержаны три человека в штатских костюмах, назвавшие себя: Стрелец Самуил Львович, майор, бывший командир 395-го артиллерийского полка Резерва Главного командования; Беспалов-Тюков, ст. политрук, военком 469-го подвижного полевого госпиталя 19-й армии; Артамонов, старшина 38-го стрелкового полка 31-й дивизии ополчения.

На допросах все трое признались, что они в разное время сдались в плен противнику, где были завербованы и в ночь на 11 декабря переброшены в тыл Красной Армии для шпионской деятельности, получив при этом следующие задачи:

1. Для ведения разведывательной работы в г. Москве.
2. Установить количество действующих советских войск на правом фланге Западного фронта и установить структуру вновь появившихся стрелковых бригад.

3. Выявить количество прибывающих английских войск в г. Москву.

4. Выявить настроение рабочих Москвы и состояние продовольственного снабжения.

5. Установить, какие промышленные предприятия оборонного значения действуют в Москве, их мощность.

Разоблаченная немецкая агентура в своем большинстве дала показания, что ей предлагалось собрать на нашей территории следующие данные:

укрепление линии обороны наших частей;

наличие и расположение войск, главным образом резервов;

выяснение состояния путей сообщения (железных и шоссейных дорог, ведущих к линии фронта);

местонахождение аэродромов и их размеры;

места сосредоточения танков, артиллерии и «чертовых пушек» (пушка Костикова);

наличие военных заводов, работающих в Москве и других крупных центрах. И наконец, почти вся разоблаченная агентура показала, что она получила задание распространять ложные, провокационные слухи среди военнослужащих и гражданского населения о якобы хорошем обращении немцев с пленными бойцами, командирами Красной Армии и оставшимся мирным населением.

20 декабря 1941 г. Особым отделом НКВД 43-й армии арестованы возвратившиеся из немецкого плена красноармейцы Наливалкин и Кубрик.

Следствием установлено, что оба они после пленения были обработаны и завербованы немецким офицером Гольдбергом для шпионской работы в частях Красной Армии. Наливалкин при вербовке получил задание:

влияться в ряды Красной Армии и добиться назначения по своей специальности — мотоциклистом;

собрать и доставить немецкой разведке сведения о количестве и расположении тяжелой артиллерии, танков и «чертовых пушек», действующих в районе д. Каменка;

вести среди бойцов пораженческую агитацию, восхвалять мощь немецкой армии, склонять бойцов к переходу на сторону врага с оружием. Аналогичные задания получил и Кубрик.

Наряду со шпионскими заданиями по сбору сведений о частях Красной Армии немецкая разведка ряду своих агентов дает задания чисто диверсионного характера.

Завербованный в октябре 1941 г. житель д. Каменское Наро-Фоминского района Московской области Грива Иван Николаевич получил при переброске на нашу сторону следующие задания: пробраться в Москву, устроиться на работу на один из военных заводов, где организовать диверсионно-подрывную работу.

При невозможности поступить на военный завод устроиться чернорабочим железнодорожного транспорта, где проводить диверсионные акты путем организации крушений воинских эшелонов. Кроме этого, проводить фашистскую агитацию среди населения, склонять красноармейцев к переходу на сторону противника.

Материалами следствия установлено, что немецкая разведка широко развернула работу по вербовке для шпионской деятельности антисоветски настроенного элемента, дезертиров из Красной Армии и уголовников, проживающих в местностях, оккупированных фашистскими захватчиками.

Завербованные используются немцами как для работ в оккупированной местности, так и для переброски на нашу сторону.

При освобождении Красной Армией д. Ратово Ленинского района Тульской области Особым отделом НКВД 50-й армии вскрыта вооруженная контрреволюционная диверсионная группа, созданная немецким командованием для борьбы с партизанским движением, разведками частей Красной Армии и вылавливания красноармейцев и командиров, выходящих из окружения.

Из материалов следствия устанавливается, что немцы применяют следующие виды переброски агентуры на нашу сторону:

переброска на транспортных самолетах по 9—10 человек. Этот вид переброски использовался главным образом в первые дни войны;

переброска агентур в санитарных машинах под видом раненых красноармейцев;

групповые переброски через линию фронта по 5—10 человек под видом военнослужащих, выходящих из окружения;

внедрение массовой агентуры (отдельными подразделениями) в наши части, попавшие в окружение, с последующим созданием условий для выхода этих частей из окружения; переброска под видом беженцев.

Вышеизложенное является лишь частью методов и приемов, которые применяет гестапо¹ в борьбе с нами.

*Начальник Особого отдела НКВД
Западного фронта
Комиссар госбезопасности 3-го ранга
Белянов*

Генерал-майор Белянов Александр Михайлович (1903—1994) — в 1941 году начальник 3-го отдела НКВД СССР, начальник Особого отдела НКВД Западного фронта резервных армий.

Белянов был знающий чекист, хороший организатор, большое внимание уделял воспитанию и подготовке чекистов. В первые годы войны первые контрразведчики имели значительные кадровые потери убитыми, пропавшими без вести, ранеными. С продвижением немцев к Москве военно-политическая обстановка складывалась не в пользу советской разведки и контрразведки. Несмотря на богатый опыт, накопленный в предвоенные годы, у «особистов» были серьезные пробелы в информации о противнике. Че-

---

¹ На оккупированной немцами территории Советского Союза гестапо не функционировало, а были учреждения полиции безопасности и службы безопасности — СД. В обиходе учреждения СД обычно называли гестапо.

кисты приблизительно знали структуру военно-разведывательных и карательных органов противника, имели поверхностные данные о принятых ими на военное время методах и тактике подрывной работы против Красной Армии.

— Враг коварен и жесток, — говорил капитан Манилов. Сумцов часто вспоминал его — первого чекиста, с которым встретился еще во время службы в Перемышле. Те первые бои на границе врезались в память навсегда.

Сотрудникам Особого отдела, в котором служил Сумцов, противостояла абвергруппа-109. Она находилась в подчинении Абверкоманды-103, приданной группе армий «Центр» («Митте»). Имела позывной «Сатурн».

— Кое-что об этой команде известно, — сказал Очинников. — Судя по всему, это серьезный противник.

— Ну что же — поборемся, — заметил Сумцов.

— У меня нет спортивной гордости. Я предпочел бы, чтобы она была слабым противником. Но, к сожалению, это сильный противник. И мы о нем мало знаем. Располагалась она в Велиже Смоленской области, а сейчас — в Сычевке.

— Это где? — поинтересовался Константин.

— На Смоленщине, недалеко от Гжатска, Вязьмы. Не исключено — нам предстоит встреча с гостями из этой абверкоманды, — сказал Овчинников.

Справка об абверкоманде-109

АГ-109 была создана перед началом военных действий и придана 9-й немецкой танковой армии. Позывной «Вольф».

Орган последовательно возглавляли: майор Микфельдт, подполковник Шиммель Ганс Оскарович (уроженец Петербурга), майор Альбрехт, затем майор Франке Франц.

Группа вела работу против войск Западного и 3-го Белорусского фронтов.

В 1941 г. сотрудники группы занимались опросом советских военнопленных с целью получения информации

о вооруженных силах и объектах оборонной промышленности СССР.

На первоначальном этапе существования сотрудники группы вербовали агентуру из среды русских белоэмигрантов, затем из польских и прибалтийских националистов, прошедших предварительную подготовку в Штеттинской разведшколе.

С весны 1942 г. вербовка агентов осуществлялась из числа советских военнопленных в лагерях Могилева, Борисова, Ржева, Сычевки и других городов, а также антисоветски настроенных местных жителей. Вербовке предшествовала проверка через внутрилагерную агентуру, после чего отобранных кандидатов доставляли в группу. Официальные документы о вербовке оформлялись в течение 20 дней. Курс подготовки агента включал топографию и методы перехода линии фронта, поведение на советской стороне, изучалась структура советских вооруженных сил и методика сбора информации.

Переброска агентов происходила пешим порядком либо на самолетах с Минского аэродрома.

На советской территории АГ-109 последовательно двигалась в московском направлении по маршруту: Глубокое — Пултуск — Барановичи — Минск — Витебск — Велиж — Сычевка.

Лейтенант Фрич¹ появился в абвергруппе-109 в конце ноября. Во главе абвергруппы абверкомандой-103 был поставлен подполковник Шиммель, который действовал на русско-германском фронте. Затем он организовал разведывательные акции против Советской Республики, находясь в составе крупного органа абвера в Кенигсберге. Не случайно еще до возникновения Восточного фронта шеф назначил его начальником специальной школы абвера под Кенигсбергом. В этой школе готовились разведчики и радисты для забро-

---

¹ Фамилия изменена.

ски в тыл русских войск. В сентябре, завершив работу в школе, подполковник выбыл на фронт.

9-я армия в составе групп армий «Центр» имела приказ овладеть Москвой. Абвергруппа-109 вместе с другими разведорганами «Сатурна» обязана была обеспечить ее командование точными разведанными о характере войск, защищающих Москву. Нелегкая задача. Вот почему во главе абвергруппы-109 шеф поставил подполковника Шиммеля.

— Наши войска, — говорил капитан-абверовец из «Сатурна», — находятся в двадцати семи километрах от Москвы. Один мощный рывок — и столица России будет в наших руках. А там службе абвера и ведомству Гимmlера предстоит немалая работа.

Лейтенант Отто Фрич появился в абвергруппе-109 в конце ноября. Энергичный, рассудительный подполковник Шиммель лично ввел его в курс дел. Абверовцы спешно готовили очередную партию агентов для заброски в тыл противника. Но осуществить эту акцию не успели.

В начале декабря неожиданно для гитлеровского командования советские войска перешли в наступление. Через месяц ожесточенных боев основательно потрепанные части 9-й армии откатились к Ржеву.

Незадолго до этого подполковник Шиммель, собрав офицеров абвергруппы, с горечью признал, что русские сумели скрытно подготовиться к контрнаступлению. В связи с этим командование 9-й армии и руководство «Сатурна» предъявляют абвергруппе серьезные и обоснованные претензии. Но верные солдаты фюрера не имеют права опускать руки. Они обязаны использовать любую обстановку, даже временное отступление армий группы «Центр», в интересах службы. Затем Шиммель сообщил главное:

— Я разработал и согласовал с «Сатурном» новую разведывательную акцию. Ее цель — усилить внедрение проверенных на деле агентов специальных служб рейха в войска противника. Если проявим энергию и оперативность, то эта акция обещает дать большой эффект.

* * *

Ранним зимним утром офицеры абвергруппы-109 разъехались по крупным населенным пунктам прифронтовой полосы. Вели разговоры с военнопленными. Особый интерес проявляли к перебежчикам. Были и такие...

* * *

— В нашем запасном полку ЧП: похищен секретный пакет, — не без волнения сообщил Овчинников Сумцову. — Не исключено, что в полк пробрался вражеский агент.

Предположение капитана Овчинникова имело серьезное основание. В составе нового пополнения в учебные и запасные части фронта были красноармейцы, призванные с территории, освобожденной от немецких захватчиков нашими войсками в ходе боев под Москвой. Среди них могли оказаться агенты немецкой разведки.

Сумцов выяснил все обстоятельства. ЧП в полку. Утром писарь штаба получил приказ отправиться на машине с пакетом в вышестоящий штаб. Его предупредили — до отъезда никуда не заходить. Писарь же из помещения штаба забежал в казарму.

— На минутку... Хотел заменить подворотник, — оправдывался писарь.

— Кто был в казарме? — спросил Сумцов.

— Никого... Я положил сумку с пакетом на кровать, и в этот момент зашел дневальный Серебряков. Сказал: «Тебя к телефону!» Телефон в кабинете командира роты, пошел туда. После разговора вернулся в казарму, увидел, сумка раскрыта. Пакета нет. Дневального на месте не было...

— Почему?

— Его сняли с поста. Послали с каким-то поручением...

* * *

Сумцову с капитаном Овчинниковым предстояла большая, сложная работа. Они решили согласовать свои действия с комиссаром полка.

Рослый, уже поседевший подполковник принял их приветливо. Он был обеспокоен случившимся. Выслушав о начале расследования, сказал:

— Пока никаких результатов нет. А пакет нужно найти обязательно! И того, кто его похитил. Примите самые действенные меры. У вас есть кто-либо на подозрении?

— Пока нет.

— Может быть, следует обратить внимание на дневального Серебрякова?

— Проверим, — пообещал Овчинников комиссару. Затем спросил, не будут ли отправляться в ближайшие дни в действующие части красноармейцы нашего полка.

— Понимаю вас, — ответил подполковник. — Я договорюсь с командиром части, чтобы временно, до особого распоряжения, таких приказов об отправке личного состава из полка не отдавать.

Овчинников и Сумцов сразу же приступили к делу. Надо было определить всех, кто утром заходил в казарму или выходил из нее, кто находился в это время в соседних помещениях, проверить показания писаря, дневального. Опрашивали бойцов и командиров, но успеха не добились. Особое внимание решили обратить на дневального Вадима Серебрякова. Он был призван с территории, освобожденной от оккупантов. На днях подал рапорт с просьбой послать его на передовую, в разведку.

— Был в оккупации, просится на фронт, а разведчики — это та категория военнослужащих, кто обычно работает в тылу врага... — размышлял Овчинников, предложил Сумцову: — Поговори с Серебряковым.

Перед Сумцовым появился широкоплечий, загорелый боец и сразу же начал говорить о себе:

— Я воевал, был контужен, побывал в плену, бежал... И вот теперь кисну в запасном полку.

— Всеу свое время. У вас еще все впереди, — сказал Сумцов, внимательно вглядываясь в лицо собеседника. Константин уже знал кое-что о методах деятельности абвера, об использовании немцами лиц, оказавшихся у них в

плену. Служба в запасном полку, конечно, медом не казалась. И многие ищут перемен втайне, надеясь, что это сулит более легкое, интересное существование. Сумцов пытался понять, насколько искренни желания Серебрякова... Или же это уже избитый метод немецкой разведки — дать возможность своему агенту через фронт вернуться в абвер. Сумцову во что бы то ни стало нужно было найти ниточку, которая могла бы привести к раскрытию преступления.

— Вот вы хотите попасть на передовую, — Сумцов продолжил разговор с Серебряковым. — А враг, куда более опасный, чем немец с автоматом, нагло действует в расположении нашей части. Найти и разоблачить его — дело чести не только Особого отдела, но и всех бойцов полка. Вы согласны с этим?

— Да, вполне, — твердо заявил Серебряков.

О встрече с Серебряковым Константин доложил Овчинникову:

— Что он собой представляет, мне не ясно. О его намерениях достоверных данных у меня нет. Верить ему на слово не могу.

— Да, у нас нет оснований верить ему. Будем работать с ним, — как бы подвел итог капитан Овчинников.

— Однако сроки поджимают, — заметил Константин.

— Это точно, время не ждет, — согласился Овчинников.

* * *

В то время, когда Сумцов беседовал с Серебряковым, а затем говорил с Овчинниковым, в курилке сидел с сигаркой во рту коренастый ефрейтор с бабьим лицом Борис Кулешов. Вскоре к нему присоединился долговязый сержант Александр Филатов. Сел рядом, заговорил шепотом:

— Начало положено.

— Что это твоих рук дело, сразу понял. Как взял?

— Не один день присматривался к писарю. Он секретную почту возит. Дождался, когда он с сумкой зашел в казарму. Я за ним. В помещении — ни души. Сумка писаря

лежит на койке. Такой случай! Открыл сумку, достал пакет, сунул в карман. И всех делов! Выскочил во двор. Меня никто не заметил.

— Ловко! — не скрывая своего восхищения, отозвался ефрейтор Кулешов. — Куда спрятал?

— Нашел место. А завтра вот эти листочки в ход пушу, — и сержант показал собеседнику какие-то бумаги.

— Ни в коем случае! — возразил ефрейтор. — Рисковать нам не нужно.

— Не каркай! — прикрикнул на него сержант.

* * *

...На следующий день, просмотрев папку с документами расследования ЧП, Сумцов решил доложить начальству, что пока у них нет успеха. В дверь постучали. Вошел Серебряков. Достав из кармана вчетверо сложенный листок бумаги, протянул его Сумцову.

— Немецкая листовка. Нашел в кармане шинели.

— Кто-нибудь об этом знает?

— Нет.

— Ни о самой листовке, ни о том, что она у нас, никому ни слова!

Это было обращение гитлеровского командования к советским воинам — сдаваться в плен. Пассиршайн — «пропуск» — значилось на немецком языке. В конце было напечатано: «Служит пропуском в распоряжение немецких войск». Подобных немецких листовок Сумцову довелось повидать достаточно. Много их немцы бросали в первые месяцы войны. «Бей жиду политрука! Рожа просит кирпича» — такой был текст одной из агиток.

Сумцов поспешил сообщить о листовке Овчинникову. Как только капитан стал рассматривать немецкое творчество, зазвонил телефон. Овчинников подошел к аппарату.

— Сейчас зайдём. Да, оба, — ответил он в трубку.

Они появились в кабинете комиссара. Тот держал в руках три немецкие листовки.

— Враг наглеет, — сказал он чекистам. — Убежден, хищение пакета и распространение листовок — звенья одной цепи. Пробравшегося в полк врага надо найти во что бы то ни стало.

На следующий день комиссар вновь пригласил к себе Овчинникова и Сумцова.

— Поступил приказ направить из полка команду для оборудования ложного аэродрома. Наши бойцы будут устанавливать там макеты зенитно-артиллерийских батарей. Это недалеко отсюда.

— Нам может понадобится список личного состава команды, — сказал капитан Овчинников.

* * *

...На исходе дня Вадим Серебряков вышел из казармы покурить. К нему подошел ефрейтор Кулешов. Достав из кармана кисет с махоркой, осведомился:

— Про листовки слышал?

— О них весь полк говорит.

— А тебя по этому вопросу никуда не вызывали?

— Нет, обошлось.

— Похоже, что не все листовки комиссару отдали, — предположил ефрейтор. — У кого найдут — добра не жди.

Серебряков промолчал.

— Говорят, ты рапорт подавал. Верно это?

— Да, — признался Вадим. — Хотел в разведку попасть, а получил от ворот поворот.

Перебирая в памяти сказанное Кулешовым, Вадим не мог избавиться от мысли, что все это говорилось неспроста. И он решил обо всем этом рассказать сотруднику Особого отдела.

Сумцов поблагодарил Серебрякова.

— В этом что-то есть... Может быть, это нужная нам ниточка. Она поможет размотать весь клубок до конца, — говорил Константин начальнику.

Овчинников послал срочный запрос по месту проживания Кулешова на оккупированной территории, недавно освобожденной от захватчиков.

Капитан Овчинников выяснил, что Кулешов дружит с рядовым Евсеевым.

— Это бывший лесоруб. Нытик порядочный. Все жалуется, что норма питания маловата, — сказал Овчинников Сумцову. Стало известно Овчинникову и то, что Кулешов изредка по вечерам встречается с сержантом Филатовым, проходившим службу в другом подразделении полка. Рассказывая об этом Сумцову, капитан подчеркнул: Филатов, как и Кулешов, имел контакты с немцами.

* * *

...После разговора с Серебряковым ефрейтор Кулешов встретился с долговязым сержантом Александром Филатовым.

— Я толковал с Серебряковым, — проинформировал он сержанта. — Листовку комиссару он не отдал. Похоже, к немцам тропку подыскивает.

— Продолжай с ним встречаться, — распорядился сержант. — А меня посылают на оборудование ложного аэродрома.

* * *

Сумцов и Овчинников продолжали искать пути к раскрытию совершенных в полку преступлений.

Через агентуру капитан Овчинников узнал, что в поясе брюк ефрейтора Кулешова зашита вражеская листовка, с пропуском для перехода на сторону немецких войск. Рассказал об этом Сумцову.

— Надо задержать Кулешова, — предложил Константин.

— У нас нет никаких доказательств причастности его к хищению пакета, и мы не знаем, кто распространяет листовки, — не согласился с Сумцовым его начальник. —

Нужно поставить Кулешова в такие условия, чтобы еще до задержания он раскрыл себя сам. А как это сделать? Что предпринять?

Овчинников и Сумцов обратились за помощью к комиссару полка:

— В интересах расследования надо послать на ложный аэродром еще одну команду. Она должна состоять из пяти-шести красноармейцев. Но нужно обязательно включить в эту команду ефрейтора Кулешова и рядового Серебрякова.

— Раз надо, значит, надо, — согласился комиссар.

* * *

...К ефрейтору Кулешову подошел ординарец Овчинникова и сообщил ему, что капитан из Особого отдела срочно вызывает его к себе. Кулешов, побледнев, пробормотал:

— Я только скажу товарищу два слова.

Он отозвал в сторону собравшегося в дорогу Серебрякова.

— Меня вызывают в Особый отдел, — зашептал ефрейтор. — Разущи на аэродроме сержанта Филатова и передай: пусть все сожжет.

Овчинников и Сумцов приняли Филатова вежливо.

— В полку распространялись немецкие листовки. Что вы об этом скажете?

— Слышал об этом.

— Подозреваете кого-либо из бойцов в распоряжении?

— Да нет... Ни на кого не подумал.

— И еще в полку был похищен секретный пакет. Что вы об этом скажете?

— Не знаю... Не слышал про такое...

Когда Кулешов вышел из Особого отдела во двор, то сразу понял, что команда на аэродром отправилась без него...

Сержант Филатов подыскал удобный случай поговорить с красноармейцем Евсеевым наедине. Как-то по окончании рабочего дня увидел его на зеленом поле аэродрома. Евсеев собирал и ел щавель.

— Нагуливаешь аппетит перед ужином? — с ехидством поинтересовался Филатов, подходя к бойцу. — А вот немцев кормят до отвала. У пленных паек и то больше, чем у нас.

— Не может быть.

— Был там, знаю.

Евсеев продолжал спокойно жевать щавель, и его невозмутимость подбодрила Филатова. Он начал расхваливать отношение гитлеровцев к советским военнопленным. Затем сказал:

— На передовую направят, а там как пить дать — убьют. Может, сразу податься туда, на ту сторону...

— Куда это туда? К врагам? Да я тебя за такие слова отведу куда следует. — Чуть остыв, добавил: — Ладно, счастье твое, сержант, что свидетелей не было...

Подходя к землянке, Филатов заметил сидевшего на траве Серебрякова. Вадим рассказал сержанту, как он попал на аэродром и что произошло с Кулешовым.

— Значит, вызвали в Особый отдел? Плохо дело, — забеспокоился Филатов и попросил у Вадима спички.

— А может, лучше спрятать? — с невозмутимым видом обронил Серебряков.

— Ты о чем? — сквозь зубы процедил Филатов.

— Так сказал мне Кулешов, когда за ним пришли.

Филатов вскинул на Вадима свои глаза, буркнул: «Посиди здесь», зашагал в сторону кустарника. Усевшись на камень, снял сапог, достал из подпортой подкладки голенища пачку каких-то бумаг. Вернувшись, тихо сказал:

— Если пронесет, снова пустим в дело...

* * *

Рядовой Евсеев никак не мог уснуть. Обдумывал слова Филатова. «Могу ли я молчать?» — все время спрашивал он себя. Наконец встал и направился к командиру.

На другой день, сидя перед Овчинниковым и Сумцовым, Евсеев возмущался:

— За что купить вздумал! За миску похлебки, гад!

К этому времени Овчинников получил ответ на свой запрос в отношении Кулешова. Местные чекисты выяснили, что, являясь бойцом Красной Армии, он осенью 1941 года сдался немцам в плен, откуда бежал и пробрался в верховья Волги к семье, на территорию, оккупированную гитлеровскими захватчиками. Оккупанты арестовали Кулешова. Его дядя, сектантский проповедник, был назначен гитлеровцами старостой. Он выручил племянника из беды. Кулешов вышел из тюрьмы, подписал обязательство выявлять советских разведчиков, подпольщиков, партизан.

Особый отдел фронта, получив санкцию военного прокурора, арестовал Кулешова. Немецкую листовку, извлеченную из пояса его брюк, приложили к делу.

Кулешов рассказал следователю о задании, полученном от немецкой разведки. В феврале 1942 года его вызывали на явочную квартиру полиции безопасности и СД, представили офицеру абвера¹.

— Наши войска, — сказал ему лейтенант, — в настоящее время выравнивают линию фронта и готовят новое наступление на Москву. Вы честно и добросовестно выполняли задание службы безопасности рейха. Мы верим вам и ставим новую задачу: если наши части оставят ваш район, то вам следует пойти в военком и добиться зачисления в Красную Армию. Надо собирать сведения о советских войсках, их вооружении, местах дислокации. Затем с этими данными перейдете линию фронта.

Фамилия лейтенанта из абвера была Фрич.

По пути в запасной полк Кулешова с Филатовым тот подробно расспросил его о жизни «под немцем». О себе сказал:

— Я из-под Ржева. У меня свои счета с Советами. Отца в Сибирь сослали. Обрез у него нашли... Не знаю, жив ли отец...

---

¹ А б в е р — орган военной разведки и контрразведки Германии. Создан в 1919 году. В феврале 1944 года расформирован, а военная разведка и контрразведка были подчинены РСХА.

Они быстро нашли общий язык. Прибыв в запасной полк, начали действовать в интересах немецкой разведки.

...На следствии Филатов отрицал свою вину. Но улики опровергнуть не смог. После очных ставок с Евсеевым, Серебряковым и Кулешовым рассказал все. И даже показал камень, под которым спрятал похищенный им пакет с секретными документами. Преступный путь Филатова бы во многом схож с тем, который прошел его сообщник. Как и Кулешов, он, находясь в действующей армии, с оружием сдался немцам в плен. Сумел бежать из лагеря и добрался до места, где жил до войны. Там по рекомендации старосты, знавшего отца Филатова, стал агентом немецкого разведоргана 1Ц, который вместе с тайной полевой полицией — «Гегайм фельд полицай», аналогом гестапо на оккупированной территории, вел борьбу против партизан и других советских патриотов в прифронтовой полосе.

В начале 1942 года, когда под натиском советских войск гитлеровцы откатывались от Москвы, унтер-офицер из 1Ц свел своего агента с молодым лейтенантом Отто Фричем. Тот специально приехал для встречи с Филатовым.

Лейтенант Отто Фрич ненавидел поляков и с презрением относился к русским. Для него бойцы и командиры Красной Армии были как бы на одно лицо, и он называл их всех «русские», «азиаты», «русише швайн» — такие эпитеты среди своих он отпускал по адресу советских военнопленных. По службе в абвере Фрич постоянно общался с оказавшимися в плену русскими и вынужден был скрывать свое истинное к ним отношение. Демонстрировал показную доброжелательность. А как быть иначе? Интересы дела, служба в абвере требовали от него носить маску доброжелательного, участливого человека. Службой же в абвере Фрич дорожил. Абвер казался ему замкнутым кругом, в который попасть дано не каждому. К тому же офицеры абвера находились вдали от боевых порядков, где не свистели пули, не рвались мины и снаряды.

Фрич поставил перед Филатовым такую же задачу, какую получил от абвера агент полиции безопасности и СД

Кулешов. Правда, присутствовавший при их разговоре сотрудник 1Ц счел необходимым дополнить данное Филатову задание. Он обязал агента склонять русских солдат к переходу на сторону немецких войск, распространять среди них листовки. Дал Филатову пачку листовок, сказал:

— Когда выполните задание и вернетесь с разведывательными данными, получите достойную награду.

Шпионов судил военный трибунал фронта. Они получили по заслугам.

В происходивших в полку событиях, изобличении предателей Вадим Серебряков показал себя с лучшей стороны.

— Будем оформлять его сотрудничество, — сказал Овчинников. — Нам необходимо расширять агентурный аппарат.

На следующий день капитан Овчинников быстро оформил сотрудничество красноармейца Вадима Федоровича Серебрякова с Особым отделом НКВД подпиской, в которой тот указал, что добровольно изъявил желание оказывать помощь органам НКВД и обязался сохранить в тайне доверенные ему секреты.

Овчинников дал ему псевдоним «Федоров».

— У меня не было случая, чтобы боец отказался от сотрудничества, — сказал Овчинников. Свою агентуру Особый отдел направлял на выявление и разоблачение агентов немецкой разведки и изменников Родины среди военнослужащих полка, а также и гражданского населения. Агенты должны выявлять и разоблачать членовредителей. Случаев самострелов было немало. Стреляли в конечности через мокрую тряпку, флягу или котелок с водой, через хлеб, чтобы не видно было следов пороха. И не докажешь, что боец — членовредитель. Обычно самострела разоблачали в медсанбате через агентуру. Головной болью для всех, а не только Особого отдела были перебежчики. Как с этой бедой бороться? Прежде всего нужно было ставить на оперативный учет каждого, кто высказывал мысли о переходе к немцам.

Так, рядовой Виктор Некрасов среди бойцов высказался: «...Хлеба не хватает, да с такой баландой, которую нам дают, можно сдаться в плен».

Случалось, высказывал недовольство службой в Красной Армии, говорил: «Служу в Красной Армии уже пятый год, и надоела мне эта служба. Пусть служит другой».

Некрасов из Саратова был призван в армию в 1940 году. Что делать, язык без костей и вместе с тем слово не воробей — вылетит, не поймаешь. Некрасов подлежал разработке Особого отдела как подучетный элемент по окраске «измена Родине».

Была ли это болтовня Виктора Некрасова или же он на самом деле мог уйти к немцам... Как знать... Никаким рентгеном не высветить его замыслов. Ведь были и измена Родине, и предатели, шпионы, перебежчики.

**Из докладной записки
«Об итогах военных действий частей
1-й Ударной армии и работе ОО НКВД.**

14 февраля 1942 г.

Совершенно секретно

Зам. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР КОМИССАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
3-ГО РАНГА
тов. АБАКУМОВУ

По материалам агентуры выявлено и привлечено к уголовной ответственности: шпионов — 14, диверсантов — 1, изменников Родины — 16, пособников немцам — 10, дезертиров — 16, членовредителей — 17, разн. а/с элемента — 38.

А всего по отделу арестован 431 человек.

Расстреляно по постановлениям Особого отдела дезертиров и изменников Родины — 41 чел., в том числе

начсостава — 23, рядового и мл. н/с — 173, чл. канд. ВЛКСМ — 25.

Следственной частью и 2-м отделением ОО в порядке фильтрации пропущено до 1000 человек — выходцев из вражеского плена и окружения, в числе которых выявлена значительная часть предателей, дезертиров и изменников Родины, агентов немецкой разведки.

Одновременно с пресечением вражеской деятельности путем ареста Особым отделом систематически проводились профилактические мероприятия.

НАЧАЛЬНИК ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД
1-й УД. АРМИИ
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
БРЕЗГИН.

ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп. 4, д. 321, л. 16–46.

Копия

Немецкое командование стремилось узнать планы советского командования — где начнется очередное наступление, какими силами, что будет предпринято на Западном фронте? Продолжалась заброска в тыл наших войск все новых и новых агентов.

Что же касается советского командования, то для него Западный фронт приобретал особое значение. И.В. Сталин и Генеральный штаб склонялись к мнению, что именно здесь предстоит повторный немецкий главный удар. Несмотря на данные советской разведки о том, что этот удар последует на юге — в направлении Сталинграда и Кавказа (эти сведения поступили еще осенью 1941 г.), И.В. Сталин ждал повторения наступления немецких войск на Москву. Именно сюда подтягивались стратегические резервы и здесь планировались контрдействия. Это, к сожалению, оказалось губительным для юго-восточного фланга советских войск. Допущенный просчет в значительной мере объясняет быстрое продвижение немцев в районе Воронежа и далее на Сталинград.

* * *

Немецкая разведка стала вводить новую тактику в использовании завербованных военнопленных, практика показала, что одного согласия на тайное сотрудничество недостаточно. Стали стараться получать у вербуемых военнопленных какие-либо сведения, что можно было бы рассматривать как выдачу военной тайны, либо сначала использовать его как агента в лагере военнопленных, а также привлекать его к участию в карательных акциях, что соответствующим образом документировалось. Кроме того, агентов стали забрасывать в советский тыл под видом побега из плена, в том числе путем внедрения их в группы советских военнопленных, по которым была агентурная информация, что они готовят побег из плена.

Вместе с тем нельзя не отметить ту вредную роль, которую сыграла установка тогдашнего руководства Главного политического управления Красной Армии, согласно которой все военнослужащие, попавшие в плен или без вести пропавшие, объявлялись изменниками Родины со всеми вытекающими последствиями. Такой подход облегчал немецкой разведке вербовку советских военнопленных. Положение усугубилось тем, что этой бесчеловечной установке печально известный приказ № 270 Верховного Главнокомандования придал силу закона. «Если часть красноармейцев вместо организации отпора врагу, — говорилось в нем, — предпочтет сдаться в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». Командиров и политработников, «сдавшихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров».

* * *

— Немцы хорошо получили по зубам. И мы с тобой к этому хоть немного, но тоже причастны, — сказал Овчинников.

— Главное — Москву отстояли! — выпалил Константин.

— Да, ты ведь москвич.

— Нет. Подмосковный. Из Малаховки.

— А я из Ростова Великого — Ростова Ярославского. Древнейший город. Настоящая Русь!

Сумцов мысленно прокрутил ленту событий последних месяцев. Он жив и даже здоров. Отец, инженер оборонного предприятия, эвакуировался на Урал, с ним уехала мама. Сам продолжает службу в новом качестве. Может с гордостью сказать о себе: я контрразведчик. Все это радовало. Огорчало только неведение о судьбе любимившейся девушки — Ирмы. Он потерял ее. И с болью переживал это. Такая потеря ведь рубец на сердце.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Монастырь» — операция, вошедшая в учебники

В чекистских учебниках приводится операция «Трест». Очень талантливая, результативная легендированная контрразведывательная операция нашей спецслужбы. Ее идею, замысел много раз использовали чекисты в борьбе с врагами государства. Автор не раз рассказывал о ней на печатных страницах¹.

Операция «Монастырь» также нашла свое отражение в учебниках. В открытой же печати о ней сказано немного. Постараемся ликвидировать этот пробел.

Когда завершалась Вторая мировая война, в Германии появились разыскные группы американской контр-

---

¹ Юрий Ленчевский. «Трудные роли Тойво Вякя» // «Граница России», 2001, № 15; «В судьбе шпиона века он поставил точку», «Пограничник содружества», 2003, № 4 и «Ветеран границы», 2003, № 3; «Отец советской контрразведки» // «Граница России» № 32 и № 33, 2002, и др.

разведки, которые охотились за сотрудниками немецких спецслужб — военной разведки и контрразведки — абвера и службы РСХА — Главного управления имперской безопасности, чтобы перевербовать их для работы против нового противника — Советского Союза. Особенно рьяно американцы разыскивали одного немецкого агента, которого в абвере нарекли Максом. Летом 1945 года ищущим повезло. Они заполучили бывшего руководителя абвера в Софии Рихарда Клатта-Каудерса, который много рассказал им о Максе. Клатт получал от Макса донесения с 1942 года по радио, причем прямо из Москвы. Макс сообщал в них о важнейших решениях Ставки Верховного Главнокомандующего, о суждениях маршала Бориса Шапошникова и других военачальников. Эти сведения высоко ценились в отделе «Иностранные армии Востока» генштаба сухопутных сил Германии, возглавляемого Рейнхардом Геленом (создателем спецслужбы ФРГ). Многие высшие немецкие военачальники не принимали своих решений, пока не получали от службы Канариса — абвера — донесений Макса. В своих послевоенных воспоминаниях генерал Гелен отзывался о донесениях Макса как о большом достижении немецкой военной разведки. Макс был для нее чуть ли не единственным прямым источником сведений из Москвы. В действительности же Макс был советский агент, главное действующее лицо операции «Монастырь» — Александр Демьянов, носивший агентурный псевдоним «Гейне».

Кто он?

Потомок древнего казачьего рода. Его отец был офицером царской армии, умер от ран в 1915 году. Младший брат отца — Борис Демьянов — был руководителем контрразведывательной службы в Белой армии на Северном Кавказе.

Детство Александра было жестоким. Ребенком он пережил ужасы Гражданской войны. Видел кровь и смерть. Как

белые, так и красные своих врагов не щадили. В 20-е годы Александр с матерью уехал в Ленинград. Там он работал электромонтажником. Он обладал вспыльчивым характером. И это, а главное — происхождение, помешало Демьянову окончить институт. В 1929 году Александр Демьянов был арестован ГПУ. Обвинение — незаконное хранение огнестрельного оружия и антисоветские настроения. Пистолет был якобы подброшен Демьянову агентом ГПУ Терновским. Поскольку оружие было подброшено, а сам Демьянов произвел впечатление искреннего человека, ярого сторонника укрепления российской государственности, его дело не было рассмотрено в обычном порядке. Чекисты решили использовать потенциальные зарубежные связи Демьянова. Дело было прекращено на условии добровольного сотрудничества Демьянова с ГПУ в целях, как ему было сказано, предотвращения возможных террористических действий (а таковые были, вспомним брошенную террористами бомбу в партийный клуб в Ленинграде) и шпионажа в СССР со стороны известных его семье деятелей белой эмиграции. Демьянов был свидетелем того взрыва в Ленинграде.

Живы были еще Кутепов и Миллер. (Николай Павлович Кутепов, возглавлявший подпольную борьбу против Советского Союза, был похищен 26 января 1930 года, а сменивший его Евгений Карлович Миллер 22 сентября 1937 года также разделил участь своего шефа.)

Сотрудничество Демьянова с ГПУ было как бы вынужденным шагом с его стороны. Однако после переезда Демьянова в Москву его агентурная работа складывалась удачно. Он находился на связи у сотрудников ОГПУ—НКВД опытных чекистов Ильина и Маклярского.

Демьянов работал в Главкинопрокате в качестве инженера, был вхож в круг крупных актеров. (Многие из них были в поле зрения нашей спецслужбы.) Александр Демьянов жил в одной квартире в Брюсовском переулке с видным деятелем МХАТа Марковым, дружил с сыновьями знаме-

нитых актеров Качалова и Москвина. В компании веселых друзей Александр выделялся увлечением конным спортом: он даже держал свою лошадь в манеже, часто бывал на бегах. Дружил с кинорежиссером Михаилом Роммом. Демьянов стал довольно известным человеком в Москве. Им заинтересовались лидеры боевых организаций в Париже, Белграде и немецкая разведка в Москве.

Началась война, и Демьянова призвали в кавалерию, но он в течение первого месяца находился в Москве.

В июле 41-го начальник 3-го управления ГКВД СССР (секретно-политического) Николай Дмитриевич Горлинский и известный чекист Павел Анатольевич Судоплатов предложили активно использовать Демьянова в операции против немецкой разведки.

Судоплатов рассказывал:

— Я был назначен начальником Особой группы при наркоме внутренних дел Берии — специально созданного разведывательного органа для противодействия немецкому нашествию. Помимо подготовки широкой сети разведывательно-диверсионных партизанских групп на Украине и в Белоруссии, Прибалтике, на Балканах... мы с самого начала стремились захватить инициативу в агентурном проникновении в немецкие спецслужбы, в первую очередь при помощи наших давних связей в белой эмиграции.

Проанализировав наши агентурные возможности, мы остановились на использовании против немцев в качестве «приманки» некоего Глебова (князя Вотбельского), бывшего предводителя дворянства Нижегородской губернии. В начале войны он находился на иждивении церковного клира Новодевичьего монастыря в Москве. Это был пожилой человек, утративший навыки организационной работы и практической деятельности, к которому, учитывая его безупречную деятельность в глазах русской эмиграции, следовало бы «подставить» проверенного агента или оперативного работника с нашей стороны. Таким человеком стал Александр Петрович Демьянов.

И далее Судоплатов говорил о Глебове:

— Этот человек пользовался известностью в кругах бывшей аристократии. Жена Глебова была своим человеком при дворе последней российской императрицы Александры Федоровны. Словом, из всех оставшихся в живых представителей русской знати Глебов показался нам наилучшей кандидатурой.

Для придания достоверности операции «Монастырь» в ней были задействованы поэт Садовский, скульптор Сидоров, которые в свое время учились в Германии и были известны немецким спецслужбам, их квартиры в Москве использовались для конспиративных связей. Наш замысел сводился к тому, чтобы создать активную прогерманскую подпольную организацию «Престол», которая могла бы предложить немецкому верховному командованию свою помощь при условии, что его руководители получают соответствующие посты в новой антибольшевистской администрации на захваченной территории.

Радиоигра, планировавшаяся вначале как средство выявления лиц, сотрудничавших с немцами, фактически переросла в противостояние между НКВД и абвером.

Демьянов должен был предстать перед немцами как член легендарной антисоветской группы, которую якобы возглавлял предводитель нижегородского дворянства.

К началу войны агентурный стаж Александра насчитывал почти десять лет. Так что опыт контрразведывательных операций он уже имел.

Предложение по внедрению Демьянова во вражескую спецслужбу было утверждено, и операция «Монастырь» началась...

После тщательной подготовки Александр Демьянов — он же Гейне — в декабре 1941 года перешел линию фронта в качестве эмиссара антисоветской пронемецкой организации «Престол». Хотя операция по внедрению Демьянова была тщательно спланирована, его судьба висела на волоске.

Абвер не верит

Пересекая линию фронта, Демьянов прошел через минное поле и чудом уцелел. Это обстоятельство тоже вызывало вопросы у немцев: «Как прошел этот человек через немецкое минное поле и не подорвался?..» Немецкая фронтовая группа абвера отнеслась к Демьянову с большим недоверием. Говоря сегодняшним языком, абверовцы попались крутые. Казалось бы, чекисты просчитали все наперед, ошибки исключены. Но...

— Агентов противника расстреливают на рассвете! Старо как мир. Для дворян не делают исключения, — с ехидной улыбкой заявил Демьянову абверовец.

Этой убийственной фразой можно уложить наповал и человека с крепкими нервами. Александр, стиснув зубы, ждал, что последует дальше. Вспомнил слова соседа по камере: «Немцы — люди аккуратные... Спозаранок в расход пушают...»

Абверовец наблюдал за Демьяновым. Внешне тот не дрогнул. «Подожди, получишь еще не то...» — мысленно произнес немец.

— Все под богом ходим, — смиренно говорил Демьянов. — Если ему будет угодно, то и смерть за богоугодное дело примем. Добро бы к энкавэдистам угодил, а тут за защитой пришел, головой рисковал. Сколько людей ждут моего возвращения, рвутся в дело, доверились мне. Мы — монархисты — хотели действовать сообща, ведь у нас один враг — большевики, комиссары... Голова моя садовая. Себя под пули подставил. Да и дело сгубил на корню...

— Сожалею, но священников в штате не держим. Придется обойтись без отпущения грехов, — ядовито сказал абверовец.

Демьянов, не повысив голоса, медленно сказал:

— Я готов принести свою жизнь на алтарь Отечества, своего народа. Суд скорый — суд черный, несправедный...

Да, абверовцы оказались крутые. Демьянов увлекся обстоятельным рассказом о тайной монархической группе,

которую он был уполномочен представлять, о ее возможностях... Но его грубо оборвали:

— Хватит... Довольно нас баснями кормить. Даже для большевистского агента это уже чересчур... Гнусное вранье!

Допрос следовал за допросом. Угрозы за угрозами. Если бы он не убедил немцев в своей полезности им, то его могли бы расстрелять сразу же в первый день. Нет, тут другое: видно, на ловца и зверь бежит. Немцам очень нужна информация о том, что происходит в Москве: на столичных заводах, особенно в воинских штабах, а больше всего — в Генеральном штабе, в оборонных наркоматах, на железнодорожном транспорте. Нет, он, Демьянов-Гейне, ох как им нужен! Чекисты просчитали все наперед, ошибки исключены. Демьянов продолжал свой поединок с абвером. Его долго допрашивали, лишали сна, даже имитировали расстрел, призывая дать откровенные показания о сотрудничестве с НКВД. Демьянов не сдался. После подключения к его допросам офицеров абвера из находившейся в Смоленске группы «Валли» недоверие стало постепенно рассеиваться, и Демьянова начали готовить к заброске в тыл Красной Армии. Ему было дана кличка Макс. Он должен был осесть в Москве, создать на базе своей организации агентурную сеть с целью проникновения в учреждения Красной Армии. Перед ним были также поставлены задачи по организации диверсий на железнодорожном транспорте.

Железный крест и Красная Звезда

Немецкие разведчики поверили Демьянову после того, как навели о нем справки в среде русской эмиграции. Кроме того, выяснилось, что перед войной агенты вступали с ним в контакт, разрабатывали его с перспективой вербовки. Немцы оценили и его выдержку. Демьянов прошел курс учения в школе абвера. Его обучили работе на рации, шифроделу и через месяц сбросили с разведывательного самолета на советскую территорию. Демьянову удалось заинтересовать немецкую разведку, так как он строго следовал детально от-

работанной легенде. Он довольно быстро освоился в роли резидента немецкой разведки в Москве. Для него были организованы фиктивные знакомства из среды пожилых офицеров, ранее служивших в царской армии. Все радисты, направленные в Москву, через Гейне были перевербованы. Нашу разведку и контрразведку в далеком 1941 году интересовали как ближайшие, так и дальние замыслы противника.

Чекисты обязаны быть в курсе как тактических, так и весьма отдаленных, скрытых месяцами, годами стратегических планов, отдаленной перспективе врага. А это трудно, почти невозможно выполнить без подготовленной агентуры. На фронте довольно часто люди рискуют жизнью, добывая свежие сведения, а они устаревают за сутки. Ставке же важно знать перспективные замыслы. Черновые и окончательные планы немцев. Чекисты должны были взять ситуацию в свои руки. Решительно переломить ее, а для этого надлежало хорошо подготовиться, переиграть превосходящего противника, переадресовать его на ложные цели. Требовались оперативные игры, комбинации. А враг вплотную приблизился к Москве. И в до предела тяжелые, напряженные дни берет свое начало выдающаяся своей дерзостью, продолжительностью и крупномасштабностью чекистская операция под кодовым названием «Монастырь».

Гитлеровцев интересовали подробные данные о наличии воинских частей в Москве, о продукции военных заводов, о продовольственном снабжении столицы, о транспортных перевозках, о результатах бомбардировок... Они рекомендовали Максусу, его группе активизировать антисоветскую пропаганду. Создавать свои подпольные ячейки в промышленных и областных городах страны.

В абвер посыпались тщательно подготовленные чекистами материалы дезинформационного характера, якобы полученные в Генеральном штабе Красной Армии. Почти без усталы работала рация, сконструированная агентом Максом.

В начале августа 1942 года Макс сообщил в немецкий разведцентр, что рация приходит в негодность и требует замены... Вскоре явились два курьера, которые передали ему деньги, продукты. Рацию курьеры оставили на месте приземления, так как опасались с ней передвигаться. Чекисты арестовали курьеров — немецких агентов Станкова и Шалова, нашли спрятанную ими рацию. По рации Макс сообщил, что курьеры прибыли благополучно.

В начале октября 1942 года в Москву прибыли еще два курьера-агента Зюбин и Алаев. Они привезли деньги, фальшивые документы и рацию. Новых посланцев абвера чекисты также арестовали. Завязалась интенсивная радиоигра с абвером. Чекисты, как могли, снижали возможности немецкой разведки. Дезинформация сразу шла с двух сторон. С одной стороны, сообщения передавал агент Макс-Демьянов, а с другой — они также посылались от имени Зюбина и Алаева, которые якобы энергично включились в добывание разведывательных данных.

Макс передал в немецкий разведцентр, что располагает возможностью снабжать гитлеровцев сведениями о продвижении на фронт частей и техники Красной Армии. Но для того, чтобы найти общий язык с крупным работником НКПС (Наркомат путей сообщения, с 1946 г. — МПС. — Ю.Л.), нужно 500 тысяч рублей. Курьеры доставили необходимую сумму денег, продуктовые подарки.

В 1942—1943 годах Александр Демьянов дважды переходил линию фронта, что, безусловно, было связано с определенным риском. Жена Демьянова Татьяна Березанцева, тоже агент НКВД, работала на Мосфильме ассистентом режиссера и пользовалась большим авторитетом среди деятелей кино и театра. То есть профессор Березанцев считался медицинским богом и был ведущим консультантом в кремлевских клиниках. Он был высокообразован, прекрасно говорил на немецком (получил образование в Германии), французском и английском языках. Его квартира использовалась как явочная для подпольной организации

«Престол», а позднее для контактов с немцами. Чекисты понимали, что немцы легко могут проверить, кто проживает в этой квартире, и казалось естественным, что вся семья, корни которой уходили в прошлое царской России, может быть вовлечена в антисоветский заговор. Демьянов как разведчик имел полную поддержку семьи, что для операции «Монастырь» было большой удачей.

В соответствии с разработанной чекистами легендой устроили Демьянова на должность младшего офицера связи в Генштаб Красной Армии. В середине 1942 года радиотехническое обеспечение игры было поручено Фишеру-Абелю.

Престиж Макса в глазах руководства абвера был высоким. 18 декабря 1942 года немцы передали Максу радиотелеграмму о награждении его и Станкова орденом «Железный крест с мечами» за храбрость. Довольно высоко гитлеровская разведка оценила дезинформационные материалы, которые направлялись «надежными агентами» Зюбиным и Алаевым. Их наградили орденом «За храбрость» в бронзе второго класса с мечами. Чекисты, в свою очередь, наградили его орденом Красной Звезды. Жена Александра и ее отец за риск при выполнении важнейших заданий были награждены медалями «За боевые заслуги».

Немцы не считались с потерями и затратами. Они получали сообщения о том, что многие их посланцы нарывались на засады, гибли в перестрелках... Обычное дело — война. Но такие неудачи немцев только подтверждали «правдивость» деятельности их агентов. В ходе операции «Монастырь» чекисты арестовали 23 немецких курьера-агента, было изъято два миллиона рублей, несколько радиостанций, оружие, продукты питания. Чекисты упорно держали инициативу, не отдавали ее в руки абвера. «Донесения» Демьянова (смесь информации и дезинформации) шли в эфир в 1942—1943 годах, а в 1944 году Гейне-Макс стал главным передаточным пунктом в другой радиогре, носившей кодовое название «Березино». Но это уже другая операция.

Разведка — игра тонкая, но опасная, жестокая

Много в ней скрытой, тайной борьбы, когда порой вся тонкая по замыслу и виртуозная по исполнению операция «Монастырь» то повисала, будто на тонкой ниточке, то тянулась черепашью шагом, то неслась в безудержном темпе. В ход вступала искусная чекистская режиссура, которая руководила обстановкой, когда она грозила стать неуправляемой.

Немецкие контрразведчики были весьма опытными специалистами, являлись профессионалами своего дела. Чего-чего, а простофиль в немецкой спецслужбе не было. И несмотря на это, чекисты их переиграли. Чтобы произвести впечатление правдоподобного течения событий, чекисты время от времени сообщали и о срывах, и о невольных осложнениях, которые тормозили, а порой чуть было не вели к провалу. В подобных тонких делах верх всегда должно брать чувство меры — чувство интеллектуальное. Малейший перебор в крохотных деталях — и неминуем печальный конец. Сфальшивить нельзя даже в самой простой ситуации. В тайных операциях чекистам приходилось балансировать на туго натянутом канате над пропастью. Ничто не могло вызвать малейшее подозрение, насторожить. Немецкая разведка с особой тщательностью перепроверяла факты, придирчиво анализировала их. Чекисты и другие участники операции не могли ни на минуту расслабиться.

В операции «Монастырь» и других, например «Березино», чекисты явно выигрывали, всякий раз одерживали верх, ибо действовали высокопрофессионально, качественно, мастерски легендировали каждый шаг.

Разведка — игра опасная. Не будем излагать все многочисленные хитросплетения, дебри оперативных уловок, капканов, ведь многое из арсенала спецслужб не терпит оглашения. Из немецких материалов известно, что командование вермахта совершило несколько роковых ошибок из-за того, что целиком полагалось на информацию абвера, полученную от источников из советского Верховного Главнокомандования.

Дезинформация, передаваемая Гейне-Максом, готовилась в оперативном управлении нашего Генштаба при участии одного из его руководителей, Сергея Матвеевича Штеменко (со временем стал генералом армии), затем визировалась в Разведуправлении Генштаба и передавалась в НКВД, чтобы обеспечить ее получение убедительными обстоятельствами. По замыслу Штеменко, важные операции Красной Армии действительно осуществлялись в 1942—1943 годах там, где их «предсказывал» для немцев Гейне-Макс, но они имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Дезинформация иногда имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 года Гейне-Макс сообщил, что Красная Армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью.

Разведка — игра жестокая. Жуков, не подозревавший об этой радиоигре, заплатил дорогую цену — в наступлении под Ржевом полегли тысячи и тысячи наших солдат, находившихся под его командованием. В своих мемуарах он признает, что исход этой наступательной операции был неудовлетворительным. Но он так никогда не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении на Ржевском направлении, поэтому бросили туда большое количество войск.

Послесловие

Операция «Монастырь» — уникальная, героическая, поучительная. Громкая операция. Тексты сообщений Демьянова, которые умело составлялись дезинформаторами в Москве, докладывались высшему военному и государственному руководству Германии. Докладывались они на самых верхах. В личном архиве рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера было дело, в котором содержались некие «специальные

донесения» за литерами «А». В них излагались оценки военного и политического положения Советского Союза, пришедшие из Москвы в январе и апреле 1943 года, в том числе «разговоры с маршалом Шапошниковым». Безусловно, это были донесения Макса. А сообщение о нашем наступлении под Ржевом историк Винфрид Майер обнаружил в секретных архивах абвера, и в рассекреченных ныне документах американской контрразведки было немало данных о Максе. Эти данные о нем и составили часть фундаментального и интересного труда В. Майера «Операция «Семерка», вышедшего в 1993 году в Берлине в издательстве «Атенеус-программ». О Максе писали и другие немецкие исследователи, в частности автор классических работ по истории службы Канариса — абвере — Хейнц Жене. Он отзывался о Максе в самых высоких тонах, считая его крупнейшим разведчиком Второй мировой войны. Разумеется. Они воспринимали Макса как немецкого агента.

Судьба Демьянова-Гейне у нас не афишировалась, о нем не было известно.

Журналист Владимир Мацко, рассказывавший об операции «Монастырь» на страницах ежемесячника «КГБ СССР»¹ под рубрикой «Из архива КГБ СССР», сообщил: «Перелистывая архивные материалы, я так и не узнал: кто же действовал долгие месяцы под именем Пастор (этим именем журналист наделяет советского агента «Гейне». — Ю.Л.), как сложилась дальнейшая судьба этой героической личности и его товарищей? Может быть, кто-то из них еще тихо живет рядом с нами. Знают ли другие люди, их родные, дети и внуки об их героике?»

Автор сообщает, что Александр Петрович Демьянов-Гейне, он же Макс, благополучно завершил выполнение своих сложных и опасных заданий и жил после войны в Москве, где скончался в 1975 году.

---

¹ Ежемесячник «КГБ СССР» выходил в последние годы существования КГБ СССР.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Будни контрразведки и неожиданная встреча

В каждой воинской части должны быть такие службы, как медицинская, связь, контрразведка. Они необходимы для обеспечения жизнедеятельности части. В обязанности Овчинникова и Сумцова входило агентурно-оперативное обеспечение части. Запасной полк, в котором они служили, занимался подготовкой пополнения для действующей армии.

Среди военнослужащих в те дни было немало случаев измены Родине, были дезертиры, и на передовой были перебежчики. К борьбе с изменой Родине, с дезертирством привлекались агентурно-осведомительные кадры как в действующей армии, так и в запасных частях. Осведомители сообщали в Особые отделы о военнослужащих, которые, по их мнению, могли стать изменниками или дезертирами. В своем полку Овчинников и Сумцов занимались изучением и агентурной разработкой всех лиц, находившихся в окружении или в плену у противника, изучали и осуществляли агентурное наблюдение за военнослужащими — уроженцами мест, временно оккупированных противником, особенно если там живут их ближайшие родственники, выявляли лиц, подготовленных гитлеровцами для шпионажа, диверсий в нашем тылу. Они также должны были изучать и наблюдать за связями военнослужащих с гражданским населением. Среди них могли быть агенты немецких спецслужб. Успех деятельности контрразведчиков части могла обеспечить надежная агентура.

«Без нее мне не обойтись. Нужно расширять свой агентурно-осведомительный аппарат. Искать и находить подходящих для этого лиц», — размышлял Сумцов. Он приобрел некоторый опыт работы с агентурой.

Константин уже освоился со своим положением в части. Шутливо заметил: «Я как щука в море, чтобы карась не

дремал». Константин Сумцов постепенно постигал премудрости деятельности контрразведчика.

Контрразведчиками становились люди разные. Некоторым удалось прекрасно научиться, постигнув тонкости и глубины профессии, некоторым не очень. А кое-кому ничего не удалось. Погоны на плечах, денежным довольствием обеспечивают. Что еще надо...

Структура военной контрразведки неоднократно менялась. А в апреле 1943 года после победы под Сталинградом Сталин, возможно, опасаясь слишком большого сосредоточения власти в руках Берии, осуществил новую реорганизацию спецслужб.

19 апреля 1943 года Совнарком СССР постановлением № 415-138 сс вывел Управление особых отделов и подчиненные им органы, занимающиеся контрразведывательной деятельностью в Красной Армии, из систем НКВД СССР и реорганизовал их в Главное управление контрразведки СМЕРШ, передал в ведение наркомата обороны СССР.

Начальником ГУКР СМЕРШ был назначен Виктор Семенович Абакумов. Начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ являлся и заместителем наркома обороны СССР, подчинялся напрямую Сталину.

Размещались сотрудники СМЕРШа в основном в «доме два» по улице Дзержинского на четвертом и седьмом этажах.

Начальником Управления контрразведки СМЕРШ НК ВМФ назначался комиссар госбезопасности Петр Андреевич Гладков (находился в Москве, на Гоголевском бульваре, 16). В НКВД 15 мая 1943 года тоже был организован Отдел контрразведки СМЕРШ. Его возглавил Семен Петрович Юхимович.

Главная задача органов военной контрразведки вытекала из самого наименования СМЕРШ — «смерть шпионам». Органы СМЕРШа предназначались для борьбы с подрывной деятельностью иностранных разведок, прежде всего гитлеровской, в частях и учреждениях Красной Армии, обе-

спечения непроницаемости линии фронта вражеской агентурой. Кроме того, в их обязанности вменялось пресечение попыток измены Родине, предательства и членовредительства, выполнение специальных заданий народного комиссара обороны.

СМЕРШ занимался разведкой и контрразведкой в тылу врага. И переиграл абвер и СД, в частности «Предприятие «Цеппелин», знал о расположении немецких частей больше, чем немцы о Красной Армии.

Теперь уже известно, что за первые полгода войны в германском плену очутилось свыше трех миллионов советских военнослужащих, и не только рядовых красноармейцев, но и средних, и старших командиров, и даже генералов. Тысячи военнопленных подвергались вербовке германских спецслужб. Соглашаясь на вербовку, одни военнопленные видели в этом единственную возможность вырваться из-за колючей проволоки, вернуться через линию фронта к своим или присоединиться к партизанам, другие, истощенные физически и сломленные морально, просто надеялись так спасти свою жизнь, третьи — этих, по счастью, было меньшинство, шли на службу хоть в СД, хоть в абвер вполне сознательно. Завербованных направляли в многочисленные разведшколы и лагеря. Диверсантов после двух-трехнедельной подготовки забрасывали в тыл Красной Армии, а радистов и агентов, предназначенных для действий в глубоком тылу, готовили до трех месяцев, .

Немцы понимали, что коэффициент полезного действия этого контингента невелик, здраво рассуждали, что половина, а то и две трети забрасываемых за линию фронта групп стандартного состава (три человека, включая радиста) обратно никогда не вернется, а потому и старались брать скорее числом, нежели умением. Потому-то подготовка агентов и была краткосрочной, по сути, из них готовили однократных смертников.

Да, значительная часть заброшенных немецких агентов являлась в ближайшие отделы НКВД или милицию или обращалась к первому попавшемуся на глаза офицеру Крас-

ной Армии. Одни это делали сознательно, не желая служить гитлеровцам, другие — из страха быть избитыми и по законам военного времени — получить «вышку». Изрядное число агентов было выслежено и задержано не только органами контрразведки, но и просто бдительными солдатами и офицерами Красной Армии. Провалы агентов, заброшенных органами абвера и СД, участились после создания в апреле 1943 года военной контрразведки СМЕРШ.

Органам СМЕРШа довелось встретиться с серьезным противником. Методы гитлеровских спецслужб были изощренными и коварными.

Так, в разведывательно-диверсионной школе в г. Рованиеми абвергруппы-214 (начальник абвер-лейтенант Ройтер, он же Койда) до заброски в советский тыл агенты проверялись на боевой работе — им поручались разведка советского переднего края и захват «языков».

Агенты, успешно выполнившие такие поручения, считались надежными, и их забрасывали в советский тыл. Им придумывались разные легенды.

Чекисты задержали старшину Денисюка, который являлся агентом абвера Прудько. Он сообщил о полученных от капитана Райло, занимавшегося подготовкой агентов и переброской их через линию фронта, основные задания и особые поручения.

Особое задание заключалось в следующем. Капитан Райло предложил Прудько явиться с повинной в советские органы государственной безопасности, признаться в своей принадлежности к агентуре немецкой военной разведки и заявить о своем «нежелании» выполнять полученное в абвере задание. Капитан Райло рассчитывал, что после явки Прудько с повинной советские чекисты сделают ему предложение стать их разведчиком и пошлют через линию фронта со своим заданием. Таким путем ему удастся внедриться в чекистские органы, узнать методы их работы, а может быть, и сведения о советских разведчиках, действующих в тылу немецких войск.

Прудько сказал, что в связи с его задержанием ни одного из заданий абвера выполнить ему не удалось. Да, с поднаторевшими в своих делах немецкими спецслужбами СМЕРШу справиться было непросто.

В СМЕРШе стали служить сотрудники Особых отделов. Сразу после перехода военной контрразведки в ведение Наркомата обороны особистам были присвоены общевойсковые воинские звания вместо имевшихся ранее спецзваний госбезопасности. Приказом наркома обороны маршала Советского Союза И.В. Сталина от 29 апреля 1943 года офицеры, имевшие звания от младшего лейтенанта до полковника госбезопасности, получили аналогичные звания.

Через месяц, 26 мая 1943 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание «генерал-лейтенант» четверым руководителям СМЕРША, а звание «генерал-майор» получили 36 человек.

* * *

Константин Сумцов служил уже в СМЕРШе. Сначала ему показалось, что в его деятельности ничего не изменилось. Взять, например, ориентировку Управления особых отделов НКВД СССР о розыске агентов германской военной разведки.

Совершенно секретно

**Начальникам особых отделов НКВД фронтов,
армий, флотов, флотилий военных округов
и спецлагерей.**

**Начальнику второго управления НКВД Союза
ССР, начальнику управления войск НКВД по
охране тыла действующей Красной армии.**

Направляю дополнительный список агентов германской военной разведки, выявленных в процессе следствия по делам шпионов, арестованных Особыми отделами НКВД Западного, Калининского и Северо-Западного фронтов.

Перечисленные в списке агенты германской разведки в разное время обучались в Катынской и Борисовской разведывательных школах, частью переброшены или подготавливались к переброске в тыл частей Красной Армии с разведывательными заданиями.

ПРЕДЛАГАЮ:

Принять меры к розыску и аресту перечисленных в списке германских разведчиков.

При аресте указанных агентов германской разведки сообщать в Управление особых отделов НКВД СССР.

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР начальник Управления Особых отделов АБАКУМОВ.

№ 48

2 февраля 1943 года.

К контрразведчикам по-прежнему направлялись документы за подписью Абакумова, но он уже значился как начальник Главного Управления Контрразведки НКВД СССР «СМЕРШ», комиссар Госбезопасности II ранга (9 июля 1945 г. ему присвоено звание «генерал-полковник»).

Сотрудников СМЕРШа многие по-прежнему называли особистами.

— Теперь наши органы называются отделами контрразведки СМЕРШ, — сказал Овчинников.

— Пожалуй, у нас ничего не изменилось, кроме названия, — заметил начальнику Сумцов.

— Не скажи... — не согласился Овчинников. — Изменился статус. Начальник СМЕРШа — кто? Заместитель наркома обороны.

— Самого Сталина.

— То-то же!

— Чувствую, будут и другие изменения. Конечно, главная наша задача — борьба с вражескими агентами — остается, — сказал как припечатал Овчинников и добавил: — Надеяться на то, что они вымерзнут зимой как тараканы, не приходится.

* * *

25 мая 1943 года В.С. Абакумов был освобожден в числе прочих от должности заместителя наркома обороны, но, оставаясь начальником ГУКР СМЕРШ, подчинялся непосредственно Сталину. У Наркома обороны остались только два заместителя — маршалы А.В. Василевский и Г.К. Жуков.

Будучи хорошим организатором, Абакумов сумел выстроить систему управления СМЕРШем по типу Генерального штаба, создав управления по фронтам. Это позволило хорошо знать оперативную обстановку на каждом фронте и быстро на нее реагировать.

Для руководства работой управлениями контрразведки СМЕРШ на фронтах при начальнике ГУКР СМЕРШ был утвержден институт помощников по количеству фронтов. В соответствии с чрезвычайными условиями военного времени органы СМЕРШ наделялись широкими правами и полномочиями.

В.С. Абакумов пошел против существовавшего тогда законодательства: являвшихся с повинной немецких агентов он освобождал от ответственности. Это резко подняло эффективность борьбы с агентурой противника.

Забегая наперед, следует отметить, что после падения гитлеровской «Цитадели» органы СМЕРШ перешли на тайном фронте войны от активной обороны к наступлению. Агентура СМЕРШ проникает в разведывательные и диверсионные школы абвера и «Цеппелина» ведет борьбу в самом логове врага.

* * *

Капитан Овчинников был на совещании сотрудников СМЕРШ, рассказывал Сумцову:

— Проводил совещание Селивановский, заместитель Абакумова. Между прочим, пограничник. С характером человек.

— Характер как кровельное железо?

— Личность!

— Они всегда требуют внимания.

— Речь о том, чтобы не допустить проникновения в штабы женщин, легализовавших себя в качестве «жен», «секретарей», «медработников» при командирах подразделений. Иногда такие женщины были взяты командирами в местностях, освобожденных от противника. Эти женщины, находясь в помещении штаба, слышат много интересного для немцев. Их разведка использует таких женщин.

Константин вспомнил слова капитана Манилова: «До десяти процентов немецкой агентуры составляли молодые красивые женщины. Это отмечалось в ориентировках».

Овчинников продолжил:

— Женщины... Что говорить о них... У немцев в хозяйстве каждая веревочка используется. Для шпионажа они привлекают цыган, детей, даже евреев...

Упоминание о женщинах расстроило Константина. Вызвало ассоциацию его отношений к Ирме. Где она?..

* * *

Письма от родных Константин получал нечасто. Отец, по словам мамы, жил производством и жил на нем. Был занят там целые сутки. Тамара Владимировна сознательно не забрасывала сына письмами, разумно считая, что в таком случае ему нужно отвечать ей на каждое. А в его фронтовом положении это непросто. Константин хранил несколько ее писем. В одном из них она горевала о том, что не удалось встретиться. Он появился в Москве уже после отъезда родителей на Урал. Письмо мамы от 19 октября дошло до него через двадцать дней. Она писала:

«Да, 16 октября 1941 г. войдет позорнейшей датой, датой трусости, растерянности и предательства в историю Москвы.

И кто навязал нам эту дату, этот позор? Люди, которые первые трубили о героизме, несгибаемости, долге, чести...

Опозорено шоссе Энтузиастов, по которому в этот день неслись на восток автомобили вчерашних

«энтузиастов» (на словах), груженные никелированными кроватями, кожаными чемоданами, коврами, шкатулками, пузатыми бумажниками и жирным мясом хозяев всего этого барахла.

А Красная Армия лила в этот день кровь за благополучие бросающих свои посты шкурников.

Но почему правительство не опубликует их имена, не предаст их гласному суду?»

О том, что происходило в Москве в октябрьские дни, она знала достаточно.

В одном из писем мама деликатно спросила сына, не страшно ли ему на фронте.

Константин ответил:

«Не могу сказать, что чувство страха мне совсем неведомо. Но оно для меня как бы абстрактно. Объясняю это своей молодостью. Ведь чем моложе человек, тем он беспечнее. Вот, например, дети. Они слабые опытом, не принимают за опасное то, что они еще не привыкли считать опасным. (Ребенок хочет схватить пламя свечи.) Во время бомбежки дети спокойно играют или торчат на крышах, хохочут, дурачатся, шутят по поводу падающих осколков, из которых некоторые могут их убить.

У массы бойцов также слабо развито априорное чувство страха войны, боя, смертельной опасности. Оно, по-видимому, возникает только в порядке стадности, в момент самого боя, когда поражены слух, зрение, обоняние необычным и страшным.

По своей службе я не нахожусь на переднем крае. Не слышу свиста пуль, разрывов мин и снарядов».

* * *

Время шло. Капитан Овчинников, под началом которого находился Сумцов, продолжил службу в органе СМЕРШ 1-го Украинского фронта, где его бывший начальник Особого отдела НКВД Западного фронта Белянов Александр

Михайлович стал заместителем начальника фронтowego Управления СМЕРШ. Сам Сумцов служил в органе СМЕРШ Московского военного округа. Начальником УКР СМЕРШ Московского ВО был Федор Яковлевич Тутушкин. Звание генерал-майора ему в числе других руководителей было присвоено постановлением Совнаркома СССР 26 мая 1943 года.

Через некоторое время Константин Сумцов был направлен на отделение переподготовки военных контрразведчиков при Ленинградской школе СМЕРШ. «Возможно, учли мое знание немецкого языка», — подумал он. На отделении переподготовки Сумцову преподавали специальные дисциплины по оперативно-разыскной работе и военному делу, велась строевая подготовка, а в целях политического воспитания изучались основы марксизма-ленинизма.

* * *

Косте не довелось ранее побывать в Ленинграде. К сожалению, сейчас он оказался не в лучшие для этого города времена, Константин узнал, что такое блокада Ленинграда, поражен был стойкостью и мужеством его жителей. Несколько раз ему удалось побывать в городе. Здания-дворцы, каналы, мосты производили впечатление. Увидел немного домов, само существование которых неотделимо от образа города. Для горожан не нужно расшифровывать многие адреса — будь то Мойка, 12, или Литейный, 4. В доме 12 на Мойке жил Пушкин, а дом на Литейном проспекте, перед мостом через Неву, получил неформальное название «Большой дом». В нем находилось ленинградское областное Управление НКВД. Многим ленинградским домам сопутствовали колоритные мифы и легенды. «Большой дом» — одно из таких зданий. В нем находилось Управление контрразведки СМЕРШ Ленинградского фронта, которое возглавлял Александр Семенович Быстров.

Первая вражеская бомба в сентябре сорок первого на Ленинград упала на Литейный мост поблизости от Литейного, 4. «Большой дом» пытался и сам обороняться, на его крыше была установлена зенитка. Литейный, 4, — это в значительной мере город в городе, имеющий довольно развитую инфраструктуру. Восьмиэтажный «Большой дом» весьма любопытен в архитектурном отношении. Здание выполнено в форме строгого квадрата. Особенность дома — его симметричность, проявляющаяся в расположении помещений и лестниц внутри здания, а также возвышающихся по углам «башен» (благодаря этим надстройкам здание достигает девяти этажей). Строили «Большой дом» основательно, в расчете на века. В подвале дома помимо бомбоубежища был госпиталь, в котором находились раненые сотрудники НКВД. Ленинградские чекисты были переведены на казарменное положение и жили в «Большом доме». Они занимались выявлением шпионов и также сугубо милицеейской работой, связанной с поддержанием жизнеобеспечения города. Делили все тяготы осажденного города наравне с его жителями. За время блокады умерли от голода 87 чекистов различного ранга.

* * *

Школа СМЕРШ находилась в добротном пятиэтажном здании, внешне импозантном. В школе СМЕРШ в процессе учебы Сумцов знакомился с разными документами, отражающими борьбу с гитлеровской агентурой, подробно разбирали деятельность вражеских спецслужб, изучали методы заброски немецкой агентуры на нашу территорию. Знакомились с операциями по проникновению нашей разведки и контрразведки во вражеские спецслужбы, их школы. Сумцов внимательно читал документы с грифом «совершенно секретно» и удивлялся тому, что во многих было немало не только неточностей, а беспардонного вранья. Богатая фантазия была у их авторов. Чего, например, стоит такой документ.

Из справки об операции по разгрому немецкого штаба партизанским отрядом Управления НКВД по Москве и Московской области, проведенной 19—24 ноября 1941 г.

Декабрь 1941 г.

В ноябре 1941 года руководству Управления НКВД МО от партизанского отряда Угодско-Заводского района стало известно о размещении в г. Угодский Завод штаба 12-го немецкого армейского корпуса и около 4 тысяч немецких солдат и офицеров с вооружением и техникой.

Было решено разгромить штаб 12-го немецкого армейского корпуса, истребить сосредоточенные войска и уничтожить технику врага силами сводного партизанского отряда УНКВД МО под общим командованием капитана т. Карасева.

Штурм всех намеченных объектов начался одновременно. Вслед за снятием часовых в окна помещений штаба, офицерских и солдатских общежитий, здания гестапо, почты и телеграфа полетели противотанковые и ручные гранаты, застрочили пулеметы и автоматы, а затем партизаны врывались в помещения и довершали разгром штыками и ручным оружием.

Одновременно запылали склады с горючим и продовольствием, начали рваться склады боеприпасов, загорелись танки, автомашины, конюшни.

Выскакивающие из зданий солдаты и офицеры истреблялись партизанами из автоматов, винтовок, а начавшие действовать пулеметные точки уничтожались противотанковыми и ручными гранатами.

Внезапность налета ошеломила немцев. Народные мстители Угодско-Заводского партизанского отряда в этой операции еще раз на поганой шкуре немцев подтвердили смелость и отвагу, героизм, бесстрашие и готовность советских патриотов бить своих врагов до полного их уничтожения. В эту ночь они еще раз воскресили суворовскую истину о том, что бьют врага «не числом, а умением».

Несмотря на сравнительную непродолжительность операции в городе, длившуюся 1 час 10 минут, и на то, что немцев было в городе до 4 тысяч, а партизан лишь до 300 человек, немцы не сумели оказать сильного сопротивления. Это видно по тому, что партизаны за 1 час 10 минут боя истребили 600 гитлеровцев, потеряв со своей стороны 18 человек убитыми и 8 ранеными.

Всего в результате проведенной операции партизаны сводного отряда истребили до 600 немецких солдат и офицеров, сожгли 2 больших склада с горючим, взорвали склады боеприпасов и продовольствия, сожгли до 100 автомашин, подорвали 4 танка и 1 бронемашину, уничтожили несколько пулеметных гнезд, сожгли конюшни, захватили в разгромленном штабе 12-го армейского корпуса важные оперативные документы: тактические карты, полевую почту и порвали связь.

Выход отряда на свою базу прошел организованно и без потерь. Выводы:

1. Успеху операции способствовало то обстоятельство, что она была организована на точных разведывательных данных, которые ежедневно подтверждались и уточнялись.

2. Факторы скрытой подготовки и сосредоточения, учета времени и особенно внезапность нападения в сочетании со смелыми и решительными действиями привели партизан к такому крупному успеху в данной операции при небольшой потере личного состава со стороны нападающих.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ УНКВД МО
ПОДПОЛКОВНИК ФИЛИППОВ

Но штаб 12-го армейского корпуса немцев никогда не дислоцировался в Угодском Заводе, а находился с 24 октября по 24 декабря 1941 г. в Тарутино. В Угодском Заводе с 23 по 24 ноября находились подразделения службы тыла 263-й пехотной дивизии 12-го армейского корпуса.

Наши потери в бою составили 18 человек убитыми. Цель операции, по свидетельству ее участников, состояла в вы-

возе с оккупированной территории родственников Г.К. Жукова. Их удалось спасти.

Некоторые документы, казалось, были списаны с передовых статей «Правды». Увлекался мифотворчеством и Петр Васильевич Федотов, а вот у Александра Михайловича Белянова¹ документы за его подписью — правдивые.

Документы же ГУКР СМЕРШ отличались правдивостью. Были деловиты, без эмоций.

Некоторые лица, готовившие документы, будучи в Особых отделах, грешили на бумаге. Но во время службы в СМЕРШ уже не допускали вранья. Те же люди.

Почему? Этим Сумцов поделился с начальником курса, боевым офицером в звании лейтенанта.

— Люди те же, но тогда время было другое, — ответил курсовой офицер.

О жестоких репрессиях тридцатых годов в школе СМЕРШ ничего не говорили. Будто их и не было. Незаконность репрессий Сумцову даже в голову не приходила. Он тогда считал: если человек был арестован, то значит, того заслуживал. Он враг.

* * *

«Дорогой, милый Костик!

Не знаю, дойдет ли до тебя мое послание. Найдет ли тебя... Надеюсь.

Радуюсь успехам нашей Красной Армии. Гонит немцев. Коротко о себе: живу одна, родители еще на Урале, хотя многие из эвакуации уже возвращаются в Москву. Я продолжаю свою учебу и в инязе. Хожу на занятия. Жду письма!

Целую крепко. Твоя Ирма».

Сумцов читал письмо и не верил своим глазам. Письмо Ирмы было неожиданным. Для него это приятная неожиданность.

---

¹ Белянов А.М. — начальник Особого отдела НКВД Западного фронта резервных армий.

данность. Он несколько раз прочитал короткое письмо. Даже понюхал его. Ему казалось, оно должно благоухать.

Константин тут же написал Ирме, с нетерпением ждал от нее ответа.

Следующее письмо от Ирмы порадовало Константина не меньше первого.

«Дорогой Костик!

Милый мой! Рада безмерно. Ты жив, здоров.

В те ужасные октябрьские дни потеряла тебя и вот нашла! Еще раз радуюсь этому, радуюсь! А еще радостно от того, что наши гонят немцев. Захватчики получают по зубам.

Для меня Гитлер — единица измерения зла. Придет день, и он получит по заслугам за все свои деяния.

Немного завидую тебе, что находишься в Ленинграде. Для меня этот город — величественная страница нашей истории. А ленинградцы — герои!

Надеюсь на скорую нашу встречу. Жду ее с нетерпением. Жду!

Можешь ко мне обращаться просто «И».

Целую крепко. Твоя «И».

Город Ленинград и его жители навсегда остались в памяти Константина Сумцова. Ленинград был, безусловно, ни с чем не сравнимый город. В нем господствовала особая, отличавшая этот город культура. В этом, очевидно, сыграла свою роль старая петербургская интеллигенция. Конечно, много, очень много ленинградцев нашли вечный покой на Пискаревском и других кладбищах.

Занятия в школе СМЕРШ, приобщение к культурно-историческим ценностям Ленинграда обогатили Константина Сумцова профессионально и духовно.

Во время учебы в Ленинграде Константин узнал и о другой, мрачной стороне жизни ленинградцев. Были случаи каннибализма. Их было сотни. Изобличенные в каннибализме лица получали свое по заслугам. Среди ленинград-

цев, поразивших мир стойкостью и мужеством, были люди разные. Обезумевшие от голода и кошмара блокады умирающие горожане и откровенные шкурники, стяжатели, предатели, спекулянты. Как говорится, кому война, а кому она — мать родная. Находились такие, кто строил свое благополучие, обогащался за счет несчастных ленинградцев. Одна известная актриса за бесценок приобретала у голодающих шедевры известных художников.

Три месяца учебы в Ленинграде для Константина Сумцова пролетели как один день. Он ехал в Москву. С нетерпением ожидал встречи с Ирмой.

И вот они встретились. Она обхватила его шею руками, прижалась к его щеке. Целовала его, целовала. А затем прижалась, словно хотела раствориться в нем.

* * *

Константин с горечью вспоминал те октябрьские дни сорок первого в столице, когда после нескольких встреч неожиданно Ирма исчезла. Она не только не пришла на свидание, но просто пропала. Оборвались ниточки, связывающие Сумцова с девушкой. Все попытки влюбленного отыскать свой предмет оказались неудачными. Ее телефон в коммунальной квартире, где она жила, не отвечал, а когда он все же дозвонился — сказали, что такая больше здесь не живет. Костя примчался по адресу ее жительства, но лишь услышал от Ирминой соседки, пожилой женщины:

— Съехала она.

— Куда?

— Сие, молодой человек, мне неизвестно.

«В чем дело?» — недоумевал Константин. Досадовал, что не имел достаточных данных, которые помогли бы ему разыскать девушку.

После первых мгновений радостной встречи у Константина с языка сразу сорвалось:

— Ирма, что тогда произошло? Куда ты исчезла так внезапно, неожиданно?..

Она молчала. Молчание затянулось. Окинув взглядом его всего, с ног до головы, девушка, видимо, решила сказать правду.

— Неожиданно, говоришь, — тихо начала она, — для меня это не было неожиданным... Меня оставляли в подполье на случай захвата Москвы немцами. Под именем Ирма Костик, больше меня Ирмой не называй.

— А как?

— Ира я. А фамилия моя Лазаревская настоящая. Я Ирина Лазаревская.

— Не могла предупредить?

— Ты что? — спросила удивленно. — Не могла!

Ирине-Ирме Лазаревской была уготована немаловажная роль в подполье, создаваемом на случай сдачи столицы врагу. Это было особое подполье на тот случай, которого не должны были допустить. И была она не Ирма, а просто Ира. За то, чтобы оставить ее в подполье, говорило многое. Красивая, волевая, владеет немецким языком, осталась в Москве одна, родители — научные сотрудники одного из столичных НИИ — эвакуировались. Для легендируемой биографии Иры удачной оказалась и ее фамилия — Лазаревская. Чекисты старались сохранить без изменения биографию человека, направляемого на нелегальную работу. Руководствовались принципом — старайся говорить правду, и тогда тебе не придется многое запоминать.

Дело в том, что бывший проректор Санкт-Петербургского университета профессор Николай Иванович Лазаревский был арестован за участие в боевой Петроградской (контрреволюционной) организации — во главе которой стоял профессор Владимир Николаевич Таганцев. Н.И. Лазаревский был расстрелян в августе 1922 г. (По этому процессу был расстрелян поэт Н.С. Гумилев¹).

---

¹ Юрий Ленчевский. «На страже государственной безопасности» // «Граница России», январь 2006, № 3.

Ира Лазаревская, будучи однофамилицей расстрелянного профессора, могла назвать себя его внучкой. Что это не так — доказать было невозможно.

Первоначально было намечено жить Ире в своей квартире и под своей фамилией. Но потом все же ее поселили в другом месте. Она имела задание внедриться в какой-либо немецкий спецорган или административный аппарат оккупационных властей. К счастью, ей это не понадобилось.

При подготовке Иры для нелегальной работы чекисты рекомендовали ей не иметь никаких контактов с военными, в том числе и с работниками милиции. Такие контакты, общение могли бы отметить десятки любопытных глаз, а это опасно лицу, готовящемуся для подполья. Симпатичный сержант Костя Сумцов пришелся ей по душе. Она сразу как-то потянулась к нему. Однако он был сержант в военной форме, да еще причастный к отечественной спецслужбе. Пришлось, ничего не объясняя ему, резко порвать с ним, исчезнуть из его поля зрения. Резать так по-живому было горько, обидно... Но обстоятельства и правила чекистских игр требовали от нее такого поведения.

— А как нашла меня?

— Когда не стало опасности для Москвы... Жизнь вошла в нормальные рамки, пыталась тебя искать. Время шло, а найти не удавалось. Обратилась к Федосееву¹ — начальнику контрразведки Управления НКВД Московской области. Сергей Михайлович Федосеев помог. Получила твой адрес, — помолчав, сказала строго: — Только вот что: ты, лейтенант госбезопасности Костя, услышанное от меня забудь!

— А ты ничего и не говорила.

— Молодец!

Ира горячо расцеловала Константина.

---

¹ См.: Москва военная. Мемуары и архивные документы. — М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1995.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Из воспоминаний начальника
контрразведывательного отдела УНКВД
Московской области С.М. Федосеева¹.*

В связи с эвакуацией Наркомата внутренних дел СССР в Куйбышев, куда переехало тогда правительство, на московское управление легла вся тяжесть работы по защите столицы от проникновения немецкой агентуры.

Вполне понятно, что на первом этапе войны мы в профессиональном отношении уступали немецкой разведке, которая к тому времени накопила немалый опыт подрывных акций на чужих территориях, сумела приспособить свои организации и тактику действий к военным условиям.

Из надежных агентурных источников нам было известно, что, готовясь к захвату столицы, гитлеровцы развернули на московском направлении целую сеть разведывательных и контрразведывательных организаций...

Управлением было раскрыто несколько агентов абвера и СД, которые, осев в Москве, до поры до времени должны были выжидать. Они имели инструкции оставаться пока в тени, чтобы избежать разоблачения, и вступить в действие в «чрезвычайных обстоятельствах» — при приближении к столице немецких войск, облегчая работу их специальных групп.

В этот наиболее сложный для Москвы период внимание и усилия Московского управления внутренних дел были прикованы к решению задачи, поставленной Ставкой и командованием Западного фронта, — способствовать обеспечению скрытности подготавливаемого под Москвой контрнаступления.

---

¹ См.: Москва военная. Мемуары и архивные документы. — М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1995.

Нам было поручено обеспечить продвижение в высшие звенья вермахта дезинформации, отвечающей планам Ставки...

Накопленный к этому времени нашей контрразведкой опыт особенно успешно применялся в радиоиграх, ставших одним из наиболее эффективных средств борьбы с нацистской разведкой и введения в заблуждение немецкого командования¹...

...Наша радиоигра неожиданно привлекла внимание Верховного Главнокомандующего. Случилось это так: дело «Бумеранг» каким-то образом попало в поле зрения тогдашнего начальника Управления особых отделов Наркомата обороны Виктора Семеновича Абакумова. И вот как-то в воскресенье утром (это был обычный рабочий день, выходных в войну не было) он позвонил мне и попросил зайти, чтобы проинформировать его о «Бумеранге».

Откровенно говоря, я был рад этому вызову. Дело «Бумеранг» оказалось сложным и во многом рискованным. В то же время тем из нас, кто общался с Абакумовым, было хорошо известно, что он располагал большим опытом в проведении подобных операций. Общаться с ним было легко: несмотря на высокое положение и авторитет, каким он пользовался в высшем эшелоне власти, он был прост и доступен для работника любого ранга. Умел создать непринужденную обстановку в беседе, а главное — способен был дать дельный профессиональный совет, поддержать тебя, когда это требовалось. Подробно, до мельчайших деталей Абакумов расспросил меня о радиоигре. Его интересовало все — и как она возникла, и вполне ли можно доверять радисту, надежно ли обеспечено наблюдение за вторым

---

¹ Речь идет в том числе и о радиоигре, получившей название «Бумеранг». В начале весны 1942 года был захвачен агент немецкой разведки — радист, который стал сотрудничать с органами советской контрразведки. Вместе с тем «Бумеранг» представлял собой лишь одно из звеньев в общей системе радиоигр, которые велись органами советской контрразведки. Передаваемая немцам в ходе радиоигр информация, которая зачастую бывала весьма объемной, обрабатывалась при непосредственном участии работников Генерального штаба.

агентом, какова реакция абвера на переданную информацию, какими нам видятся перспективы этого дела. Наконец, сказал: «Подготовь-ка мне справку по этому делу. Отрази в ней главные моменты. Обязательно дай краткое обоснование путей развития игры — как мы их себе представляем. К справке приложи проект очередного сообщения радиста в радиоцентр. Будь начеку, — предупредил в конце разговора Абакумов. — Дело ясное: курьер непременно появится».

В подготовленном нами проекте шифрограммы содержалась очередная порция дезинформации, и, кроме того, радист уведомлял центр о благополучном прибытии курьера — это на тот случай, если он действительно появится в эти дни.

Буквально на следующий день звонок Абакумова. Слышу резкий командный голос: «Заходи».

Докладываю ему: «Два часа назад прибыл курьер. Отдыхает в комнате радиста. Двинуться обратно намерен рано утром. На месте находится группа захвата».

«На, прочти», — говорит Абакумов, возвращая мне справку и проект сообщения в разведцентр. Вижу, что местами текст справки подчеркнут жирным синим карандашом. В заключительную часть, где излагались наши соображения, внесена небольшая правка. Этот же синий карандаш прошелся и по тексту шифрограммы.

Почерк показался знакомым. «Ну что, узнал? — спросил Абакумов. — Правка товарища Сталина. Верховный считает, что захват курьера — риск малооправданный. В результате провала игры мы лишим себя возможности продолжить очень важную для военных в данный момент дезинформацию врага. Товарищ Сталин считает также, что при таком образе действий мы упустим благоприятную возможность выследить, где и как агентура абвера преодолевает линию фронта, какими опорными пунктами во фронтовой полосе располагает, а то, что они есть там, — не вызывает сомнений. Будем курьера арестовывать, — заключил разговор Абакумов. — Но не там, где намечали, а в самом последнем пункте пути его следования через фронтовую по-

лосу. Необходимые распоряжения военным контрразведчикам — быть готовыми к задержанию курьера — я уже сделал...»

Некоторое время спустя в связи с изменившейся обстановкой на фронте радист получил указание переместиться дальше на запад, и радиоигра «Бумеранг» перешла из наших рук — Московского областного управления НКВД — в ведение военной контрразведки действующей армии СМЕРШ.

В результате этой радиоигры наряду с продвижением в немецкие штабы дезинформации удалось выявить и обезвредить семь вражеских агентов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

За линией фронта

О подвигах зафронтовых разведчиков заговорили открыто только через много лет после окончания Великой Отечественной войны. Полковник КГБ Александр Сердюк написал книгу об Александре Козлове, успешно работавшем в немецкой разведшколе, подчинявшейся абверкоманде-15 (с июля 1943 года стала именоваться абверкомандой-103) при группе армий «Центр» (радиопозывной «Сатурн»). Школа готовила разведчиков и радистов. В этой разведшколе, находившейся сначала в Хакыти, а затем, в начале августа 1943 года, в Борисове, Козлов «дорос» до начальника учебной части школы. Он весьма успешно внедрился в разведшколу немцев и передавал нашему командованию подробные данные о личном составе школы: ее служащих и учащихся, намеченных к заброске в тыл Красной Армии.

Был создан фильм, в основу которого положена деятельность Козлова. «Путь в Сатурн», «Сатурн почти не виден», «Конец Сатурна». Драматург Афанасий Салынский написал пьесу «Камешки на ладони», ее поставил Центральный театр Советской Армии. Козлов, оказавшись во вражеском плену, был помещен в лагерь военнопленных в городе Вязь-

ме. Через несколько дней ему офицер абвера предложил стать агентом немецкой разведки с предварительным обучением в немецкой школе. Козлов согласился, решив для себя, что в случае заброски в наш тыл непременно явится в органы НКВД с повинной. После обучения в школе абвера и после приземления Козлов добровольно явился в отдел контрразведки стрелковой дивизии. Его доставили в Москву в ГУКР СМЕРШ НКО СССР. Ему предложили в СМЕРШе вернуться на немецкую сторону со специальным заданием. Козлов согласился без колебаний. Началась игра СМЕРШа с гитлеровской спецслужбой.

Козлов был заброшенным на нашу территорию немецким агентом, и таких было немало. Но были и такие, кого советские контрразведчики посылали в тыл немцев с нашей стороны.

Техник-интендант 1-го ранга Петр Иванович Прядко служил начальником склада горюче-смазочных материалов и оказался в окружении, где находился более двух месяцев. 27 ноября 1941 года он с трудом выбрался к своим. В Особом отделе НКВД 6-й армии с «окруженцем» обстоятельно побеседовали и предложили ему вновь отправиться в тыл противника, но на этот раз со специальным заданием. Тем более что порядки на «той стороне» в определенной мере ему уже известны. Армейские контрразведчики предложили ему попытаться внедриться в абвергруппу-102 при штабе 17-й пехотной армии вермахта, которая противостояла нашей 6-й армии. Нашу контрразведку интересовали сведения о методах работы абвергруппы, ее сотрудниках и агентуре.

После необходимой подготовки и инструктажа в Особом отделе в ночь с 14 на 15 января 1942 года Прядко переправили через линию фронта с легендой дезертира-перевальщика.

Оказавшись у немцев, он был доставлен в город Славянск, на сборно-пересыльный пункт, где содержались советские военнопленные. Через некоторое время появившийся в лагере вербовщик из абвера предложил Прядко сотрудничество с немецкой разведкой. Тот согласился.

Немцы провели с Прядко недолгий инструктаж и в ночь с 25 на 26 января перебросили его на нашу территорию с разведывательным заданием абвера.

В Особом отделе НКВД 6-й армии Прядко сообщил ценные сведения об абвергруппе-102, ее официальных сотрудниках, а также о двенадцати агентах из числа бывших военнопленных, которых абвер готовил к заброске в тыл Юго-Западного фронта.

Через два с половиной месяца Прядко получил в Особом отделе новое задание: закрепить свои позиции в абвергруппе. 14 апреля Прядко вновь отправили на немецкую сторону. По возвращении к немцам он сообщил им специально подготовленную в штабе 6-й армии дезинформацию.

17 мая Прядко вновь на советской территории. На этот раз он помог нашим контрразведчикам задержать 4 немецких агентов, уже оказавшихся в расположении частей 6-й армии.

В мае-июне случилась неудача наших войск под Харьковом, если не сказать больше — катастрофа, и Прядко вновь в окружении противника. К своим выйти ему не удавалось, и он сдался в плен. Когда он назвал немцам условленный пароль, его вскоре доставили в «родную» абвергруппу-102. Прядко рассказал на допросе у начальника группы самостоятельно разработанную легенду о действиях в советском тылу. Офицеры абвера сочли ее вполне правдоподобной и похвалили своего агента за находчивость и успешное выполнение задания.

Две «удачные» ходки Прядко за линию фронта усилили его позиции в абвергруппе-102. Он для них был ценный агент. Когда Прядко третий раз появился в немецком разведоргане, то немцы ему доверили ответственную штатную должность. Ему поручили изготовление документов прикрытия, которыми абверовцы снабжали засылаемую за линию фронта свою агентуру.

При изготовлении фиктивных документов Прядко умышленно допускал мелкие неточности, которые впоследствии

давали возможность нашим контрразведчикам выявить и обезвредить вражеского агента.

Прядко, лишившись связи со своими, делал все, что мог, чтобы хоть как-то дезорганизовать работу абвергруппы. Ему тайно удалось расконспирировать дислокацию группы, и ей пришлось переехать в другой населенный пункт. Он скомпрометировал нескольких важных сотрудников, которых отстранили от ведения разведработы. Однажды ночью он даже попытался поджечь абвергруппу. Но неудачно...

Осенью 1943 года Прядко покинул расположение абвергруппы, дождался в поле, в зарослях кукурузы, прихода своих, после чего и явился в отдел контрразведки СМЕРШ.

Работа Прядко в тылу врага впечатляет. СМЕРШ получил от него подробные установочные данные на 101 немецкого агента, из них на 33 имелись фотографии. Собрал характеризующие данные на 24 официальных сотрудника абвергруппы-102. Прядко сообщил СМЕРШу подробные сведения о формах и методах работы абвергруппы-102. Сообщил о способах изготовления документов прикрытия для агентуры, а также дал СМЕРШу ряд ценных разведданных о противнике.

После освобождения от немецких захватчиков Полтавы управление контрразведки СМЕРШ 2-го Украинского фронта на основании информации Прядко арестовало семь агентов и одного содержателя конспиративной квартиры абвергруппы-102, оставленных немцами для проведения разведывательной работы.

Об успешном выполнении Прядко заданий нашей контрразведки в тылу врага, в его разведоргане начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР В.С. Абакумов докладывал лично И.В. Сталину. За проявленные мужество и героизм в тылу противника Петр Иванович Прядко был награжден орденом Красного Знамени.

Дальше СМЕРШ не стал рисковать жизнью Прядко, и он вернулся на свою должность начальника склада ГСМ. День Победы Прядко встретил в Польше, в городе Щецине.

До 1960 года майор Прядко служил в армии, а после увольнения работал на предприятиях Ростова-на-Дону.

В июне 1996 года приказом директора ФСБ России 82-летнему ветерану Петру Ивановичу Прядко присвоено звание «Почетный сотрудник» контрразведки и вручен нагрудный знак, обладателями которого являются самые достойные из профессионалов отечественной спецслужбы. К сожалению, сегодня Прядко уже нет среди нас...

Из тех, кто был переброшен в расположение войск противника для подставы немецкой разведке и внедрения в ее школу, можно назвать красноармейца 444-го стрелкового полка Алексея Семеновича Соболева. Он дал согласие на выполнение задания в качестве зафронтового агента Особого отдела НКВД 20-й армии Западного фронта. В июне 1942 года его перебросили за линию фронта для подставы немцам.

После перехода линии фронта немцы задержали Соболева и поместили его в лагерь военнопленных в Вязьме. Он, умело использовав подготовленную чекистами легенду, заинтересовал немцев, и они зачислили его в подразделение РОА, а затем и в агентуру абвера.

Находясь в Смоленской школе абвера, Соболев склонил для работы на советскую контрразведку 12 курсантов. Он убедил их явиться с повинной после их переброски на советскую территорию. Через одного курсанта он переслал чекистам письменный отчет о проделанной работе. Соболев привлек к сотрудничеству работавшего в школе агента абвера, бывшего начальника штаба батальона РККА Петра Марковича Голокоза. Он поручил ему проводить работу по разложению обучавшихся в школе диверсантов.

В конце января 1943 года Соболев связался с партизанами и был переправлен в Особый отдел НКВД Калининского фронта. Там сообщил ценные сведения о Смоленской школе абвера, ее официальных сотрудниках и агентуре.

Петр Голокоз еще некоторое время проработал в Смоленской школе в интересах нашей военной контрразведки. Ему удалось тайно вооружить 28 жителей деревни Шабаново

и ряда других деревень около Смоленска для партизанской борьбы с захватчиками. В июле 1943 года Голокоз привел в расположение партизанской бригады в Белоруссии немецкий карательный отряд в 84 человека. Партизаны окружили и взяли в плен карателей. После этого Голокоза переправили через линию фронта в распоряжение СМЕРШа.

Алексей Соболев и Петр Голокоз привлекли для работы против немцев 29 курсантов Смоленской школы абвера. Они явились с повинной в органы советской контрразведки и сообщили ценные сведения.

Соболев и Голокоз подготовили 21-го военнопленного для перехода на сторону партизан. В каждую группу, отправлявшуюся на советскую сторону с диверсионным заданием, агенты советской контрразведки внедряли своих людей с задачей помешать совершению актов, вредных для нашей армии.

После возвращения Соболева и Голокоза из-за линии фронта об их успешной работе доложили лично Сталину. Алексей Соболев и Петр Голокоз были награждены орденом Красного Знамени.

В феврале 1944 года Алексей Семенович Соболев в составе оперативно-чекистской группы ГУКР СМЕРШ вновь был переброшен в тыл врага. 8 мая при возвращении с задания Соболев попал в засаду и, уходя от преследования, подорвался на mine и погиб. Что делать, была война...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Что такое «Березино»

«Агентурное дело «Березино» заведено в сентябре 1944 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии о наличии якобы крупных соединений немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Для поддержания морального и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу германское командование

систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы...

Агентурное дело «Березино» состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу».

* * *

Из архива Службы внешней разведки Российской Федерации по агентурному делу № 4/544 «Березино» от 08.03.1947 года.

В операции «Березино» участвовало 32 оперативных сотрудника НКГБ СССР и 255 военнослужащих войск НКВД СССР. В этой операции сыграл свою роль разведчик — спецгент нашей спецслужбы Александр Демьянов, носивший агентурный псевдоним Гейне¹.

Два разведчика

Заметный след в истории советской разведки оставили Герой Советского Союза Николай Кузнецов и Александр Демьянов. Это были два наиболее результативных спец-агента НКВД — НКГБ в годы Великой Отечественной войны — А. Демьянов (Гейне) и Н. Кузнецов (Колонист, Пух). Оба уже имели за плечами большой опыт агентурной работы. Началась война, и понадобилось перенацелить их на активную боевую «разработку» немецких спецслужб, выпестовать из них нелегалов-боевиков. Демьянов и Кузнецов в силу своих биографических данных и по своим способностям могли быть эффективно использованы в разных ролях.

Кузнецов нелегалу-боевику, действовавшему в тылу врага, соответствовал больше, чем Демьянов. Правда, он никогда не находился за границей и потому не мог быть подставлен противнику в качестве офицера немецкой армии на условиях длительного пребывания или прохождения службы в его разведорганах, поскольку сразу же любая провер-

---

¹ См: «Граница России», 2004 № 33.

ка, если бы он зачислялся на постоянную должность в штаб немецких спецслужб или комендантских подразделений, предполагала его провал. Он больше подходил для того, чтобы эпизодически появляться в форме немецкого офицера в тыловых учреждениях вермахта, в местах дислокации временного оккупационного персонала, где немецким контрразведывательным органам нет необходимости проводить спецпроверку на временно прикомандированного офицера, если он не допущен к секретным работам и документам. Демьянов был безусловным авторитетом в эмиграции и проходил по учетам немецких спецслужб под своим реальным именем, так как происходил из известного в стране и за границей рода казачьего атамана Головатова. Демьянову в его деятельности помогала жена Татьяна Борисовна Березанцева (агентурный псевдоним — Борисова).

Начало «Березино»

Назрела необходимость расширить операцию «Монастырь»¹, используя ее в стратегических целях, влияющих на размещение на фронте сил с обеих сторон.

Намечалось дезинформировать немецкое командование, создав впечатление, что германские войска, окруженные частями Красной Армии в Белоруссии, способны нарушить советские коммуникации и линии снабжения.

Наш замысел состоял в том, чтобы, обманув немцев, заставить их направить основные свои ресурсы на поддержку окруженных войск и на попытку их прорыва.

Новая операция выходила за рамки проводившихся до сих пор информационных мероприятий, поэтому традиционные формы дезинформации не годились. Следовало выяснить действительное положение немецких войск в Белоруссии. Установив, что окруженные немецкие части и группы выходили из леса на Минское шоссе и другие дороги, складывали оружие и ожидали появления Красной Армии,

---

¹ «Монастырь» — операция, вошедшая в учебники.

чтобы сдать в плен, радиоигру с германским командованием решили продолжать.

18 августа 1944 года через московскую радиостанцию легендарной церковно-монархической организации «Престол» Демьянов-Гейне (теперь он выходил в эфир под своим именем Александр) сообщил, что случайно вышел на контакт с попавшей в окружение в Белоруссии воинской частью. Противнику было сообщено, что в районе реки Березины в Белоруссии скрывается крупная немецкая воинская часть численностью до 2500 человек, потерявших связь с командованием, нуждающихся в продовольствии, медикаментах и боеприпасах. Также было сообщено, что продвижение немецкой части затруднено из-за множества раненых. Так продолжилась радиоигра «Монастырь», началась операция «Березино».

Действующие лица

Операция «Березино» проводилась под руководством начальника 4-го Управления НКГБ СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Павла Анатольевича Судоплатова. Возглавлять комплекс операций «Березино», включая координацию работы с белорусскими чекистами, было поручено заместителю П.А. Судоплатова комиссару госбезопасности 3-го ранга Науму Исааковичу Эйтингону. Он еще в 1921 году поступил на работу в ВЧК по личной рекомендации Ф.Э. Дзержинского. В 30-е годы Эйтингон по указанию Сталина руководил операцией по ликвидации Льва Троцкого (Бронштейна).

В операции были задействованы: начальник 3-го отдела 4-го управления НКГБ Михаил Борисович Маклярский (впоследствии соавтор киносценария фильма «Подвиг разведчика»), специалист высочайшего класса Вильям Генрихович Фишер — Рудольф Абель. Он руководил радиоигрой, был старшим радиогруппы. Участниками операций были чекисты: Георгий Иванович Мордвинов, который в двад-

цатые годы был начальником 54-го Нерчинско-Заводского пограничного отряда ОГПУ, Игорь Александрович Щорс, родственник Героя Гражданской войны Николая Щорса, и Михаил Леонов. Были привлечены немцы, обмундированные в форму германской армии: Дост Вилли — агент «Георг», ефрейтор, Циклер Клаус — агент «Вальтер», капитан, Мюллер Вальтер — агент «Жак», лейтенант. Эти немцы были завербованы нашей спецслужбой и характеризовались положительно.

Для «окруженной» немецкой воинской части требовался ее командир. Чекисты решили найти такого. Где? Среди немецких военнопленных.

В центральный лагерь военнопленных 27/1 в городе Красногорске под Москвой командировали двух чекистов — Игоря Щорса и Михаила Леонова. Заранее было оговорено, что вести беседу надо только с теми пленными, которые, по данным лагерной администрации, не принимали непосредственного участия в расстреле советских людей на оккупированной немцами территории. Через Щорса и Леонова прошло немало военнопленных, и наконец они остановились на пленном — подполковнике Генрихе Шерхорне, 1897 года рождения, уроженце города Аппелерен. Жил он в Шаумбурге по Вессераллее. Здесь проживала его семья.

Он был кадровый офицер, по профессии администратор коммунального хозяйства, командовал 36-м полком 286-й дивизии тыловой охраны. Взят в плен 9 июля 1944 года в районе Минска. Член НСДАП с 1933 года. Шерхорн настроен был пессимистично, не выказывал приверженности Гитлеру. Он был завербован органами государственной безопасности. Генриху Шерхорну присвоили псевдоним Шубин. Шерхорна привезли в Москву, заключили в отдельную камеру внутренней тюрьмы на Лубянке. Его закрепили за Щорсом. С Шерхорном несколько раз встречался Павел Судоплатов. После тщательно проведенной работы Судоплатов утвердил кандидатуру Генриха Шерхорна на роль «командира части» для операции «Березино».

«Часть Шерхорна» действует

По плану операции «Березино» Шерхорна как командира немецкой «части» забросили в Белоруссию. А в ночь с 15 на 16 сентября 1944 года по указанным координатам «части» приземлились три радиста. Их привели к Шерхорну. Старший группы радистов Курт Киберт рассказал, что за несколько дней до его выброски было доложено Гитлеру и Герингу о части Шерхорна, находящейся в лесах Белоруссии. Они велели передать Шерхорну, что приложат все усилия для спасения этого соединения.

Киберт сообщил, что немецкое командование решило послать к Шерхорну врача и офицера авиационной части, который должен будет подготовить площадку для посадки самолета «Арадо-332». Это транспортный десантный моноплан, специально сконструированный для абвера по заданию РСХА. Самолет имел высокий воздушный потолок и небольшой разбег, который достигался благодаря вездеходному шасси, смонтированному из 20 гуттаперчевых колес. (На таком самолете в сентябре 1944 года были доставлены на нашу территорию агенты немецкой разведки — службы «Цеппелин» Таврин и Шилова для совершения террористического акта против И.В. Сталина.)

Эти самолеты должны были доставить в «часть Шерхорна» вооружение, боеприпасы, обмундирование и продовольствие, а обратно вывозить в Германию раненых.

Таким образом, германское командование намеревалось оказать поддержку героической части, чтобы она, снабженная всем необходимым, смогла бы беспрепятственно продвигаться на запад для соединения с немецкой армией. От своего командования каждый немецкий радист получил задание — на следующий день после приземления подтвердить по радию с условным использованием кодов существование немецкой войсковой части Шерхорна и свое нахождение именно в этой части.

Чекистам довольно быстро удалось завербовать радиста Киберта и его помощника, и их подключили к радиоигре с

немецким командованием. Третий радист не согласился на вербовку — были и такие. Поэтому о нем сообщили, что он пострадал при приземлении и находится без сознания. Немцы ожидали условного сигнала от всех радистов, и, если одна из раций молчала, это означало провал.

Получив подтверждение о действительно существующей в лесах Белоруссии части Шерхорна, немцы стали готовиться к заброске людей и транспортировке грузов.

27 октября 1944 года в распоряжение части Шерхорна приземлились еще два парашютиста — врач Ешке и унтер-офицер авиации Гарри Вильд. Они передали Шерхорну письма от командующего группой армий «Центр» генерал-полковника Рейхарда и от начальника абверкоманды-103 фон Барренфельда, известного под псевдонимом Рудольф. От имени немецкого командования выражались «восхищение и полная признательность по поводу храброй стойкости...».

Вильд и Ешке сообщили, что Геринг отдал распоряжение послать Шерхорну четыре транспортных самолета «Арадо» для доставки грузов и вывоза раненых. Немцы своим агентам доверяли, но проверяли их. Они должны были условными фразами сообщить командованию о благополучном прибытии.

Вильде чекисты перевербовали, а Ешке категорически не хотел идти на сотрудничество. Перевербовать его не удалось. Да, были такие.

Вильде сообщил своему начальству условной фразой о благополучном прибытии и что Ешке разбился при приземлении. На самом деле Ешке убил охранявшего его часового саперной лопаткой. Сам же застрелился из автомата часового.

Германское командование настойчиво требовало от Шерхорна подготовить площадку для посадки транспортных самолетов для эвакуации раненых.

Это поставило чекистов в трудное положение, так как приходилось уберегать радиоигру от провала. Чекисты всячески выкручивались. Немцам сообщили, что принять

транспортные самолеты не могут, так как «часть Шерхорна» подвергается непрекращающемуся преследованию, часто меняет места дислокации...

Эйтингон, Маклярский и Мордвинов готовили все дезинформационные материалы, которые затем передавались немцам как сообщения о «диверсиях» в тылу Красной Армии.

* * *

Из сообщения НКГБ СССР в Государственный Комитет Оборона СССР от 30 апреля 1945 года.

«С сентября 1944 года немцами совершено на территорию легендируемой части 67 самолетовылетов и сброшено 25 германских разведчиков (все арестованы); 13 радиостанций, из которых 7 включены в игру с немцами; 644 места различного груза, в том числе 615 комплектов зимнего обмундирования; 20 пулеметов «МГ-42», 100 винтовок и автоматов, 35 пистолетов, 2000 гранат, 142 000 патронов, более 2,5 тонны различных мясoproдуктов, 370 кг шоколада, 4 т хлеба, 400 кг сахара, 100 бутылок вина и прочее. Кроме того, было прислано 2 258 330 рублей».

* * *

Немцы согласились, что посадка самолетов в лесах Белоруссии чревата нежелательными последствиями и может быть причиной обнаружения Красной Армией «части Шерхорна». И они продолжали сбрасывать Шерхорну продовольствие и обмундирование для поддержки «окруженной части». Было бы наивно полагать, что абвер стопроцентно доверялся сообщениям из «части Шерхорна». Конечно, нет... Чего-чего, а простофиль в немецкой разведке не было. Абвер регулярно посылал в район дислокации «части Шерхорна» свою агентуру, не сообщая об этом Шерхорну. В основном это были солдаты и офицеры диверсионно-разведывательной части — дивизии «Бранденбург». Абверовцы сбросили в расположение части восемь агентов с целью

прощупать «командира» и его часть. Все восемь агентов были выявлены и арестованы. Самое главное то, что они не успели передать в эфир ни одной радиogramмы, кроме тех, что передавались под контролем чекистов. Судя по ответным телеграммам, немецкая разведка удовлетворилась полученной информацией и окончательно поверила созданной под руководством Судоплатова в 4-м Управлении НКГБ легенде.

Да, немецкая разведка с особой тщательностью перепроверяла факты, придирчиво анализировала их. Поэтому чекисты, участники операции «Березино», не могли ни на минуту расслабиться.

Отовсюду следовало ждать подвоха, хитроумных ловушек. Предпринял попытку «воздушной разведки» начальник абверкоманды-103 Рудольф фон Баренфельд (Рудольф). С 1942 по 1945 год в этой абверкоманде «Сатурн» работал советский контрразведчик А.И. Козлов. Ему удалось передать в Москву информацию о 127 агентах, подготовленных в Борисовской разведшколе абвера. Самолет, в котором был Баренфельд, обстреляли наши зенитки, он при посадке загорелся, и абверовец погиб. (Якобы, выпрыгивая из самолета, попал под его винты.) Чекистам повезло. Против них действовали заматерелые зубры — опытные немецкие разведчики. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Несмотря на профессионализм и опыт немецких разведчиков и контрразведчиков, чекисты их переиграли.

Конец «Березино»

«Часть Шерхорна», разделившись на несколько групп, делала вид, что с местными боями пробивается к линии фронта. К началу марта 1945 года разведцентру поступило сообщение, что «часть Шерхорна» пробилась к границам Литвы и затребовала от абвера разведчиков-проводников из поляков. Их требование выполнили...

Чекисты явно выигрывали, всякий раз одерживая верх, ибо действовали высокопрофессионально, качественно, мастерски легендировали каждый свой шаг. И поэтому до самого конца войны немецкое командование нисколько не сомневалось в действительности существования «части Шерхорна».

28 марта 1945 года на имя командира части была получена радиограмма за подписью начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гудериана о том, что подполковник Шерхорн и его «соратники» по приказу Гитлера получили повышение в чине и награждены Железными крестами.

Еще в декабре перед Рождеством Демьянов-Гейне принял от немцев радиограмму, в которой сообщалось, что Гитлер произвел Шерхорна в полковники, а его наградил «Железным крестом с мечами» за храбрость.

Демьянов долго находился в Белоруссии, оттуда из Березино держал связь с немцами. Весна 45-го... Красная Армия стремительно продвигалась на запад, и «часть Шерхорна» никак не могла «догнать» все время отодвигающуюся линию фронта.

1 мая немцы сообщили Шерхорну, что Гитлер погиб...

А 5 мая 1945 года в адрес части полковника Шерхорна поступила последняя радиограмма. Это был конец радиогри. Итак, конец — делу венец! Чекисты лишь облегченно вздохнули... Впереди их ждали новые неординарные, сложные, многотрудные и боевые задания. Для них война еще долго продолжалась, ведь надо было выкорчевать затаившуюся, легшую на «дно» вражескую агентуру гитлеровских пособников¹.

Сотрудники 4-го Управления НКГБ СССР, принимавшие участие в операции «Березино», вернулись из Белоруссии в Москву. Все участники операции были награждены орденами и медалями.

---

¹ См: «Неотвратимое возмездие» // «Граница России», 2003, № 46.

В начале 50-х годов Генрих Шерхорн и его группа из числа немецких военнопленных были освобождены и уехали в ГДР, где жили и работали.

Александр Петрович Демьянов жил в Москве и, как до войны, вращался в артистических кругах. Не забывал своего увлечения лошадьми. После войны была попытка задействовать его в одной операции внешней разведки, для этого вместе с женой они выехали в Париж, но местные эмигранты не заинтересовались гостем из Москвы. Супруги вернулись домой.

Умер Александр Демьянов в октябре 1975 года от внезапного разрыва сердца во время прогулки по Москве-реке на моторной лодке. На немецком кладбище в Москве в общей могильной ограде похоронены Александр Петрович Демьянов, его жена Татьяна Борисовна Березанцева, ее отец Борис Александрович Березанцев. Татьяна Борисовна пережила мужа на 20 лет.

Имя Александра Демьянова — активного участника операции «Березино» и особенно операции «Монастырь» — занимает заметное место в деятельности чекистов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Почему начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР поссорился с генералом Павлом Судоплатовым

Классические операции — радиоигры «Монастырь» и «Березино» — сыграли свою роль и во взаимоотношениях отечественных спецслужб. Точнее, между их руководителями: В.С. Абакумовым и П.А. Судоплатовым, о чем подробно рассказывает автор в книге «СМЕРШ без грифа «Секретно».

4 апреля 1944 года в Кремле проходило очередное заседание Государственного Комитета Оборона. На этот раз на него были приглашены только военные. За длинным

столом кабинета Сталина сидели нарком государственной безопасности Всеволод Николаевич Меркулов, начальник ГУКР СМЕРШ Виктор Семенович Абакумов, начальник ГРУ Генштаба Красной Армии Федор Федорович Кузнецов и начальник Четвертого управления НКВД Павел Анатольевич Судоплатов.

Раскурив трубку и медленно прохаживаясь по ковровой дорожке, Сталин подумал о том, что нужно продолжить операцию «Монастырь», и это может ввести в заблуждение немцев, тем самым оказав существенную помощь Красной Армии.

— У кого какие соображения о дальнейшем использовании операции «Монастырь»? — спросил Сталин у присутствующих.

— Может, через нее, используя имеющийся канал через Гейне-Макса, подкинуть немцам дезинформацию о якобы планирующейся наступательной операции на Украине, а не в Белоруссии? — предложил Кузнецов.

Но генерал Павел Судоплатов, ответственный за операцию «Монастырь» и всего за месяц до этого совещания получивший за ее проведение орден Суворова 2-й степени, промолчал, а Абакумов высказался:

— Товарищ Сталин, эта операция теснее связана с Генеральным штабом, чем с НКВД.

На этом заседании пришли к тому, что назрела необходимость расширить операцию «Монастырь», чтобы использовать ее в стратегических целях, влияющих на размещение на фронте сил с обеих сторон. Замысел Сталина состоял в том, чтобы дезинформировать германское командование, создав у него впечатление, что немецкие войска, окруженные Красной Армией в Белоруссии, способны нарушить советские коммуникации и линии снабжения. Следовало обмануть немцев, заставить их направить свои ресурсы на поддержку окруженных войск и на попытки их прорыва.

Немцам было сообщено, что Гейне-Макс случайно вышел на контакт с попавшей в окружение немецкой войсковой частью, что «окруженцы» испытывают нужду в продо-

вольствию, оружию и боеприпасах и у них много раненых. Гейне вышел в эфир под своим именем — Александр. Радиоигра с немцами началась. Назвали ее «Березино».

Для поддержания морального и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу командование германских войск систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы...

Это была блестяще легендированная операция. Впоследствии она, как и «Монастырь», вошла в специальные учебники. В архиве Службы внешней разведки Российской Федерации хранится агентурное дело 4/544 «Березино». Это агентурное дело было заведено в сентябре 1944 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и Верховным командованием германской армии о наличии якобы крупного соединения немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Агентурное дело «Березино» состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу. Всего в операции «Березино» участвовали 32 оперативных сотрудника НКГБ СССР и 255 военнослужащих войск НКВД СССР.

Со времен легендированной организации «Трест» в двадцатые годы прошлого века прошло много времени, но и в Великую Отечественную войну успешно применялись такие игры.

А вот как о том времени и событиях вспоминает Павел Анатольевич Судоплатов:

«Следует отметить, что операция «Монастырь» с участием «Гейне-Макса» была задумана как чисто контрразведывательная. Действительно, когда он вернулся в Москву в 1942 году в качестве резидента немецкой разведки, мы с его помощью захватили более 50 агентов противника. Однако позже операция приняла характер дезинформационной радиоигры.

...Потом начались бюрократические интриги между военной контрразведкой СМЕРШ, НКВД и руководством военной разведки. Возглавлявший СМЕРШ Абакумов не ожи-

данно явился ко мне в кабинет и заявил, что по указанию Советского Верховного Главнокомандующего мне надлежит передать ему все руководство по радиоиграм: этим должна заниматься военная контрразведка, которая находится в ведении Наркомата обороны, а не НКВД. Я согласился, но при условии, если будет приказ вышестоящего начальства. Через день такой приказ появился. За нами остались две радиоигры: «Монастырь» и «Послушники» (еще одна радиоигра по дезинформации немцев). Абакумов остался крайне недоволен, поскольку знал, что результаты этих радиоигр докладываются непосредственно Сталину...

...После того как Абакумову не удалось подчинить себе радиоигры «Монастырь» и «Послушники», он угрожающе предостерег меня:

— Учтите, я этого не забуду. Я принял решение в будущем не иметь с вами никаких дел!»

Да, радиоигры «Монастырь» и «Березино» были известны Сталину. По ним шли ему доклады. И отдать их СМЕРШу? Начатые и продолжавшиеся Павлом Судоплатовым, Наумом Эйтингоном и Михаилом Макляровским... Ими выстрадавшие... Нет, такое было выше сил Павла Судоплатова. За эти операции он и Эйтингон были награждены орденом Суворова 2-й степени. Однако справиться с начальником СМЕРШа Абакумовым было Судоплатову, как говорится, не с руки, да и поддаваться генералу-красавцу Павлу Судоплатов не собирался.

В свою очередь, Абакумов рассуждал так: «Все радиоигры проводит СМЕРШ, и чего ради у Судоплатова «Монастырь» и «Березино»? Первая — безусловно контрразведывательная операция, а не НКВД. Пусть они занимаются своим делом. А у нас свои... Тем более что эти операции были в поле зрения вождя, Сталин о них знал, интересовался ими. Ловкий Судоплатов их отдать не хочет, противится... Мне с ним не сладить. Его знает Иосиф Виссарионович, Судоплатов лично ликвидировал вождя украинских националистов Евгена Коновальца, организовал ликвидацию Троцкого... Удачливый, хитрый... Что же, я ему этого

не забуду. Своих защищать умеет. Сколько в начале войны дружков вытащил из тюрьмы. Один Яков Серебрянский чего стоит... — чувство неприязни к Судоплатову распира-ло Виктора Абакумова. — С такими, как Судоплатов, каши не сварить... Шпион и террорист не может быть порядоч-ным человеком».

У Абакумова было свое отношение к Судоплатову. Нужно смотреть на то время не сегодняшними глазами. Пове-дение людей в предвоенные годы тяжело понять... В стране истерия — кругом враги. Об этом народу сообщают газеты и радио. Под каток репрессий попали сотни, тысячи чеки-стов. В начале ноября 1938 года был арестован начальник Иностранного отдела Залман Пассов и его заместитель Шпигельглаз. «Матерые враги народа», — выразился по этому поводу их коллега Гессельберг. Залман Пассов был расстрелян. Реабилитирован не был. Учли его «зверства» на допросах арестованных. Обратили внимание на свя-зи Павла Анатольевича Судоплатова с «разоблаченными врагами народа». Над ним нависла серьезная угроза. На заседании партбюро 5-го отдела ГУГБ НКВД (внешняя разведка) Судоплатова обвинили в связях с врагами наро-да — В. Горожанином, троцкистом, и другими. Обвиняли в использовании Судоплатовым служебного положения для получения из-за границы вещей для себя и своей жены под видом оперативных надобностей. «Получил вещи из-за гра-ницы, используя методы врага Ягоды и других, по существу, занимался контрабандой», — говорил на этом собрании один из обвинителей.

Судоплатов чувствовал себя очень неуютно и ждал аре-ста. Много лет спустя он вспоминал: «...но я все-таки наде-ялся, что, поскольку лично был известен руководству НКВД как преданный делу работник, мой арест не будет санкци-онирован». Тогда все обошлось, и он остался на свободе. В марте 1939 года Судоплатов был вызван к Сталину, и по-следний поставил задачу первому в течение года ликвидировать Троцкого. План агентурно-оперативных мероприя-

тий по делу «Утка» (так было названо дело по ликвидации Троцкого) был доложен Сталину в начале августа 1939 года.

20 августа 1940 года Рамон Меркадер нанес Троцкому смертельный удар ледорубом по голове. Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью М.И. Калинина и А.Ф. Горкина была награждена орденом Ленина Меркадер Каридад Рамоновна, а Судоплатов Павел Анатольевич — орденом Красного Знамени. Каридад Меркадер — мать Рамона Меркадера. Последнему 31 июня 1960 года закрытым Указом Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

Началась Великая Отечественная война. 26 июля 1941 года Берия подписал приказ о формировании войск Особой группы при НКВД СССР. Начальником Особой группы был назначен Павел Судоплатов. В новую структуру он набирал людей по своему усмотрению. Много лет спустя он вспоминал: «В начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах. Я и Эйтингон предлагали, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. Вышли на Берию. Циничность Берии и простота в решении людских судеб ярко проявились в его реакции на наше предложение. Его совершенно не интересовало, виновны или нет те, кого мы рекомендовали для работы.

— Вы уверены, что они нам нужны?

— Совершенно уверен, — ответил я.

— Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть освободит. И немедленно их используйте...»

Так одним из начальников ведущего направления по борьбе с гитлеровскими войсками стал Яков Серебрянский. Это раздражало Абакумова. В свое время он вел его дело.

Современному читателю фамилия Серебрянского мало о чем говорит. До недавнего времени о нем знали лишь немногие исследователи, по тем или иным причинам знакомые с самыми секретными операциями советской разведки. В.Р. Менжинский назначил Серебрянского начальником только что созданной Особой группы при председателе

ОГПУ, известной как «группа Яши». Под этим названием действовало независимое от иностранного отдела разведывательное подразделение, задачей которого являлось глубокое внедрение агентуры на объекты военно-стратегического характера в США, Западной Европе и Японии, а также проведение диверсионных и террористических операций на случай войны.

«Группа «Яши», как неофициально называли Особую группу, не только имела отдельно от ИНО агентурную сеть за границей, но и выполняла ответственные поручения руководства страны. О ней мало знали даже в ИНО.

30 марта 1930 года за удачно проведенную операцию Серебрянский был награжден орденом Красного Знамени.

Сразу же после операции Серебрянский по указанию Ягоды и Артузова начинает создавать самостоятельную агентурную сеть в различных странах для организации террора и диверсий на случай войны. Будучи удачливым разведчиком, завербовал свыше 200 человек.

В 1931 году Серебрянского арестовали в Румынии, но вскоре он был освобожден и продолжил свою деятельность. В 1935 году получил звание старшего майора госбезопасности. 13 июля 1934 года был утвержден руководителем спецгруппы особого назначения (СГОН) при НКВД СССР.

Серебрянский бывал в командировках в Китае и Японии. За операции в период национально-освободительной войны в Испании награжден орденом Ленина.

В 1938 году над его головой стали собираться тучи. 13 июля 1938 года из Парижа исчез резидент ИНО в Испании майор госбезопасности Александр Михайлович Орлов — Лейба Лазаревич Фельдбин. Неожиданно вызванный в Москву, он посчитал, что его в столице ожидает расстрел, и вместе с семьей бежал в США, прихватив 60 тысяч долларов (по тем временам очень солидная сумма). Бегство Орлова бросило тень на руководящие кадры разведки, в том числе и на Серебрянского. Осенью 1938 года он был отозван из Франции и 10 ноября вместе с женой Полиной Натановной (умерла в 1993 году) арестован в Москве у тра-

па самолета. Ордер на их арест подписал новый начальник ГУГБ НКВД Лаврентий Берия.

7 июля 1941 года Военная коллегия Верховного Суда приговорила Серебрянского к расстрелу с конфискацией имущества, а его жену — к 10 годам лагерей за недоносительство о враждебной деятельности.

К арестам Серебрянскому было не привыкать — дважды, в декабре 1921 года и в марте 1923 года, он был арестован своими же сослуживцами.

Приговор от 7 июля 1941 года, вынесенный Серебрянскому, не был приведен в исполнение. Шла Великая Отечественная война, и разведке катастрофически не хватало опытных сотрудников. Поэтому в декабре 1941 года по ходатайству начальника 4-го управления НКГБ Павла Анатольевича Судоплатова Серебрянский был освобожден и назначен начальником отделения, в задачу которого входила вербовка агентуры для глубокого оседания в странах Западной Европы и в США. В этой должности Серебрянский прошел всю войну, лично участвуя во многих разведывательных операциях. В 1945 году ему было присвоено звание полковника.

В августе 1946 года Серебрянский в звании полковника госбезопасности вышел на пенсию по выслуге лет... После смерти Сталина он по просьбе Судоплатова в апреле 1953 года вновь вернулся в разведку и в мае того же года был назначен помощником начальника 9-го (диверсионного) отдела в создаваемом Берией МВД. Это назначение сыграло роковую роль в его судьбе: в августе 1953 года его вместе с женой вновь арестовали. В 1955 году жену Серебрянского освободили, но сам он оставался в тюрьме, хотя и перенес несколько инфарктов. В конце марта 1956 года на допросе у следователя военной прокуратуры генерал-майора П. Цареградского он неожиданно умер от сердечного приступа. Его жена долгие годы добивалась реабилитации мужа. Но его реабилитировали только в мае 1971 года. В апреле 1996 года Указом Президента Российской Феде-

рации был восстановлен в правах на изъятые при аресте государственные награды.

На первом листе протокола допроса Серебрянского от 12 ноября 1938 года имеется резолюция Берии: «Тов. Абакумову! Крепко допросить!»

После своего назначения министром госбезопасности Абакумов обвинил Судоплатова в том, что тот «возвратил своих дружков из тюрьмы в 1941 году и помог им избежать заслуженного наказания». Это обстоятельство не способствовало нормальным отношениям между Судоплатовым и Абакумовым.

Оба высокопоставленных чекиста оставили заметный след в истории отечественных спецслужб. Выдающийся контрразведчик Виктор Семенович Абакумов и знаменитый разведчик Павел Анатольевич Судоплатов. Разведчик и контрразведчик, но у них разный менталитет.

В 1946 году приказом Министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова на генерал-лейтенанта Павла Судоплатова была возложена организация службы «ДР» (диверсии и террор), в задачу которой входила организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны против врагов партии и Советского государства.

В 1946 и 1947 годах службой Судоплатова были проведены четыре спецоперации. В Закарпатье был ликвидирован Ромжа — глава украинской греко-католической церкви. В Ульяновске был убит польский гражданин Самет, который работал на секретных военных заводах и намеревался уехать из Советского Союза. В Москве в спецлаборатории профессором Г.М. Майрановским был умерщвлен осужденный американский гражданин Исаак Оггинс. Он был давним агентом Коминтерна и НКВД. Зимой 1939 года его арестовали из-за подозрений в двойной игре. Оггинс виновным себя не признал, но Особое совещание при НКВД СССР приговорило его к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. В Саратове был убит украинский националист Шумский.

Устранение указанных лиц проводилось по указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря Украины Хрущева, Сталина и Молотова. Эти ликвидации совершались при помощи ядов, изготовленных в спецлаборатории 4-го спецотдела НКВД — МГБ, который занимался изысканиями и изобретениями военной техники. В этом отделе были токсикологическая и бактериологическая лаборатории, в которых исследовали различные яды. Токсикологическим отделением руководил профессор, доктор медицинских наук Г.М. Майрановский. Он выполнял роль палача.

Следует отметить, что в СМЕРШе ядами не занимались и тем более людей не травили.

В 1946 году по указанию В.С. Абакумова токсикологическое отделение было расформировано. В декабре 1951 года Майрановского арестовали. Умер он в Махачкале в 1967 году.

Рассказываем о Судоплатове и Абакумове, чтобы полнее и ярче показать личность начальника ГУКР СМЕРШ, после окончания Великой Отечественной войны ставшего министром госбезопасности... Второй не мог терпеть первого, но все же терпел... Слишком уж известной личностью был Павел Судоплатов.

В 1949 году руководитель МГБ СССР В.С. Абакумов неоднократно предлагал ликвидировать службу «ДР». Решение вопроса затянулось. Только осенью 1950 года началась реорганизация службы.

На основе спецпостановления Политбюро ЦК ВКП(б) приказом МГБ СССР № 00532 от 28 сентября 1950 года было создано Бюро № 1, начальником которого стал Судоплатов. Приказом МГБ № 00533 от 28 сентября 1950 года — Бюро № 2, которое возглавил В.А. Дроздов. Обе эти структуры действовали на правах управлений и подчинялись непосредственно министру. На Бюро № 1 П.А. Судоплатова возлагались функции, аналогичные тем же, что и на службу «ДР».

Бюро № 1 занималось планированием оперативных мероприятий за рубежом и выполняло по заданию руководства

страны устранения неугодных лиц. Дальнейшая судьба Павла Судоплатова уже совершенно не зависела от Виктора Абакумова. Легендарный контрразведчик, начальник прославленного СМЕРШа в то время находился под стражей. После смерти Сталина МГБ и МВД были объединены под единым руководством Л. Берии. П. Судоплатов получил назначение на должность начальника нового 9-го отдела МВД с подчинением непосредственно министру. Так на базе Бюро № 1 был создан самостоятельный отдел, который должен был иметь в своем подчинении бригаду войск особого назначения для проведения диверсионных операций за рубежом. Судоплатов — начальник нового отдела — фактически стал заместителем начальника Главного разведывательного управления госбезопасности. Он получил возможность мобилизовывать все силы и средства разведки на случай чрезвычайных ситуаций.

26 июня 1953 года был арестован Лаврентий Берия, и для Павла Судоплатова начались не лучшие дни... Был арестован ряд лиц, работавших с Берией: братья Кобуловы — Богдан и Амаяк, Павел Мешик и другие...

Павел Судоплатов в течение нескольких лет работал под руководством Лаврентия Берии. На состоявшемся партийном активе руководящего состава МВД СССР заместитель министра по кадрам Б.Л. Обручников обрушился на Судоплатова, Эйтингона и Райхмана, назвав их лицами, не заслуживающими доверия.

21 августа 1953 года Павел Судоплатов был арестован в собственном кабинете в «доме два» на площади Дзержинского.

В приговоре, вынесенном коллегией Верховного Суда Союза ССР, Павлу Судоплатову вменялось, среди прочего, и такое деяние: «Установлено, что Берия и его сообщники совершили тяжкие преступления против человечества, испытывая смертоносные, мучительные яды на живых людях. Специальная лаборатория, созданная для производства опытов по проверке действия на живом человеке, работала

под наблюдением Судоплатова и его заместителя Эйтингона с 1942 по 1946 год...»

Павел Судоплатов был приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет.

Из документа отдела административных органов ЦК КПСС:

«На следствии и в самом письме (одно из прошений о пересмотре дела. — *Прим. авт.*) Судоплатов не отрицает, что он участвовал в умерщвлении на территории СССР в 1946—1947 годах четырех человек... Но он не считает себя виновным, т.к. в отношении этих лиц имелись определенные оперативные данные о проведении ими антисоветской работы и умерщвление производилось по указанию, полученному им от бывшего руководства МГБ со ссылкой на инстанции...»

Павел Судоплатов весь срок просидел «от звонка до звонка» в печально знаменитой Владимирской тюрьме. 21 августа 1968 года он вышел на свободу.

Судьба же Виктора Семеновича Абакумова оказалась печальнее...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Старший лейтенант Виктор Титов и Константин Юрьев из СМЕРША

О СМЕРШе говорят, пишут, показывают по телевидению. Издаются книги, правда, немного. Одна из них «Записки офицера СМЕРША» Олега Ивановского (М.: Центрполиграф, 2007).

Олег Генрихович Ивановский, офицер СМЕРША, служил на границе, на Заставе № 9, в Перемышленском пограничном отряде, воевал в кавалерийском полку, после Великой Отечественной войны почти пятнадцать лет работал в коллективе, которым руководил легендарный Сергей Павлович Королев. Он участник создания ракетного щита нашей Родины, первых в мире космических аппаратов, под-

готовки первого полета человека в космическое пространство. С 1965 года коллектив, в котором трудился Ивановский, возглавил преемник Королева в создании автоматических космических станций Георгий Николаевич Бабакин (сосед автора). В аннотации книги напечатано: «Автор откровенно пишет об отношении в войсках к чекистам-смершевцам, о методах оперативной работы военной контрразведки в ее начальном звене...» — об этих методах сказано скороговоркой, вскользь. По существу, о СМЕРШе в книге Ивановского ничего не сказано. Только несколько абзацев. Справедливо отмечает автор: «Да, шпионов мне поймать не удалось, хотя грозить им смертью был обязан...» В последние годы Ивановский стал весьма заслуженным человеком. Он лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. Можно порадоваться успехам бывшего офицера СМЕРШа. С особым удовлетворением воспринимаются его правдивые слова о его «успехах» в СМЕРШе. И это правда — так было. Задержать настоящего диверсанта, шпиона — событие для сотрудника СМЕРШа. Это только в книгах и на экранах кинотеатров и телевидения чекисты пачками задерживают вражеских агентов. Но кино и жизнь — жанры разные. Что было у офицера СМЕРШа? Тихая, рутинная будничная работа. О буднях контрразведчика и пойдет наш дальнейший рассказ.

Старший лейтенант Титов¹ — оперуполномоченный в 69-м ордена Красной Звезды Днестровском инженерно-саперном батальоне — начал службу в части в начале сорок четвертого, когда особистов уже сменили смершевцы. Батальон был сформирован зимой 1943 года в Харькове, получил название 69-го инженерно-саперного армейского батальона 69-й армии. Личный состав батальона занимался минированием и разминированием, переправами армии через водные преграды, выполнял другие поручения штаба армии. Были бои за Белгород, Харьков, активное участие в битве за Днепр, в Корсунь-Шевченковском окружении

---

¹ Фамилия подлинная.

группировки немцев. Затем — Яссо-Кишиневская операция, Румыния, Западная Украина, Венгрия, Австрия — таковы вехи боевого пути этой части.

Титов в батальоне был один. Правда, имел помощника — Константина Юрьева во взводе управления части. В разное время батальон имел разное подчинение. В сорок четвертом отдельная часть под командованием майора Тращенко Тимофея Спиридоновича подчинялась штабу 21-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Петр Иванович Фоменко. Корпус входил в состав 4-й гвардейской армии под командованием генерал-лейтенанта Ивана Васильевича Галанина. В период Курской битвы он был командующим 70-й армией, состоявшей из пограничников. Начальником штаба армии был генерал-майор К.Н. Деревянко. В 1945 году, он уже генерал-лейтенант, на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе от имени СССР подписывал Акт о капитуляции Японии; членом Военного совета был полковник Дмитрий Трофимович Шепилов, с 26 августа 1944 года — генерал-майор, уже в хрущевские времена получивший самую длинную фамилию — «И примкнувший к ним Шепилов». (Автор книги был знаком с ним.) Личный состав батальона хорошо проявил себя в боевых действиях. Два человека в батальоне — сержант Цветков и рядовой Ножка — были удостоены звания Героя Советского Союза. Сотни военнослужащих батальона офицеры, сержанты и солдаты были награждены орденами и медалями. Вот в такой части довелось служить старшему лейтенанту Титову. По службе он замыкался на отдел контрразведки СМЕРШ 21-го корпуса, где начальником отдела был подполковник Волгин. В том же сорок четвертом из четырех батальонов 18-го десантного, 48, 247 и 69-го была создана бригада. Начальником отдела СМЕРШ Краснознаменной Дунайской инженерно-саперной бригады стал опытный чекист капитан Антропов. Он, в свою очередь, подчинялся полковнику Базанову — начальнику ОКР 4-й гвардейской армии. Максим Алексеевич Базанов до 1939 года служил в РККА, командиром

танкового батальона. С 1939 года стал чекистом, воевал на разных фронтах.

Титов в душе гордился принадлежностью к отряду чекистов. Проникся важностью своей деятельности в батальоне. Ведь каждой воинской части необходимы службы: связь, медицинская служба и контрразведка.

В отличие от других офицеров части все мысли Титова постоянно были только о работе и работе. О тех, кто окружал его. Он часто задумывался о своем противнике. Титов не разбирался в структуре немецких спецслужб, многое в их деятельности ему было неизвестно, но он понимал, чувствовал, какой серьезный, мощный противник противопоставит его деятельности.

О работе офицера СМЕРШа вскользь сказал Ивановский в своей книге «Записки офицера «СМЕРША» (М.: Центрполиграф, 2007).

«Наблюдение за тем или иным лицом, вызвавшим внимание, начинается с того, что самые первые сведения о нем уже заслуживают внимания. Они называются «зацепкой». Когда по мере поступления информации чувствуется, что «здесь что-то есть» и нужно продолжать работать углубленно, из «зацепки» это переводится в дело-формуляр.

Формуляр — это уже папка, куда кладутся очередные донесения осведомителей. Таким было делопроизводство оперуполномоченного. Азам криминалистики и другим спецпредметам его учили в погранвойсках.

Вся переписка, документы, которые он обязан был пересылать из батальона в вышестоящий отдел (в этом случае это был отдел КР СМЕРШ корпуса), писались от руки, запечатывались в конверт «Секретно» и отправлялись с обычным нарочным, никакой фельдсвязи.

Главный метод его работы — работа с агентурой, с осведомителями. Подбирать их следует среди военнослужащих, которые смогут вам при необходимости сообщить о каких-либо фактах, интересующих СМЕРШ.

Подобрать осведомителей он должен не только среди военнослужащих, но и среди гражданского населения, в том

случае, когда есть возможность такого общения. И это оправданно интересами безопасности государства, так принято, такой порядок.

В армии к такой категории военнослужащих, как работники прокуратуры, военного трибунала, особых отделов, отношения складывались недоверчивые. По мнению некоторых, их служебные обязанности не могли вселять добрых чувств. «Было в полку человек десять моей агентуры. Я сам предлагал сотрудничество. Вербовок на основе какого-либо «компромата» у меня не было. Помогали добровольно и бескорыстно. Какого-либо денежного фонда для агентурной работы не было».

«Вообще же «аморальным» поведением (в частности, пьянками) занимался замполит полка, это была его работа. Вела следствие и оформляла дела в трибунал прокуратура. Пленными же занимался разведотдел».

А как с этим обстояло у оперуполномоченного старшего лейтенанта Титова?

В задачи и обязанности оперуполномоченного старшего лейтенанта Виктора Титова входило агентурно-оперативное обслуживание воинской части — отдельного инженерно-саперного батальона. «Мне нужно знать, кто неблагонадежен, где какой настрой, кто чем дышит», — говорил самому себе Титов, старался настроиться на деловой лад и думать о том, как ему действовать.

Говоря языком директив, он должен был участвовать в ряде таких мероприятий: глубокое изучение и агентурная разработка всех лиц, находившихся в окружении или в плену у противника. Изучение и агентурное наблюдение за военнослужащими, уроженцами мест, временно оккупированных противником, особенно если там остались на жительство их ближайшие родственники.

Стремиться к созданию такого агентурного аппарата в части, в ее подразделениях, который исключил бы невозможность выявлять всех лиц, подозрительных по шпионажу, диверсии, террору. Изучение и наблюдение за связями военнослужащих с гражданским населением, имея в виду,

что противник использует этот канал для проникновения в военную среду. А розыск предателей, шпионов, задержание дезертиров, разоблачение членовредителей... Работы было непочатый край! Выполнять все это можно было только через агентуру.

«У меня же с этим не густо. Прямо скажем, пусто. А из тех, кто есть, некоторые просто не радуют, огорчают. Например, осведомитель «Ваня». Флегматичный малый, какой-то вялый, вот-вот уснет на ходу. Ну, уж какой уродился! Его беда. А то, что «Ваня» ничего стоящего не сообщил... Сплошной пустырь¹ — это уже моя беда», — говорил себе Титов.

К сотрудничеству «Ваню» привлек оперативный уполномоченный лейтенант Василий Кравцов, которого сменил Титов. «Ваня» — Ванек он и есть, досадовал на осведомителя Титов. Он представил, как проходила вербовка «Вани». «Нужно выявлять врагов, и ты как сознательный комсомолец должен в этом помогать». Кравцов объяснил парню, что он должен был слушать вражеские разговоры, выявлять людей с нездоровыми настроениями, недовольных и враждебных к советской власти. Спросил, согласен ли он. Ну, конечно же, парень, находясь в эйфории патриотизма, с радостью согласился. Кравцов дал ему псевдоним «Ваня». Оговорил условия связи.

«Ваня» что? Чистый лист. Уроженец Воронежской области, русский, 1925 г.р., по происхождению из крестьян, образование 7 классов, член ВЛКСМ с 1943 года, не судим, холост. В Красной Армии служит с 1943 года. В плену и окружении не был. Такому если дать развернутую анкету, то в ней будет сплошное «нет». Не служил, не привлекался и так далее. У Титова вызывал улыбку пункт анкеты: служили ли вы в Белой армии? Да такой Ваня, когда были белые и красные, еще на свет не появился.

«Ваню» в секретные осведомители Кравцов завербовал на лояльном отношении к государству. В отличие от тех, кого

---

¹ Профессиональное выражение оперативного работника.

вербуют на компрометирующих материалах, на профессиональном языке «компрах». Первые, разумеется, надежнее. Они становятся осведомителями не по принуждению, а добровольно. Осведомители бывают разные. Есть и инициативники, те, кто сам идет на контакт с госбезопасностью.

Прежде чем стать опытными чекистами, некоторые лица проходили через ступень осведомителя (пример тому — Герой Советского Союза Николай Кузнецов. Талантливый и бесстрашный разведчик начинал свою деятельность в 1932 году как осведомитель ОГПУ «Кулик», «Ученый», «Колонист» — под такими псевдонимами значился он в оперативных учетах ОГПУ—НКВД—НКГБ. Кузнецов считал свою работу важной и почетной).

Ни одна спецслужба в мире не раскрывает свою агентуру. Ни при каких обстоятельствах она не признает конкретного человека своим агентом. Это непререкаемый закон спецслужб. Так что главное в деятельности Титова — секретность. Его бумаги, документы имеют гриф «Совершенно секретно». Себя он чувствовал бойцом тайного фронта, говоря профессиональным языком, должен обеспечивать агентурно-чекистское обслуживание воинской части.

Поведение многих людей заслуживает, чтобы наблюдение за ними было. «На то и щука в море, чтобы карась не дремал». А обнаружив врага, я должен не позволить ему уйти. Вовремя прищучить. Титову нужны агенты, секретные осведомители. Предстояло вербовать новых лиц. О будущих агентах, кроме установочных данных, следовало знать кое-что... Не хотелось попасть на вражеского агента.

«Я что, рентген? Да тут никаким рентгеном не высветить чужую душу. Она ведь, как известно, потемки, — размышлял Титов. — А вот кого ставить на учет? Здесь нужно хорошо подумать. Не гнаться за количеством подучетного элемента, но и не упустить явного врага, предателя, труса, замышляющего совершить преступный поступок. Предстояла работа с таким... Одним из тех, на кого Титов положил глаз, был Николай Калмой. Он предостаточно наболтал против себя. Быть всегда чем-то недовольным было

основной чертой Калмоя, за что еще в школе ему попадало от ребят. С возрастом Калмой стал частенько на все «наводить критику». В конце концов хорошим это и не могло кончиться — привлек внимание спецслужбы. Калмой подлежал разработке СМЕРШа как подучетный элемент по окраске «измена Родине».

Выражая недовольство, среди бойцов по какому-то случаю ляпнул: «...Если так получится, то я руки кверху и к немцам — чай пить».

Случалось, высказывал недовольство службой в Красной Армии, говорил: «Немцы сильнее нас, а союзники наши не заинтересованы, чтобы СССР победил, и надеяться на них нечего, а сами мы не в силах окончательно их разбить». Говорил он это давно, но говорил...

Молдаванин Николай Калмой из Тирасполя был призван в армию в 1940 году. На оккупированной немцами территории не находился, служил не хуже других, но был невосдержан на язык. Иногда говорил не то, что думал. А так, ляпал языком. Но оперуполномоченного высказывания Калмоя настораживали — такой может рвануть к немцам. Ведь в армии были перебежчики... Никуда от этого не денешься. Забегая наперед, заметим, что, когда в бою с немцами, оказавшись лицом к лицу с врагами, Калмой повел себя достойно, даже проявил лихость, был ранен. И поэтому с оперативного учета снят.

* * *

К Косте Юрьеву обратился не знакомый ему боец:

— Слушай, сержант, ты как бы в помощниках у старшего лейтенанта Титова... Как бы при нем...

— А что? — Константин в упор посмотрел на средних лет улыбчивого красноармейца.

— Как бы встретиться с ним...

— Нужно?

— Очень. Только, чтобы нас никто не видел, — попросил собеседник.

— Сделаем.

В укромном месте Титов встретился с красноармейцем, о котором говорил Костя. Коротко спросил:

— Кто вы?

— Василенко я. Из второй роты. Степан Василенко. Я могу говорить доверительно?

— Со мной как с врачом можно говорить обо всем, — ответил Титов, а про себя заметил: «Мы всегда пойдем, поддержим и... завербуем».

— Так вот. У соседей...

— Каких соседей?

— В роте капитана Гуры. В третьей... Полицай Глитко! Мне про него Нечугуенко говорил. Я с Нечугуенко в одном взводе.

— Нечугуенко с ним знаком? — спросил Титов.

— Нет. Они друг друга не знают, но Нечугуенко уверяет, Глитко — точно полицай. Я с Нечугуенко с самого начала в батальоне. Мы после первого освобождения Харькова воюем. А Глитко вот, только появился... С новым пополнением...

— Не путает ли Нечугуенко? — осторожно спросил Титов. — Может, ошибается...

— Как знать, — развел руками Василенко. — Я так думаю, проверка тут не помешает.

На состоявшейся встрече Титова с красноармейцем Нечугуенко тот выпалил:

— Товарищ старший лейтенант, среди нас вражина!

— Я слушаю.

— В третьей роте видел его. Обличье знакомым показалось. Думаю, вот ты где, паскуда Глитко, оказался. У бойца ихней роты спросил «Как звать-то новенького?». Ответил: «Павлом его кличут». Точно, это полицай Павел Глитко. Я его запомнил.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее, где с ним встречались? Когда?

— Я сам с Харьковской области, с села. При немцах бывал в районном центре. На базар ездил. Один раз был свидетелем казни партизан. Помню все до мелочей. Полицай подвели троих под виселицу. У одного на груди плакат «Жид

за подделку паспорта», у другого «Партизан с специальным заданием»¹. Этого партизана Глитко² повесил. У бедолаги шапка упала. Глитко ее поднял, на голову повешенного нахлобучил. Народ у виселицы стоял. Среди людей пронеслось: «Глитко вешал». А имя палача я уже потом узнал. Было это летом сорок второго. На базаре увидел: мордастый полицаи избивал паренька. Сильно бил. Остановиться не мог. Уже другой полицаи за парня заступился: «Залыш, його, Павло. Досыть йому»³. А полицаи, который бил, был Глитко, — рассказывал Нечугуенко.

— У полицаев были какие-нибудь знаки отличия? — спросил Титов.

— У них на рукавах желто-голубые повязки.

На следующий день Титов узнал: в третьей роте красноармеец по фамилии Глитко не значится. «А не ошибается ли Нечугуенко?» — засомневался Титов.

На последующей после этого встрече растерянный Нечугуенко не оправдывался, а наоборот, упрямо твердил:

— Он полицаи, Павел этот. Я ошибиться не мог. То, что видел, забыть невозможно. Уверен — к нам затесался полицаи!

В дальнейшем оказалось: фамилия Павла не Глитко, а Шеремет. Нечугуенко обрадовался.

— Вот-вот, маскируется, паскуда. Ему под своей фамилией ходить заказано.

Глитко... Титов напряг память — Глитко-Какась... Проходил по ориентировкам СМЕРШа. Каратель.

От автора

К концу 1943 года в связи с широким наступлением Красной Армии и освобождением значительной территории от немецких оккупантов работа органов СМЕРШа

---

¹ «Еврей за подделку паспорта». «Партизан со специальным заданием» (укр.).

² Этот каратель имел прозвище «Какась».

³ Оставь его, Павел. Достаточно ему (укр.).

усложнилась. В освобожденных районах помимо фильтрации и проверки военнопленных следовало выявлять лиц, активно сотрудничавших с гитлеровской администрацией и войсками. Это касалось бургомистров, старост, редакторов прогитлеровских печатных органов, а также тех, кто добровольно служил во вспомогательных силах вермахта.

Для ориентировки в поисках чекистами составлялись алфавитные списки, фотоальбомы и сборники разыскиваемых лиц. В феврале 1944 года для служебного пользования был издан «Сборник материалов об органах германской разведки на советско-германском фронте».

«Интересно, — отметил себе Титов. — Если Нечугуенко не ошибается, то этот Шеремет — наш клиент. И решетка по нему плачет. Решеточка. Нечего под этого Шеремета подводить агентуру, а нужно немедленно задержать его. У таких, как он, на опасность звериное чутье: помедли — и ищи, как ветра в поле. Сбежит. А если уйдет? Такая промашка нам не нужна, не понравится она и нашему начальству. Потенциальных боевых возможностей карателя не знаем. Такой «клиент» может быть на все готов. Мысли наши и мышцы при задержании должны работать стремительно и абсолютно синхронно». О Глитко-Шеремете Титов поставил в известность командира части майора Тращенко, сам же распорядился:

— Костя, завтра приведешь ко мне этого Глитко-Шеремета. Во взводе управления возьми Фартушного. У него миллицейский опыт, как вести себя с преступниками. Но будьте осторожны!

Титов внимательно рассматривал сидящего перед ним мордатого полицая, отметил: «Ишь какую будку отъел». Спросил:

— Как вы думаете, почему вас вызвали ко мне?

— А я ничего не знаю...

— Я не я, и хата не моя. Назовите свою фамилию, — потребовал Титов.

— Шеремет.

— Хватит придуриваться. Назовите настоящую фамилию.

Глитко молчал.

Титов взял у Глитко красноармейскую книжку. Фамилия Шеремет Павел Мефодьевич. Фотографии нет — красноармейские книжки были без фотографий. Написанному в них приходилось верить. Верь, но проверяй. Спросил:

— Так кто вы?

— Шеремет я.

Титов дал знак Косте, и тот ввел Нечугуенко. Показывая на него, спросил:

— Знакомы?

— Первый раз вижу. — Глитко-Какась не знал Нечугуенко. Он не встречался с ним лоб в лоб. Глитко лиц людей не запоминал. Он смотрел как бы поверх, сквозь них.

— А я тебя, паскуда, запомнил. Партизана ты вешал... Забыл? Хлопца на базаре бил. Я тогда рядом находился.

Глитко изменился в лице. Подумал:

«Дознались-таки». В сознании мелькнуло, как это бывает у многих перед смертельной опасностью, может быть, сия чаша минует меня. «Пусть докажут. А чего доказывать? Все им известно». И красноармейская книжка не помогла. Он украл ее у сонного бойца. И очень обрадовался его имени — Павел. Не надо новое придумывать. Свое-то привычное.

— Как у вас оказалась чужая красноармейская книжка?

— За бутылку самогонки выменял...

— Байки не рассказывайте! Убили Шеремета?

— Не убивал... — Внезапно глаза Глитко загорелись злобой. Лицо перекосило. Каратель понял, что разоблачен. Не скрывая ненависти, он зло выкрикнул: — Я таких, как ты, опер... И тебе подобных немало на тот свет отправил. Сейчас снизу смотрят, как картошка растет.

— Ах вот ты как! — нечего с бандитом выкататься, перешел на «ты» Титов. — Да по тебе уже не решетка плачет, а пуля или веревка.

Перед Титовым был враг, который еще и куражится. Рука сама собой потянулась к кобуре с пистолетом.

За карателем Глитко приехали из вышестоящего органа СМЕРШ. Не пахали, не сеяли, а такого фрукта, как Глитко, прихватили. Сколько веревочке ни виться, а конец будет. Глитко — не результат моей работы с агентурой, а просто удачный случай, размышлял Титов. Впоследствии он узнал, что собой представлял этот полицей. Через агентуру и следствием было установлено участие Глитко-Какася в карательных операциях.

«...Трипилец Д.А., свидетель, рассказывает:

— По Пушкинской улице в сторону кладбища полицаи вели людей... Впереди ехала подвода, на ней сидели две женщины — одна с ребенком, прижимала его к груди...»

«Жученко О.И., свидетель, жил на Пушкинской улице...»

«...Костенко И.И. копал яму на 13 человек...»

«...Скрыпник М.А. жил на кладбище...»

«Иван Григорьевич Дудник — партизан, повешен полицаями зимой 1942 года в центре города... Жил на Октябрьской улице в центре города...» — говорит об отце Г.И. Дудник.

(Из материалов следственного дела Склярова...)¹

Два человека находились вблизи от места, где Скляров с подручными творили свое черное дело.

Полицаи подводили людей к заранее подготовленному месту на окраине кладбища. Подталкивали жертвы к яме. Приказ начальника полиции Склярова криком разрывал воздух...

— Ну-ка, покажи себя, Глитко, — незадарма хлеб ешь, — обратился Скляров к одному из полицеев, и тот, неловко вскинув русскую трехлинейную винтовку, выстрелил в человека у ямы.

---

¹ Ленчевский Ю. «Неотвратимое возмездие» // «Граница России», декабрь 2003, № 46. В результате кропотливой работы чекиста, друга автора подполковника Всеволода Сидельника в семидесятые годы прошлого столетия Скляров не избежал неотвратимого возмездия.

Молодой парень в очках — совсем еще мальчик — снял очки, протянул их полицаям.

— Жаль, пропадет... Сейчас война — может быть, пригодится кому-нибудь...

Полицай Глитко с необычной поспешностью подскочил к пареньку. Хрустнуло стекло под сапогом полицая. Раздался выстрел... Два свидетеля были единственными и последними людьми, сохранившими в своей памяти облик погибших, последние мгновения их жизни.

«Старательный», — сказал о Глитко-Щеремете командир взвода Козин. «Да, он был старательный, когда расстреливал», — мысленно отметил Титов.

Глитко повесил партизана Ивана Дудника, грабил и избивал советских граждан, выдавая немецкому командованию лиц, настроенных против немецких оккупантов. Военно-полевым судом Глитко приговорен к смертной казни через повешение.

Титов встретился с Василенко. Поблагодарил его за проявление бдительности. Поинтересовался:

— А почему сам Нечугуенко не пожелал со мной встретиться?

— Не решился... Знаете, как некоторые... особистов не жалуют... Боятся.

— А вы к нам как относитесь?

— Считаю своим долгом помогать, чем смогу...

— Вот и ладно. — Титов тут же оформил сотрудничество Василенко с органами СМЕРШ. Так у оперуполномоченного Титова появился секретный осведомитель Степан Гордеевич Василенко. Титов дал ему псевдоним «Гордеев».

— У меня, Костя, работа тихая, а некоторым нашим ребятам достается — рискуют ежеминутно, ходят, как по канату над пропастью. А задачи общие — противодействие агентуре противника. У нас еще и другие задачи. Это только по приказу, а чем предстоит заниматься — не перечислишь! — втолковывал сержанту Юрьеву старший лейтенант Титов.

— Ну что там наш «Гордеев»? Чем порадует нас? — шутливо произнес Титов, стал читать донесение осведомителя. Читал молча, закончив чтение, подвел итог. — Значит, Тищенко, который во взводе лейтенанта Лаврентьева, был при немцах старостой.

— Да, он и не скрывает этого. Говорит, что помогал партизанам, — сказал Костя.

— Якобы помогал. Что ж, возможно такое. Наша же задача — установить истину. В этом взводе есть старики, но большинство призывного возраста. И они оказались дома. Как? Почему? Ведь война. Призывали их после освобождения от немецкой оккупации прямо воинской частью. Фильтрацию они миновали. Так что мне в этом взводе, как и в других, работать и работать.

— Во взводе лейтенанта Козина такое же положение.

— Об этом и речь.

(Вскоре группу бойцов из батальона отправили в другую часть. Среди них был и бывший староста Тищенко.)

— В батальоне служат люди разные. Некоторые побывали в плену. Есть и такие, кто находился в окружении. — Титов глянул на Костю. Тот слушал его внимательно. — Так вот многие окруженцы в течение длительного времени находились на оккупированной территории. Чем они занимались в это время — никому, кроме них самих, не известно. Может, они завербованы немецкой разведкой. А что касается красноармейцев нашего батальона, то большинство из них были в оккупации. Где создавался батальон? — спросил Титов и сам же ответил: — В Харьковской области, занятой немцами. Большая часть батальона — призваны оттуда. Те, у кого родственники проживают на оккупированной территории, тоже представляют оперативный интерес. У немцев хороший опыт. Еще бы! По всей Европе прошлись... И шпионы, и диверсанты у них хитрые, коварные. Профессионалы. Один диверсант может наделать больше бед, чем целая рота. Обезвредить вражеских шпионов и диверсантов — значит предотвратить многие беды — моя задача.

И еще разоблачать предателей. Их не должна миновать суровая кара. Немецкие разведывательные органы всячески изощряются в борьбе с нами. Вот, например, в Харькове, где был сформирован наш батальон, весной 1943 года была ликвидирована немецкая шпионская резидентура, оставленная под видом подпольного «Временного Военно-революционного Совета».

Когда части Красной Армии приблизились к Харькову, абвер снабдил своих агентов крупной суммой советских денег, валютой, фиктивными документами об их «революционной подпольной деятельности». В день освобождения Харькова от гитлеровцев они расклеили по городу приказ о том, что вся власть переходит в руки «Временного Военно-революционного Совета». Тут же они приступили к созданию органов милиции и мобилизации мужского населения в Красную Армию. Советскому командованию эти немецкие агенты представились как руководители харьковской подпольной организации. В результате этой маскировки им удалось на некоторое время пробраться в советские органы Харькова. Но чекисты сумели их разоблачить. Вражеские агенты получили по заслугам — были расстреляны.

Нам противостоит мощный разведывательно-подрывной аппарат немцев. Мы, бойцы тайного фронта, должны противодействовать агентуре противника. Обнаружить, разоблачить вражеского шпиона, под какой личиной он бы ни находился, — главная наша задача. «Но мы должны выявлять врагов и в своей среде, среди своих. Это люди с нездоровыми настроениями, недовольные и враждебные Советской власти. Трусые, склонные к дезертирству, болтуны», — мысленно произносил Титов. А для этого нужны: терпение, выдержка, наблюдательность — необходимые качества контрразведчика. По отношению к окружающим нужно быть предупредительным, воспитанным человеком. Важное качество — доброжелательность. «Без доброжелательности эффективно с агентурой не поработаешь», — отметил про себя Титов.

В моем деле важно любую информацию перепроверить, проанализировать, сопоставить. Титов не «страдал» полным доверием к источнику. Быть компетентным в своей области — главное условие успеха. Всем, что за пределами твоих интересов, не следует забивать голову. Так, например, негры Сахары не обсуждают подледный лов.

Во главе угла своей деятельности Титов ставил конспирацию. Все его документы были секретны. Правда, мы иногда перебарщиваем с секретностью. Однажды об этом заговорил с начальником.

— Документы немецкие у нас проходят под грифом «секретно»... Но они же немецкие.

Услышал в ответ:

— Засекречиваются для того, чтобы немцы не знали, что они у нас.

— В первой роте появился интересный тип. Я сначала подумал: «Ереванский луна выходил из небес...», армянин, а он оказался грузин Перуз Музашвили. (Юрьев не очень различал национальность выходцев из Кавказа.) Был в плену...

— Многие были, — заметил Титов.

— Этот рассказывает, как немцы накормили его обедом. Затем он брил офицера... В общем, как хорошо у немцев.

— Ясно. Подтекст такой: сдавайтесь в плен, и вам будет хорошо. А как он оказался у нас? — спросил Титов.

— От немцев убежал, а в батальон попал с новым пополнением, — ответил Костя.

— Он где попал в плен? — спросил Титов.

— На Дону...

— Тяжелое для нас было это время, — заметил старший лейтенант.

Он внимательно слушал Константина, хотя о Музашвили уже знал.

В заключение старший лейтенант сказал:

— Мой клиент. Буду с ним работать!

«В ближайшее время подсыплю ему хорошего паренька», — решил Титов.

Подсыпать хорошего паренька означало подвести агентуру.

Впоследствии возле Музашвили «хороших паренков» — осведомителей было целых пять.

Через какое-то время Музашвили стал ординарцем у майора Жордания, заместителя командира батальона по политической части. Жордания плохо говорил по-русски. Он, например, мог сказать так: «Наша люда салуют победа в столице Москва». Что означало: «Наши люди салютуют...» Майор был человеком необщительным, вечно чем-то недовольным, порой казался даже злобным. В ординарцах Музашвили, прозванный бойцами «Сулико», не удержался, и Титов предложил перевести его во взвод управления, где он выполнял функции парикмахера. Здесь Сулико был на виду.

Личный состав батальона стабильный, но были потери: на Днепре, в бою с окруженной группировкой немцев в районе Корсунь-Шевченковский. Кто-то подорвался при разминировании — сапер ошибается только раз. Часть получила пополнение. Приходили новые люди, и среди них были и те, кто представлял для Титова оперативный интерес: могли быть скрытые предатели, немецкие пособники.

Сотрудниками СМЕРШа проводилась работа по розыску немецких агентов, диверсантов, бывших белогвардейцев, националистов. Для ориентировки в поисках чекистами составлялись алфавитные списки, фотоальбомы и сборники разыскиваемых лиц. В феврале 1944 года для служебного пользования был издан «Сборник материалов об органах германской разведки на советско-германском фронте». С фотоальбомами Титову познакомиться не удалось, но он получал ориентировки на разыскиваемых вражеских агентов и гитлеровских пособников.

Музашвили прижился в батальоне. Чувствовал себя неплохо. Как-то Костя Юрьев увидел его радостного среди красноармейцев.

— Я ночью с женщиной был, — с восторгом сообщал Музашвили. — Вай, дэвочка!

— Ты что, Сулико, сразу ее женщиной сделал? — с иронией спросил Фартушный, добавил: — Небось сам-то первый раз...

Музашвили смутился, но продолжал свое:

— Ой, хорошо было! Как сто грамм халвы покушал.

«Будет тебе, Сулико, халва, мармелад и шоколад будет, и баланда. Придет время... Вот грузин, нашел-таки себе молодку», — сказал про себя Костя. В селе было немало одиноких женщин, которые страдали без мужчин.

Титов встретился с осведомителем «Гордеевым». Василенко стал служить писарем в штабе, и Титова интересовали некоторые аспекты работы штаба. Говорили и о Музашвили. Ничего нового о нем осведомитель не сообщал. У Василенко вертелось на языке: «Почему вы не арестуете Сулико?» Но спросить об этом не решался. Титов с симпатией относился к Василенко, хотя тот звезд с неба не хватал. Ему явно недоставало инициативы, и Титов в беседе с ним старался нацелить осведомителя на более активную, «поисковую» работу.

Все же Василенко спросил Титова:

— Почему вы не арестуете Сулико — Музашвили?

— А за что?

— Расхваливает, как хорошо ему было у немцев. Немецкий шпион...

— Вы уверены, что он шпион?

— Не знаю... — замялся осведомитель.

— Шпионы маскируются, а этот привлекает внимание своей болтовней. Работать с ним надо. А торопиться не следует.

* * *

Константину Юрьеву довелось участвовать в боевых спецоперациях. Были моменты, когда он чудом остался жив. Но награды не досталось, чему он ничуть не огорчился. Не дали медали, ну и ладно... Начальству виднее, кого награждать. К вышестоящим же Константин относился без излишнего преклонения, не скрывал иронии. Люди и люди... Но и без них нельзя... Титов разъяснил Константину, что его начальники в отличие от армейских осуществляют не только общее руководство, но и участвуют в той или иной чекист-

ской разработке. Разумеется, руководители дают ценные указания — ЦУ и эти ЦУ бывают разными, как и разные сами руководящие лица. Случается, конечно, всякое... Ведь всегда найдутся эскимосы, которые и для жителей Африки придумают правила, как вести себя во время самой сильной жары.

* * *

— Товарищ старший лейтенант, в третьей роте полиции, — сообщил Костя Титову.

— Откуда сведения?

— Во второй роте служит Карнаухов. Он опознал полиция, но говорить о нем боялся... Поделился об этом с нашим доверенным лицом.

Костя назвал фамилию осведомителя «Ваня».

А дальше Карнаухов замкнулся. Ни слова более. Все же «Ваня» его расшевелил, раскочегарил... И тот рассказал: полицией этот по фамилии Слюсаренко — убийца. Карнаухов боится этого полиция — вдруг он его признает. Карнаухов прибыл в батальон с новым пополнением. После потерь части на Днестре и в корсунь-шевченковском окружении немцев батальон пополнился новыми людьми. Среди них были Карнаухов и Слюсаренко.

В разговоре с Титовым Карнаухов признался:

— Боюсь его. Встречался с ним раз, но он мог запомнить... Правда, военная форма преобразует человека. Но кто знает...

— Расскажите все, что вам известно об этом человеке, — предложил Титов. — Кто он?

— Петр Слюсаренко — полицией, не рядовой... Точно он — не ошибаюсь. Такого гада не забудешь, — уверенно произнес Карнаухов. — Меня хотел вербовать немцам помогать...

— Получилось?

— У него — нет.

— Поподробнее, пожалуйста.

— С самого начала?

— Конечно.

— Белобилетник я. Служить мне не довелось. А вот когда наши первый раз в феврале мой город Богодухов освободили, меня и загребли.

— Как это?

— Ну, призвали меня. Никакого военкомата тогда у нас еще не было. Брали прямо в часть. Тогда многих так взяли. Винтовку в руки и в бой. Обученный ты или уже послужил — такое никого не интересовало. Нас даже не переодевали, пошли в своем гражданском. Тогда и молодых выбрали. За два года оккупации шестнадцатилетние подросли... Уже для войны годились. Только не обученные были. Сколько их, молодых, необученных, полегло тогда, в том феврале... Кто считал... — произнес с горечью Карнаухов.

— Вы же белобилетник. Сказали так, — заметил Титов.

— Так-то оно так. Врач в части медосмотр делал... Сказал: «Руки-ноги есть, винтовку в руках удержишь — иди вой!» Документы мои забрали. Сержант, наверно, писарь, сказал: «Маленький — автоматчиком будешь!» — ростом я не вышел... Но воевал, стрелял по немцам. Не в первом бою, а на третий день ужалило меня... в ногу. Что делать? — в госпиталь определяться не стал. Дом мой, вот он, рядом. Кое-как доковылял до хаты. Вскоре немцы поднажали — наши отступили. И снова остался я под немцем. Ранение-то пустяковое. На мне быстро заросло. Работал я на кожзаводе, слесарил. Тогда все взрослые в городе работали, кто где... — поспешно заявил Карнаухов. — Иначе в полицию загремишь. Там с возрастом не считались. А молодежь почти всех в Германию угоняли, работать. И вот летом, уже в сорок третьем, вызывают меня в полицию. В комнате этот гад Слюсаренко сидел за столом. Разговор — один на один.

Картина той встречи в полиции предстала перед Карнауховым четко, зримо.

— Ты, Карнаухов, перед немецкой властью сильно провинился. Воевал против них. Стрелял, — начал Слюсаренко.

— Не я один.

— Разговор о тебе. Был ты в гражданской одежде — считай, партизан. А это что? Виселица по тебе скучает. Должен искупить свою вину перед властью.

— Как это?

— Послужишь ей — только тайно. Будешь агентом.

— Не согласный я на такое...

— А это еще посмотрим! — сказал с угрозой Слюсаренко. — Даю тебе неделю на размышление. Через семь дней придешь сюда в это же время. Сам. Или тебя потом приведут. А виселицу в центре города видел? Стоит она, родимая, — никто ее не отменил.

Об этом Карнаухов рассказал Титову, замолчал, как бы сделал передышку, затем продолжил:

— Главное не во мне — я маленький человек. Главное, Слюсаренко — палач! — заявил Карнаухов.

— Рассказывайте, и, пожалуйста, факты.

— Будут вам и факты. Дал мне Слюсаренко неделю подумать... Что делать, я не знал. Стал за ним присматривать. Одного дня вижу: вывел Слюсаренко из полиции молодого парня. Лицо в синяках, одежда порванная, руки сзади стянуты проволокой... Подсадил полицай этого партизана на повозку, бросил туда лопату. Выехали они на Пушкинскую улицу. А это известная дорога на кладбище... Я за ними, в их направлении... Само собой, поодаль от ихней повозки. Подъехал Слюсаренко к кладбищу. И я туда добрался — смотрю, дальше что... Павел Слюсаренко повез партизана в кладбище, прихватил и лопату. Ясное дело — зачем... Затаился я в кустах. Сколько время прошло, не знаю... Может, целый час. Выстрел услышал... Вернулся Слюсаренко один. С лопатой только. Бросил ее на повозку. Сам сел и поехал. Я тихо-тихо пробрался к могилам. На краю кладбища старые окопчики, еще сорок первого года, неглубокие, уже осыпались... На одном земля свежая... Холмика не было. Убил, гад, человека и то место, где закопал бедолагу, сровнял с землей. Ясно, палач Слюсаренко. Кат! — подвел итог рассказанному Карнаухов.

— Почему вы считаете, что жертва Слюсаренко — партизан? — спросил Титов.

— А то кто же? Наверно, партизан... Не знаю я точно. — Помолчав, заговорил: — Понял я, дело мое — смертельное. И ушел из города. В селе у родичей прятался. А скоро наши снова из города немцев прогнали, освободили нас. И вот я в рядах армии. Полицая этого в третьей роте увидел... Сначала испугался...

— Не ошибаетесь?

— Точно он, Слюсаренко. Только его осторожно брать надо. Опасный он, гад!

— Не беспокойтесь. Это уже моя забота. О том, что рассказали о Слюсаренко, никому ни слова. Постарайтесь не попадаться ему на глаза.

— Понимаю.

— Можете идти.

Карнаухов встал со стула. Перед Титовым был маленького роста человек, лопухий, с бесцветными какими-то телячьими глазами. Незаметная личность.

Карнаухов вышел из хаты, а Титов еще какое-то время размышлял о том, что только что узнал.

«Встреча с этим полицаем у Карнаухова могла оказаться смертельной. Такие свидетели полицая не нужны. Может быть, Карнаухов убоился этого. Во всяком случае, боец Карнаухов поступил правильно».

— Костя, приведи ко мне Слюсаренко, — распорядился Титов. — Пойдешь не один. Возьми с собой Давыдченко из взвода управления. Он крепкий парень. Возьми автомат. Этот Слюсаренко может быть опасен. Но перед этим у меня должен находиться Карнаухов. Пусть придет скрытно. Уже стемнело, а он и Слюсаренко в разных ротах. Начни с Карнаухова. Выполняй!

— Есть! — козырнул Константин.

Этот мимолетный ритуал напомнил Титову пограничный приказ на выход для охраны Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик. Он служил на границе. Свою зеленую фуражку сохранил, носил ее в вещмешке. И пронес ее через годы и расстояния.

— Садитесь, — Титов указал Слюсаренко на стул перед собой. За ним на лавке уселись Сергеев и Давыдченко. Оба с автоматами. В углу примостился Карнаухов. Слюсаренко его не увидел.

— Чем обязан такому эскорту? — Слюсаренко перешел в наступление.

— Ваша фамилия? — строго спросил Титов.

— Слюсаренко, — уверенно заявил тот.

Титов позвал Карнаухова, посадил на стул напротив Слюсаренко. Затем указал на бледного, не скрывавшего своего волнения Карнаухова, спросил:

— Знаете этого человека?

— Не припоминаю. Может быть, где-то и встречались.

«Ишь, не сказал: «Первый раз вижу» и держится пока невозмутимо», — отметил про себя Титов.

— Вспомните!

— Полицай Слюсаренко! — вырвалось у Карнаухова.

— Не знаю такого.

— Ах ты, гад! Забыл, как хотел меня завербовать для немцев.

— Такого не припомню. И вообще, что происходит? — полицай попытался сыграть возмущение.

— Ты же партизана убил! — почти закричал Карнаухов. На миг что-то дрогнуло в лице полицая, но он не сдавался.

— Ну, такое нужно доказать, — парировал полицай.

— Докажем, а сейчас расскажите, как служили у немцев.

Слюсаренко лихорадочно соображал, как вести себя дальше, что говорить. В его сознании промелькнули картины его прошлой жизни. Петр Слюсаренко — сын завуча средней школы № 1 в городе Богодухове Харьковской области Ивана Самойловича, в сорок первом году окончил 9 классов средней школы № 3. Был активным комсомольцем. Свое будущее представлял в довольно розовых тонах. Грянула война. В октябре сорок первого в город вошли немцы. Отец не очень обрадовался этому, но и не огорчился. Немцы назначили его заместителем бургомистра, а в сорок

втором он сам стал бургомистром. Видимо, немцы учли то, что Слюсаренко в 1938 году был репрессирован как националист. Правда, ему повезло, он сидел недолго. Его выпустили на свободу, и он приступил к своим обязанностям завуча школы. К немецким оккупантам Петр отнесся без восторга. Несколько месяцев он учился в гимназии, которую открыли в городе. Это учебное заведение просуществовало недолго, и в октябре в городе была открыта дорожно-строительная школа с программой строительного техникума. Накануне освобождения города от оккупантов в феврале сорок третьего ликвидировалось и это училище. Наши войска взяли город. Перед этим Слюсаренки сбежали с немцами, а когда враги вернулись снова, Петр Слюсаренко задумался: что ему делать? В Германию не заберут — отец спасет. Возраст призывной. Советская власть не простит должности отца-бургомистра, эвакуации с врагами. Да и вернется ли она? Немцы ушли и снова пришли. Они сильны. И подался молодой Слюсаренко в полицию. Не рядовым, а следователем, благо был грамотным. Первое время чувствовал себя неуютно, как-никак служил врагам. Постепенно обвыкся, власть тешила его самолюбие. Разные эпизоды засели в памяти... Поздним вечером Слюсаренко с одним из полицаев совершал обход по городу. Навстречу им попало несколько ребят. Перед полицаями мигнул лучик света и сразу погас. У одного из ребят был электрический фонарь.

— Предъяви фонарь, — грозно потребовал Слюсаренко и вырвал фонарик из рук мальчика.

— Петро, отдай фонарь. В одной школе ведь учились.

— Минулося. Теперь я уже не Петро.

Мелкая обида, которую Слюсаренко нанес мальчишке, занозой засела в мозгу, но дальше подобные мелочи сгладились более серьезными делами. К нему проявил внимание гаупштурмфюрер Вальтер Долль. Он представлял СД и иногда наезжал в город.

Однажды после хорошей выпивки немец предложил ему стать агентом его службы. Слюсаренко не отклонил предложение немца. Что же, это даже интересно! К тому же

гауптштурмфюрер — капитан по армейским меркам, представлял немалую власть. Начальник полиции Склярков до неприличия лебезил перед этим немцем. Не совсем было ясно, зачем он немцам. Что им даст его тайная деятельность — ведь от него, как от полицаев, шарахаются люди знакомые и незнакомые. А те, кто близко его знал, стали относиться с предубеждением. Одна из одноклассниц как-то сказала:

— Как ты мог поступить в полицию! А еще был таким комсомольцем.

— Ну был...

То, что он комсомолец, немцев не волновало. В комсомоле была вся молодежь. Представитель СД сотрудничество Слюсаренко со своей службой оформил письменно. Так просто, буднично произошло моральное падение бывшего комсомольца Петра Слюсаренко. И то, что написано пером, не вырубишь топором. Успокаивало Петра то, что сотрудничество тайное. Кто там об этом узнает!

Напрасно Слюсаренко сомневался в своей полезности немецкой службе безопасности. У гауптштурмфюрера на это были свои виды. В местной полиции ему нужны свои глаза и уши.

Самое острое и неприятное воспоминание у Слюсаренко от встречи с «десантником».

В полицию привели молодого парня. Держался он независимо, не боялся полицаев. Слюсаренко сказали: «Хлопец с той стороны. Десантник прыгнул с парашютом или пришел пешим порядком». Полицай Ермаков — примак из окруженцев — взял сонного парня в скирде. Сначала оглушил его дубиной по голове, а затем обезоружил, забрал пистолет системы «парабеллум». В голове Слюсаренко пронеслось: вот будет смак, если раскручу его. К кому шел? Зачем шел? Какое имеет задание!

— Забираю «десантника» себе, — предупредил начальника полиции Склярков. Бывший заведующий магазином хозяйственных товаров Склярков обычно «не высыхал» и на этот раз был в подпитии.

Слюсаренко добился от «десантника» только того, чтобы тот назвал фамилию.

— Иванов я! И кончен бал. Больше на твои подлые вопросы отвечать не буду.

Иванов ли он или кто другой, но этот человек проявил твердость — он упорно молчал.

Слюсаренко бесился от своего бессилия. Он ничего не узнал, ничего не добился от Иванова. Пытался бить парня, но и избитый тот молчал. Как ни увещевал парня Слюсаренко, что только ни сулил — все оказалось бесполезным. Никакого результата для себя полицай не добился.

— Значит, жить не хочешь. Хорошо, будут тебя могильные черви жрать, — заключил Слюсаренко. «Пушу я ему пулю в затылок», — решил полицай, и сознание возможности того, что он может лишиться жизни такого, как сам, молодого человека, наполняло душу предателя мстительным злорадством. Слюсаренко закончил свое следствие и подписал нужные бумаги, получилось — он следователь, и судья, и палач.

Слюсаренко повез обреченного на смерть человека на кладбище. Там у старого обвалившегося окопчика поставил «Иванова» на колени, выстрелил в затылок. Столкнув того в яму, наскоро прикопал его. Землю на поверхности разровнял. Произнес злорадно: «И следов твоих на земле не осталось». До конца дней своих «Иванов» не обронил ни слова. Слюсаренко был поражен его поведением «Прямо самоубийца какой-то...» — решил полицай. Работая в полиции, он узнал, что несколько из оставленных в городе партизан сохранили себе жизнь, выдав немцам партизанские ямы с оружием и продовольствием. Встречались и партизаны, рассказывающие на допросах все, что знали. Правда, при этом они обычно не избегали виселицы. Через несколько дней появившийся в городе Вальтер Долль осудил поступок Слюсаренко.

— Очень ты неправильно сделал. Больше, Петр, так поступать нельзя. С ним надо было работать и работать! Жить все хотят!

Слюсаренко не собирався все расказывать особисту (сотрудников СМЕРШа многие по-прежнему называли особистами — сотрудниками Особого отдела). Он понял, что здорово влип, но не избличен полностью.

— Вы служили в полиции, убивали, и этого уже для вас достаточно, — жестко сказал Титов. Обращаясь к Юрьеву и Давыдченко, распорядился: — Заприте его. И глаз не спускайте, — и уже к Слюсаренко: — Учтите, полицей, эти ребята стрелять умеют.

Слюсаренко вывели из хаты. Титов отпустил Карнаухова со словами: «Спасибо тебе, боец». Про себя подумал, что Карнаухов и Слюсаренко миновали фильтрацию. Что делать — всех через сито не пропустишь. Карнаухов пройдет теперь «нашу фильтрацию», у нас. Будем с ним работать. Разве нельзя допустить такой вариант: Карнаухов не поддался на вербовку Слюсаренко по той причине, что уже был завербован немцами. Нужно не забывать железное правило: доверяй, но проверяй!

— Там Давыдченко бдит? — спросил Титов у Кости.

— Охраняет. Он парень надежный.

— Вот и ладно. Я сейчас к комбату, поставлю его в известность о происходящем во вверенной ему части. Попрошу у него дополнительную охрану. Возьмем во взводе управления Дьягольченко — человек бывалый. Вот пусть он с Давыдченко и стерегут полиция.

Настроение у старшего лейтенанта явно было приподнятое, и он с улыбкой сказал:

— Вот как, Костя, бывает! Не пахали, не сеяли, а такой фрукт нам свалился. Случайно?.. Как сказать. В контрразведке, Константин, случайностей не бывает, впрочем, так же и в разведке. И важны любые мелочи. Хотел было я завтра снарядить тебя с Давыдченко — отконвоировать полиция в отдел контрразведки корпуса, но передумал, позвоню, пусть сами приедут и заберут. Им предстоит поработать с этим Слюсаренко.

«А «Ваня» молодец! Зря я о нем был другого мнения. Не лопух. Помог разоблачить врага», — в заключение оценил

происходящее Титов. Он ему представлялся ни рыба, ни мясо, однако дальнейшие события показали, что некоторые качества людей проявляются совершенно неожиданно, и не всегда все оказывается таким, каким показалось на первый взгляд.

В агентурном наблюдении у Титова оказался ординарец заместителя комбата Василий Петренко. Среди рядовых красноармейцев он выделялся своим молодцеватым видом. Военная форма сидела на нем как влитая, производили впечатление и шикарные хромовые сапоги. У всех красноармейцев на голове пилотка, а у Васи — фуражка. При передислокации батальона на новое место приговаривал: «И в этом селе все девки мои». На неуспех у женского пола Петренко пожаловаться не мог. Всегда находил вдовых солдаток или одиноких молодых, чьи мужья где-то воевали, пожелавших хоть на миг утешиться с щеголеватым, ладным мужичком. «Ушлый жизнелюб, а просто говоря, блядун», — оценил его Титов. Петренко состоял на оперативном учете по окраске «антисоветский элемент». Он высказывал антисоветские настроения. Среди красноармейцев высказывался: «...Жили, как в концлагере. За двадцать минут опоздания в тюрьму сажали».

«Не было этого! Как можно так врать!» — возмущался Титов.

Уголовная ответственность за прогул и за самовольный уход с предприятия была установлена 26 июня 1940 года.

Чувствовалось дыхание приближавшейся войны, требовался жесткий порядок, и в стране попытались установить дисциплину. Был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. В этом Указе было: установить, что за прогул без уважительной причины рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев

с удержанием из заработной платы до 25%. К прогулу приравнивалось также опоздание более чем на 20 минут.

Всего до начала войны по Указу от 26.06.1940 г. было осуждено свыше 3 млн человек, из них 16% — за самовольную смену мест работы. За опоздание на работу не сажали.

Брюзжание Петренко надоело Титову, и еще были нужны показатели. Недаром же он ест свой хлеб. Петренко за какую-то провинность лишился теплого места ординарца заместителя командира части. Внешне он даже как-то потускнел. Перестал чесать языком. Больше молчал. Однако это уже не имело серьезного значения. В свое время говорил... А слово, как известно, не воробей...

Мысли в голове Петренко оставались прежние. И в один далеко не прекрасный для Петренко день Титов сказал Косте:

— Сегодня отведешь Василия Петренко в отдел контрразведки корпуса. Возьмешь с собой Давыдченко из взвода управления. Ты старший.

Втроем они подходили к околице небольшого молдавского селения, где находился отдел контрразведки СМЕРШ 21-го корпуса. Красноармеец с винтовкой в руках встретил приближающуюся троицу с некоторым напряжением. Костя показал ему большой пакет, на котором крупно значилось: «Начальнику ОРКР СМЕРШ подполковнику Волгину». Для стража с ружьем этого было достаточно, а Петренко спросил:

— Это что, на меня такое дело?

Костя ничего ему не ответил.

Оперуполномоченный отдельного батальона старший лейтенант Титов напрямую подчинялся начальнику корпусного отдела подполковнику Волгину. Косте запомнилась первая поездка в этот отдел с донесением Титова. На въезде в небольшую ложину красноармеец с винтовкой тогда потребовал у Юрьева документы. Константин показал запечатанный пакет, на котором значилось: начальнику ОКР СМЕРШ 21-го корпуса. Этого было, как и на этот раз, до-

статочно. В самом отделе бойцы, увидев незнакомого сержанта, спросили:

— Ты из СМЕРШа?

«Какой там СМЕРШ... Старший лейтенант я. Вот и все. СМЕРШ — это люди, офицеры, помещения...» — подумал Костя, но гордо ответил:

— Я из СМЕРШа.

Та поездка Константина в ОКР СМЕРШ ограничилась общением с женщиной в погонах лейтенанта — секретарем отдела. Уже не молодой (по меркам Кости, все, кому под тридцать лет, — не молоды, но приятной в общении, милостливой).

Костя вошел в землянку начальника отдела, доложил о себе, отдал пакет. Подполковник раскрыл его, пробежал глазами содержание написанного Титовым, коротко распорядился:

— В отдельную камеру.

Петренко увели сотрудники отдела. Костя вышел из землянки, но через несколько минут его позвали к начальнику отдела. Тот протянул Константину карманные часы со словами:

— Петренко просил передать их командиру роты.

Костя взял часы и, откозыряв начальнику отдела, отправился с Давыдченко обратно в батальон.

* * *

Было это в Молдавии, а впереди Титова и Юрьева ждало немало боевых эпизодов. В Венгрии Титов с Юрьевым захватили двух венгров из организации «Нилош Керестеш» — «Скрещенные стрелы», а у них было оружие... Обошлось... Запомнились Титову и бои за Вену.

Многогранны были задачи Титова. И если бойцы после боя могли передохнуть, то голова контрразведчика не знала передышки. Постоянно, как сжатая пружина, патрон перед выстрелом, он должен был быть начеку. Такие вот были будни контрразведчика старшего лейтенанта Титова. Боевые будни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Под контролем чекистов

Радиоигры и «деза»

В летний день сорок четвертого года были захвачены немецкие парашютисты — агенты Гурнов и Сотников. Это были бывшие советские военнопленные — нынешние выпускники школы «Цепелин-Норд». У них были обнаружены радиопередатчик, оружие, крупная сумма денег. Начальник 3-го отдела ГУКР СМЕРШ Барышников вышел с предложением к руководству о включении рации агентов в работу под контролем нашей контрразведки с использованием немецкого радиста. С арестованными Гурновым и Сотниковым провели индивидуальную вербовочную работу. В результате Гурнов, в действительности Аркадий Щербань, легко пошел на контакт и согласился сотрудничать с органами государственной безопасности. Сотников на вербовку не согласился. Гурнов-Щербань был включен в радиоигру¹ на изъятой рации.

Немцы тщательно готовили агентов-радистов. До переброски агента-радиста через линию фронта его манеру, индивидуальные особенности работы на ключе записывали на пленку. «Радиопочерк» потом можно распознать так же, как соответствующие специалисты определяют почерк по рукописи или обнаруживают пишущую машинку, на которой напечатан исследуемый документ. Такой контроль был предусмотрен для того, чтобы разведцентр во время радиосеанса связи с агентом был абсолютно уверен, что передачу ведет именно он, а не подставное лицо. Немцы могли не сомневаться, что сеанс радиосвязи проводит их агент Гурнов, но у них не могло быть полной уверенности: не работает ли он под контролем советских органов безопасности. И тут

---

¹ Радиоигра — продолжение работы на захваченной у вражеского агента радиостанции с целью дезинформации противника.

играла роль ценность передаваемой агентом информации. Задача нашей спецслужбы состояла в том, чтобы немцы поверили в нее.

Введение в заблуждение специальных служб врага, а в ряде случаев, следовательно, командования его вооруженных сил и даже руководителей государства путем успешной операции по дезинформации — «дезы», считается для любой разведки высшим пилотажем. Профессионализм, класс контрразведчиков, в свою очередь, определяется способностью отделять «дезу», какой бы она соблазнительной ни казалась, от достоверных сведений. Следует заметить, что подготовка любой дезинформации — очень трудоемкая процедура. В ней участвует группа лиц: контрразведчики и старшие офицеры штаба. Подготовка эффективной «дезы» требует изобретательности, использования необычных приемов. История тайной борьбы знает немало примеров применения «дезы».

Немцы создавали казачьи формирования и национальные батальоны из предателей. С целью борьбы с ними было решено провести операцию по их разложению. Для этого намечалось дискредитировать видных руководителей казачьих и других формирований, вызвать у немцев недоверие к ним. Ростовские чекисты выбрали объект для заброски в тыл гитлеровцам. Были составлены дезинформационный материал и соответствующие письма, оформленные в виде обращений на имя видных руководителей казачьего Войска Донского. Содержание личных писем не внушало ничего подозрительного. Однако в одном из писем тайнописью была написана специальная директива, адресованная на имя Одноталова — руководителя ростовского казачества, председателя малого войскового круга. В тайнописи сообщалось, что план восстания казаков против немцев одобрен командованием Красной Армии и им желают успеха в ликвидации гитлеровцев.

«Деза» была солидной, но как ее донести до немецкой контрразведки? Решили забросить к немцам якобы с нераскрывшимся парашютом захваченного ранее видного руко-

водителя полиции, предателя Родины некоего Середу. Его знали в лицо все полицейские и офицеры казачьих формирований.

Справка

В 1960 году Верховный Совет СССР принял дополнение к статье 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления: не подлежит уголовной ответственности гражданин, завербованный иностранной разведкой, если он во исполнение преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой.

Чекисты сделали Середе ложное вербовочное предложение. Для искупления вины перед Родиной он должен был выполнить задание органов госбезопасности на территории противника. Изменник легко пошел на вербовку, втайне предвкушая, как сразу же после приземления явится к своим немецким хозяевам. Для выброски предателя инструкторы парашютно-десантной службы подготовили нераскрывающийся парашют.

Труп Середы с документами был найден вражеской контрразведкой на контролируемой гитлеровцами территории. В результате реализации замысла советских чекистов казачья дивизия была снята с фронта и по частям, без оружия, направлена в глубокий тыл.

* * *

Начальник ГУКР СМЕРШ Виктор Абакумов ради интересов дела не соглашался с существовавшим тогда законом: согласие советского человека на сотрудничество с иностранной разведкой — уже измена. Абакумов освобождал явившихся с повинной немецких агентов от уголовного наказания, что резко поднимало эффективность борьбы с вражеской разведкой.

Так что Абакумов опередил время.

Гурнов сообщил немцам по радиции, что они с Сотниковым благополучно прибыли в Вологодскую область, но Сотников повредил ногу при приземлении.

Так как он на вербовку не соглашался, чекистам нужно было что-то предпринимать. В СМЕРШе решили скомпрометировать Сотникова в глазах немцев. Гурнов в одной из своих передач сообщил немцам, что Сотников ничего не хочет делать, трусит, много пьет, и запросил дальнейших указаний по этому поводу. «Цеппелин» не замедлил с ответом. В переводе языка точек и тире на обыкновенный значило: «Сотникова ликвидировать». Что и требовалось чекистам. Была установлена настоящая фамилия Сотникова — Артамонов. По окончании следствия военный трибунал приговорил Артамонова-Сотникова к расстрелу. Но еще до этого немцы получили короткую депешу от Гурнова всего в два слова: «Сотников уничтожен».

В ходе радионгры Гурнов сообщил немцам, что завербовал дезертира, но тому нужны документы. Указал данные завербованного. Кроме того, Гурнов передавал по радиции немцам «секретные» сведения по интересующей немецкую разведку тематике. Откуда он их черпал? Согласно разработанной легенде, он познакомился с машинисткой штаба воинской части.

Радиограммы своего агента немцы подвергали тщательному изучению специалистами, что налагало особые требования к подготавливаемой «дезе».

Щербань-Гурнов сообщил немцам, что у него есть возможность организовать явочную квартиру для очередного агента. На квартире будет находиться завербованный дезертир, по его мнению, надежный. Наживка была заброшена, оставалось только ждать.

Стать «надежным дезертиром» предстояло лейтенанту Константину Сумцову. Удачно вернувшись из немецкого тыла, Сумцов полагал и дальше участвовать в зафронтовой работе, однако руководство посчитало это для него слишком рискованным.

— У немцев твоя личность запечатлена. Не будем ри-

сковать, — сказал Тимофеев¹, начальник отдела контрразведывательной работы в тылу противника. И Сумцова перевели в ведение 3-го отдела ГУКР СМЕРШ — борьба с агентурой противника, который возглавлял генерал-майор Владимир Яковлевич Барышников². В 1943—1944 гг. — начальник отделения радиоигр.

Сумцов участвовал в операции по поиску и задержанию в городе Молотове агента «Цеппелина», окончившего разведывательно-диверсионную школу в Пскове.

Отдел Барышникова занимался и проведением радиоигр. Организуя их, советская контрразведка ставила перед собой оперативную задачу — парализовать работу вражеских спецслужб, прежде всего абвера и «Цеппелина», по основным линиям их деятельности: ведение шпионажа, диверсий и террористических актов.

Лейтенант Константин Сумцов принял участие в радиоигре «Янус». А на этот раз ему предстоял поединок с «Цеппелином».

Через несколько дней немцы радиовали: «В ближайшие дни курьер доставит все, что вам нужно, а также документы для дезертира и Гурнова. С их получением пусть он срочно едет в Молотов и подготовит все для радиста, который прибудет позже прямо к нему. Мы пришлем вам надежного курьера. Он доставит запасное питание к радиостанции, чистые бланки советских документов, деньги».

...Резкий звонок поднял находившихся в комнате Гурнова и Сумцова. Гурнов открыл дверь. На пороге стоял человек в форме лейтенанта Красной Армии.

— Аркадий Петрович? — спросил он.

Гурнову сохранили его имя, а отчество изменили. Щербань был Аркадий Григорьевич.

---

¹ Петр Петрович Тимофеев с мая 1946 г. — зам. начальника ПГУ МГБ СССР. С 1948 г. — в запасе по болезни. Генерал-лейтенант Тимофеев умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

² Владимир Яковлевич Барышников в 1953—1958 гг. — зам. начальника управления «С» ПГУ КГБ при СМ СССР. Генерал-майор Барышников умер 12.11.1971 г.

— Пожалуйста, проходите.

— Зашел к вам передать привет от добрых старых друзей, — это был пароль.

— Старым друзьям всегда рады, — произнес Гурнов отзыв.

Пройдя в комнату, лейтенант представился:

— Марк Володин. Можно просто Марик.

Володин снял с плеча вещмешок. Похлопал по нему:

— Здесь кварцы для передатчика, деньги 400 тысяч, погоны старшего лейтенанта Гурнову.

Внимательно оглядев Сумцова, Володин протянул ему паспорт.

— Вклеим фотографию, и ты Елкин Владимир Степанович. А еще у меня документ — твое освобождение от военной службы. По состоянию здоровья. Так вот, Елкин-Палкин, — закончил он насмешливо, но, встретив недобрый взгляд Сумцова, осекся. Понял, с таким шутить не надо.

Через день Гурнов уехал, и Сумцов остался с Володиным. До своего отъезда Гурнов передал Сумцову, ставшему Елкиным, «машинистку» — источник секретной информации.

* * *

Сумцову Марк не понравился. Вражеский агент и не мог вызвать у чекиста симпатии, но Константин вида не подал. Ему нужно было постичь его сущность.

— Перекинемся в картишки? — предложил Марк.

— Не играю, — коротко ответил Константин.

— Ну, не в очко, в дурачка...

— Бери книги — читай.

Сумцов, применяя различные приемы и уловки, пытался узнать об агенте как можно больше. Тот же отмалчивался. Ходил по комнате, напевал, то «В парке Чаир распускаются розы...», то «Утомленное солнце нежно с морем прощалось. В этот час ты призналась...».

— Эх, был бы аккордеон, сыграл бы «Розу-Мунде».

«Музыкант», — окрестил Сумцов вражеского агента.

Шли дни. Сумцов собирал «сведения», могущие заинтересовать немцев, Марк передавал их в центр.

Получив очередное сообщение от немцев, Марк сказал:

— Нам скоро предстоит перебазироваться туда, куда отбыл Гурнов. Речь идет об активной борьбе с большевиками в их глубоком тылу.

«Стало быть, в Молотов? «Цеппелин» накапливает там силы...» — подумал Сумцов.

— Надоело мне здесь, — заговорил Марк. — Рутинная работа. А я взрывать хочу! Знатный фейерверк сделаю. И чтобы людишек побольше в небеса вознеслось.

— Людей не жалко? — Сумцов осуждающе посмотрел на агента.

— Чего? — удивился Володин. — Их как клопов давить надо, и чем больше, тем лучше.

«Опасный субъект, террорист. Его необходимо окоротить. И поскорее», — решил Сумцов, спросил:

— Со взрывчаткой обращаться умеешь?

— А то!

«Откуда он такой? Как появился в нашем обществе этот моральный урод?» — задумался Сумцов.

Слова Марка Володина покоробили Константина. От них Сумцову стало не по себе. Однако... В интересах дела приходится терпеть рядом и такого подонка... Но вида Константин не подал. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Владеть собой он умеет. Готовясь к деятельности зафронтového разведчика, многому научился. Все время, даже наедине с самим собой веди себя так, если бы за тобой наблюдали враги. За выражением своего лица следи тоже. Научись владеть лицом. Это очень важно. Тогда ты ни глазами, ни мускулами не выдашь своих мыслей и чувств.

* * *

В очередной радиограмме «Цеппелина» было: «Марку Володину необходимо познакомиться с источником информации...»

— С чего бы это? — озадаченно произнес Сумцов.

— На всякий случай. Может быть, тебя отправят вслед за Гурновым... Я один останусь... — рассуждал Марк.

— Раз надо, стало быть, надо. И приказы не обсуждают, их выполняют, — Сумцов высказал свое отношение к указанию центра.

Чекисты предусмотрели всевозможные ситуации, мыслимые и немыслимые, и источник информации — «машинистка воинской части» — была наготове.

На следующий день Сумцов, демонстрируя все меры предосторожности, повел Марка знакомиться с машинисткой.

— На чем ее удалось захомутать? — спросил Марк по пути к машинистке.

— Деньги любит.

— Ясно.

Роль «машинистки» прекрасно сыграла Марина Евсеева. Миловидная молодая женщина. Крупная, высокого роста.

— Нда-а, — протянул Марк, глядя снизу вверх на рослую женщину. Бесцеремонно стал ее рассматривать.

— Ну чего уставился! — посмотрев сверху вниз на тщедушного Марика, осадила Марина. — Говорите о делах.

Сумцов показал на Володина, сказал:

— Возможно, он вместо меня будет приходить к тебе, Мариша. Условия прежние.

— Усекла.

Вот и весь разговор. Сумцов и Володин ушли. Обратной дорогой Марк выплеснул из себя впечатления от встречи с Мариной Евсеевой.

— Машинистка! Это целый машинист. Как она только своими грабками по машинке бацает...

— По-твоему, машинистки — такие воздушные создания, молоденькие девочки, кисейные барышни...

— Ну уж эта слишком крупногабаритная! Жадная!

— С чего ты взял?

— На ней рыжья¹ сколько!

---

¹ Рыжье — золото.

— Чего?

— Золота. Рыжие бока. Часы... Три обруча на пальцах. Рыжие... Золотые.

— У тебя же и словечки.

— Элементарная феня¹. Я ведь по фене ботаю².

— И долго чалился³?

— До звонка. Смыться не удалось.

Уголовник, понял Сумцов. О своем же прошлом Марик не стал распространяться.

* * *

Федор Нимцов из-под Новороссийска — картежник и мошенник — перед войной был осужден за кражу. В пересыльной тюрьме Федыку проиграли в карты. Проигравший должен был его задушить. Посчитали его за фраера... Но ему все же повезло, разобрались — свой — вор. Смертельная опасность для Нимцова не прошла бесследно. Ожесточился до крайности. Нимцов возненавидел весь мир. Из мест, где отбывал наказание, Нимцов освободился, по его мнению, не вовремя — шла война. Ему бы пересидеть ее в тюрьме... Больше месяца он прятался у бабушки в погребе, но дальше сидеть в темноте все же не выдержал. Выбрался на белый свет и вскоре был призван в действующую армию. Оказавшись на передовой, перебежал к немцам. После тщательной проверки Нимцова, — а немцы проверять умели, — они убедились в его патологической ненависти ко всему советскому и решили направить ее в нужное им русло. Подготовили уголовного для диверсионной заброски в советский тыл. Федыка Нимцов, он же Марик, и не скрывал перед Сумцовым своей уголовной сути. Как-то хвастнул: «У меня житуха была! Для меня сдернуть лопатник у фрайера⁴ — тьфу!»

---

¹ Ф е н я — воровской жаргон.

² П о ф е н е б о т а т ь — говорить на воровском жаргоне.

³ Ч а л и л с я — отбывал срок наказания.

⁴ У к р а с т ь кошелек из кармана — (*вор. жарг.*).

Константин заметил, как при встрече с Мариной Евсеевой Марик ел глазами золотые вещи женщины. «Жадный», — оценил он интерес уголовника. Сам же Константин спокойно относился к золоту. Оно его не интересовало, не волновало. Другое дело — часы, нужная вещь.

* * *

— Ин Пари, ин Пари медхен зинд зо зюс (В Париже, в Париже девушки так сладки), — расхаживая по комнате, напевал Марк песенку из кинофильма «Под крышами Парижа». Фильм этот видеть Константину не удалось, но его школьный друг Борис Крылов часто исполнял вальс-бостон из этого фильма. Услышанные слова песенки возвращали Константина в безмятежные, счастливые дни юности. То, что ее напевал предатель, вражеский холуй, было для Сумцова нелепым, диким. Борис погиб в сорок третьем, в дни, когда гитлеровцы топтали своими сапогами улицы Парижа. Константин получил от друга только одно письмо с передовой. *«Пишу в перерыве между боями. Не знаю, останусь ли жив...»* Эти строки навсегда впечатались в память Константина Сумцова. Бориса нет... А этот гад поет. Больше всего в жизни Сумцов ненавидел предательство. Константин почувствовал, как захотелось ему грохнуть стул на голову гнусного подонка.

Вспомнилось выражение времен гражданской войны: «Стенка по нему плачет», когда для расстрела человека ставили к стенке. По Марку этому не только стенка плачет, но и петля ждет не дождется. А может быть, он псих?..

Сумцова интересовала психология предателя, и общение с подобными типами на вызывало у него опасения, боязни. Держался он спокойно, естественно наводил Марка на нужный разговор, получая нужные сведения. Константин понял, «Цеппелин» основательно готовил своего агента. И тот, кто называл себя Марк Володин, был хорошо подготовленным радистом.

Немцы считали, что советские граждане, сдавшиеся или захваченные в плен, самым ходом военных событий подготовлены к союзу с немецкой разведкой. Но это было заблуждение. Немало было тех, кто предпочел смерть в гитлеровских концлагерях и тюрьмах сделке с совестью, не шел в шпионы. Особенно в первый период войны немцы еще слабо представляли методы работы нашей контрразведки. То, что любой, находившийся за линией фронта человек, тем более побывавший в плену, автоматически попадал в число возможных врагов, во всяком случае, причислялся к лицам, требующим проверки, стало понятно немцам позднее. Василия Клубкова, предавшего Зою Космодемьянскую, немцы после недолгого обучения в разведшколе под Смоленском, в местечке Красный Бор, намерены были внедрить в разведотдел Западного фронта, туда, где он служил ранее. Работа военной разведки весьма интересовала немцев. Они наивно полагали, что бывший разведчик-диверсант Клубков, вернувшись в родные пенаты, имеет шанс возвратиться обратно в строй, в свою часть. Контрразведчики быстро «раскололи» предателя, и он получил свое — по заслугам. 16 апреля 1942 года Василий Клубков был расстрелян.

Для наших контрразведчиков абвер и СД были весьма серьезными противниками. Там работали профессионалы. Абвер и СД, в частности «Предприятие Цеппелин», привлекали себе в помощь специалистов самого разного профиля для решения бесчисленного множества мелких и крупных проблем материально-технического обеспечения, успешной деятельности агентуры. Например, для тайнописи специалисты-химики разработали состав, который невозможно было обнаружить ни химическими реактивами, ни с помощью инфракрасных лучей. Главным компонентом этого состава была кровь... самого агента. В случае необходимости агент укалывал себе палец, выдавливал каплю крови на кончик пера, где она смешивалась с раствором, и смесь для написания тайных донесений была готова. Сначала строчки были красного цвета, но через несколько минут исчезали.

Только тот, кто знал тайну применяемого состава, мог проявить написанное и восстановить текст. Военные инженеры изобрели специальные приспособления, с помощью которых миниатюрные мины нажимного действия прикреплялись немецкими диверсантами к шейке рельсы так, что с движущегося поезда их обнаружить было бы невозможно. Камуфлировалась взрывчатка — ее упаковывали в виде брикетов пищевых концентратов.

* * *

Сумцову нравилось избранное им направление деятельности СМЕРШа. Благополучно для него завершилась зафронтная разведка, полная опасностей, смертельного риска. Не лишённая опасности была и радиоигра. Обычную будничную работу оперуполномоченного он сейчас вспоминал с улыбкой. А ведь и там не все было просто. Ему встречались люди разные, с разными характерами.

У Сумцова — человека коммуникабельного, чуткого, умного — работа с агентурой ладилась. Все люди разные и подход к ним, общение должно быть разным. Это Константин усвоил, встречаясь с агентами. Во главу угла сотрудничества того или иного лица с органами безопасности Сумцов ставил строгий принцип конспирации. Не забывал об этом сам. Этому учил своих помощников. Ни одна спецслужба в мире не раскрывает свою агентуру. Ни при каких обстоятельствах она не признает конкретного человека своим агентом. Это непререкаемый закон спецслужб. Конечно, случаются исключения. Так, отечественная спецслужба в конце войны довела до сведения немцев то, что Бронислав Каминский, получивший звание бригаден-фюрера СС — генерал-майора, был осведомителем НКВД. Иные наши попытки уничтожить лютого врага, по сути командира дивизии СС, не увенчивались успехом. Гитлеровцы убили Каминского, обставив это так, будто бы с ним расправились партизаны. Каминский, опасный враг, предатель, получил свое от своих же хозяев.

Для Сумцова тягостным было общение с Мариком Володиным. А как избавиться от него? Арестовать... Пойдет ли он на вербовку — вопрос... Без него радиоигра может провалиться — почерк радиста Володина в «Цеппелине» знали. Приходилось использовать его втемную. Игра продолжалась. Пока все шло благополучно. От неудач же никто не застрахован. Пример тому — деятельность на оккупированной территории резидентуры НКВД, в которой работала Любовь Шевцова. Она приобрела широкую известность после книги Александра Фадеева «Молодая гвардия» и одноименного фильма Сергея Герасимова. Шевцова была активным членом действовавшего в Краснодоне молодежного отряда под названием «Молот». (А. Фадеев придумал ему название «Молодая гвардия».)

По словам Вали Борц, «...организация была малочисленной и называлась отрядом «Молот». Командиром был Виктор Третьякевич, комиссаром — Олег Кошевой, а членами штаба — Иван Земнухов, Сергей Тюленин и Ульяна Громова. Позже штаб увеличился на Любу Шевцову.

...7 ноября вывесили на зданиях угольного дирекциона и клубе шахты № 5-бис красные флаги.

Была сожжена биржа труда, в которой хранились списки советских граждан, подлежащих угону в Германию. Поджигали биржу труда Шевцова, Лукьяненко и Тюленин».

Из материалов дела № 20056,
находящегося в Центральном архиве ФСБ России

Л.Г. Шевцова прошла кратковременное обучение в специальной школе НКВД в городе Ворошиловграде, где готовили агентов, радистов и диверсантов для работы в тылу противника. Она была зачислена в разведывательную группу «Буря», которой руководил Кузьмин. Действовала эта группа в Ворошиловграде и в ближайших районах. В задачу группы входили сбор информации о политическо-экономических мероприятиях оккупантов, выявление и уничтоже-

ние предателей и изменников Родины, установление мест дислокации немецких воинских частей, баз, складов, аэродромов, подразделений полиции абвера и СД.

Группа «Буря» начала действовать 17 июля 1942 года и сразу столкнулась со многими проблемами. Кузьмин хотел спрятать радиостанцию на конспиративной квартире, но ее хозяин, агент НКВД, заявил руководителю группы:

— Хранить радиостанцию не буду. Боюсь... Ее найдут немцы.

Кузьмину ничего не оставалось, как спрятать станцию у себя.

Начиная с 24 июля 1942 года Любовь Шевцова постоянно пыталась установить связь с радиоцентром НКВД, находившимся в одном из городов Воронежской области. Но тщетно... Рация НКВД сигналов не принимала, на вызовы не отвечала. Молчала. До 10 августа продолжались безуспешные попытки установить связь. Оставленная разведгруппе «Буря» радиостанция оказалась негодной для связи с главным радиоузлом НКВД. До него она не могла «дотянуться». Была маломощной. Хотя до радиоцентра по прямой было всего 360 километров.

Что было делать руководителю группы? В августе сорок второго Кузьмин принимает решение: для установления надежной связи направить через линию фронта связника-разведчика. Но тот отказался выполнить приказ командира — сослался на плохое состояние здоровья. Кузьмин пытался найти курьера, но все было безуспешно.

Неудачи оглушили Кузьмина. Он совсем растерялся... 19 августа Кузьмин уничтожил радиостанцию, шифры и батареи питания. Вместе с женой бежал в село Закотное Новопсковского района Ворошиловградской области. Прожил там до прихода Красной Армии.

Бежав из Ворошиловграда, Кузьмин никому не сказал ни слова о своем отъезде. Не предупредил ни радистку Любовь Шевцову, ни других участников своей группы. Спецгруппа «Буря» прекратила существование — ее участники по ус-

ловиям конспирации не знали друг друга. Они имели выход только на одного руководителя группы. Попытки Шевцовой найти Кузьмина ни к чему не привели. Она хотела уговорить его перебраться с группой в Краснодар, где, по ее мнению, «создались благоприятные условия для разведработы». В похожей ситуации оказались и еще несколько заброшенных в район Донбасса разведывательно-диверсионных групп НКВД. После проведения первых сеансов радиосвязи большинство радиостанций разведгрупп замолчало. Это было связано с плохой подготовкой радистов и с чередой провалов сотрудников НКВД.

Впоследствии после освобождения территории Красной Армией было установлено, что один из выпускников Ворошиловградской школы НКВД переметнулся на сторону немцев и стал выдавать своих бывших товарищей по учебе. После разгрома немецкой контрразведкой ряда разведывательно-диверсионных групп НКВД в Ворошиловградской области еще несколько бывших агентов НКВД стали сотрудничать с немцами. Двое из них — Шаповалов и Кошуба — были даже устроены на службу в абвергруппу в Ставрополе.

К 1942 году советские органы госбезопасности еще не в полной мере оправались от неудач летней кампании 1941 года. Советская разведка и контрразведка в течение всего 1942 года стремились переломить ситуацию в свою сторону. Но к лету 1942 года НКВД так и не смог собрать достоверной информации о военных планах немцев, что и стало одной из причин летних неудач Красной Армии. Лишь к концу 1942 года ситуация была переломлена, и инициатива безоговорочно перешла на сторону советских органов государственной безопасности. В свою очередь, им требовалось совершенствование, реформирование. Своевременным явилось создание в апреле 1943 года ГУКР СМЕРШ НКО СССР.

В него пришли офицеры из разных родов войск. Неплохо показали себя пограничники. Конечно, процесс становления у них шел по-разному, и стать настоящим контрразвед-

чиком за один день нельзя. Но большинство из пришедших в СМЕРШ стали опытными профессионалами. Пример — судьба пограничника Константина Сумцова.

СМЕРШ весьма успешно противостоял немецким спецслужбам, а в радиоиграх явно переиграл гитлеровцев. Многие из забрасываемых в советский тыл немецких агентов находились под контролем чекистов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Поединок

Сумцову снилась всякая чертовщина, но, открыв глаза, сразу забыл о происходившем во сне. С удивлением увидел направленный в свой лоб ствол «вальтера».

— Сейчас ты, энкавэдист, мне все-все расскажешь. Какой ты липовый дезертир! — злобно закричал Володин.

Говорят, в минуту смертельной опасности в сознании человека проносится вся его жизнь. У Сумцова появилась только одна мысль: «Где же я прокололся?» Ведь вел себя очень осторожно. Два дня назад водил Володина к «источнику информации» — машинистке. Познакомить их на всякий случай, если последует команда ему отбыть куда-то. А Володин останется один. «Подожди здесь. Проверю, можно ли идти дальше», — сказал Володину. Постояю, думаю, в кустах несколько минут, вернусь и скажу: «Проверил. Порядок. Можно идти». Однако играть-то мне нужно, как следует. Выбрался из кустов. Вышел на деревенскую улицу, подошел к дому, вошел во двор. Постоял там. Вышел со двора и нос к носу столкнулся с Марком. Он, оказывается, следовал за мной тихо, лисичкой.

— Ты чего! Я сказал ждать! — напустился тогда на Володина. Тот виновато промолчал. «Что он знает? Или блефует... Что он хочет? Что ему нужно? — лихорадочно вертелось в голове. — Что мы имеем... Ствол, приставленный к моей голове. Руки же свободны. А ведь мог бы меня и спеленать. Однако, видимо, не рискнул — опасался, я про-

снись. Секунды, идут секунды...» Внезапно, сделав испуганное лицо, глянув куда-то вверх, в потолок, Константин дико закричал:

— Ой-ой!

Володин на секунду отвел глаза от Сумцова, тоже посмотрел вверх и получил удар по руке с пистолетом, а затем еще более сильный ребром ладони по своей шее. На какие-то минуты он вырубился.

Сумцов поднялся. Мгновение смотрел на лежащего на полу Володина. Кое-чему он, Сумцов, научился в школе СМЕРШ, и еще в школе абвера ему добавили науки — приемы борьбы усвоил хорошо.

Через несколько минут Володин поднял голову и, встретившись с пронзительным взглядом карих глаз Сумцова, услышал.

— Оклемался. Прикончу тебя как падаль!

— Не стреляй. Я пошутил! — в страхе закричал Володин.

— За такие шутки получишь пулю в лоб, — спокойно сказал Сумцов.

Спокойные слова Константина еще больше напугали Марка, он заскулил.

— Я проверял тебя! Поверь мне... Я тебе буду верно служить.

— Он проверял... Что же, недоверие не самая плохая черта разведчика. Ладно, живи, — великодушно сказал Сумцов.

— Да, мы с тобой такие дела еще провернем.

— Но я не намерен и дальше сносить твои чудачества. Ты мой напарник. Друг другу мы нужны. Только жить отныне будем в разных местах. — В одной комнате жить с ним опасно, такой может ночью прирезать. Зачем мне рисковать... Решив как бы отомстить шпиону за пережитые неприятные секунды, Константин в упор посмотрел в зрачки Володина. — Радуйся, что остался жив. У меня рука крепкая.

— Я это почувствовал.

— Вот и хорошо. Впредь усвой — со мной шутить опасно.

Сумцов вспомнил о высказанном Володиным желании взрывов, убийства людей. Какой-то патологический тип свалился на мою голову. Откуда у этого Марка такое человеконенавистничество. А может быть, он шизофреник... Или уж во всяком случае, с отклонениями... Ведь сколько людей с отклонениями! И никто никогда не сможет ответить, какой процент таких лиц ходит по улицам. Тем более что психические отклонения у людей бывают сезонными.

«Нет, этот «музыкант» не дурак и очень сам себе на уме, — размышлял Сумцов. — Я его окрестил «музыкантом». Какой он музыкант... Или, как говорят на жаргоне, «лабух». Настоящие музыканты — это своеобразная каста со своими правилами, даже языком. Например, женщина на их языке «чувиха». «Верзовая чувиха» — плохая женщина. От слова «верзоха» — задница. «Лажа» — отрицательная оценка, плохо, скверно, обман. От этого, наверно, возникло бытовое выражение — «облажались». У музыкантов свои игры, а у нас свои — смертельные».

Разведка не кружок филателистов, и деятельность разведчика сопряжена со смертельной опасностью. Не менее опасна и работа контрразведчика.

Сумцов вспомнил рассказанный ему в свое время капитаном Маниловым эпизод из его боевой деятельности, еще в предвоенный год.

«...Нам предстояло задержать опасного немецкого агента. Он ехал в поезде, в который мы сели, чтобы взять его. Знали, шпион вооружен: пистолет, граната. Не знали только, в каком вагоне он находился. Я был в первом вагоне, мои ребята — в последнем. Через проводников узнал, интересующий нас человек едет в восьмом вагоне. Как его взять? Я в военной форме. Меня к себе не подпустит — может сразу стрелять... Ребята в гражданской одежде... Как сообщить им... Что делать? Мне перейти по крышам вагона — услышит. Насторожится. Таковую перестрелку устроит... Как тут быть? И я решился, когда поезд замедлил ход, спрыгнул на землю... Пропустил мимо вагоны... Уцепился за подножку последнего, забрался внутрь. Еле отдышался. Нашел ребят.

Шпиона взяли тихо, без выстрелов. Но вагоны, мелькавшие передо мной, запомнил на всю жизнь».

Для Сумцова это был пример правильного решения, но не лишённого опасности. Он мысленно назвал этот эпизод из жизни бывшего чекиста «Вагоны Манилова».

В жизни Сумцова случались эпизоды, которые он называл «Вагоны Манилова». При этом он говорил: «Вот такие вагоны».

СД был эффективнее в своей карательно-репрессивной деятельности, нежели в сфере настоящей агентурной диверсионной работы в условиях военного времени на территории противника. Далеко разведчику СД до абвера. Достаточно вспомнить попытку «Цеппелина» покушения на Сталина¹, в документах СМЕРШ известную как радиоигра «Туман». Агент «Цеппелина» Таврин П.И. по документам был майор СМЕРШ, Герой Советского Союза. Таврину дали Золотую Звезду Героя, четыре ордена и две медали. А тогда, осенью 1944 года, в СМЕРШе был только один Герой — старший лейтенант Петр Жидков. Ему присвоили это звание 10 января 1944 года посмертно.

Со своим иконостасом на груди Таврин даже в Москве, не говоря о других городах, пояись на улице, вызвал бы повышенное внимание. Нарушена была азбучная истина: разведчик не должен выделяться. Ордена Красной Звезды и Александра Невского Таврину привинтили к левой стороне гимнастерки, а их полагалось носить на правой. Эта операция «Цеппелина» носила какой-то опереточный характер.

«Цеппелин» во многом уступал абверу. И если в подготовке покушения на Сталина «Цеппелин» допустил ряд ляпсусов, то в деле проверки надежности агентов действовал целенаправленно, жестко. Отобранные для вербовки лица переводились в специально созданные «Цеппелином» лагеря для последующей углубленной проверки и обучения. После прибытия в лагерь каждый завербованный имено-

---

¹ Юрий Ленчевский. «Они из СМЕРШа». М.: Граница, 2008. С. 156—166.

вался «активистом». До мая 1943 года в особых лагерях проводилась тройная фильтрация каждого такого активиста.

После тщательной фильтрации наиболее проявившие себя агенты направлялись в разведывательно-диверсионные школы «Цеппелина» — гауптлагеря. В них агенты получали квалификацию разведчиков, радистов, диверсантов, пропагандистов либо овладевали сразу двумя такими специальностями. Да, своих агентов «Цеппелин» проверял тщательно. В этом Сумцов смог лишний раз убедиться.

Марк получил радиограмму «Цеппелина»:

«Проверьте надежность привлеченного лица. Варианты на ваше усмотрение: ликвидация советского функционера, военнослужащего, взрыв».

— Что делать будем? — нерешительно спросил Марк. После истории с пистолетом, направленным на Сумцова, Володин стал обращаться к своему напарнику по-другому, без присущей ему наглости, подобострастно.

Константин и Марк стали жить на разных квартирах. Тот эпизод с Марком дал основание Сумцову разъехаться с подонком. Все, что ни делается, все к лучшему, если не всегда, то часто. Константин избавился от тягостного соседства, чему был рад. Жить с врагом, да еще психом было опасно, тревожно. «Из зафронтной разведки я вернулся живым, невредимым. Побывал в логове врага... И сложить голову на своей родной земле было бы очень обидно... А этот псих может меня ночью зарезать...» Избавиться же от подонка было нельзя.

Его почерк — почерк радиста — знали в «Цеппелине». И вот случай помог...

— Так что делать? — повторял вопрос Марк.

Сумцов задумался. Ответил:

— То, что нам предлагают, связано с большим риском. Может привести к провалу... Застрелить кого-то — это шум, следствие... Нужно устроить взрыв. Ты же взрывы любишь!

— Взрывать должен ты.

— Ну да, проверяют меня. Но мы сделаем это вместе, взрывчатку я достану.

— Хорошо, — в глазах Марка появился блеск. Он спросил: — А что взрывать будем?

— Подумаем.

И вот они шли взрывать поезд. Подошли к лесу. Темная громада надвигалась на них. Сумцов любил лес. Ему нравилась стройная величественная сосна. Самозабвенно любил березы. Однажды где-то прочитал, что на сорокалетней березе двести пятьдесят тысяч листьев. Они весят тридцать два кило. Гектар березового леса отряхивает с ветвей каждую осень тридцать две тысячи килограммов сухой листвы. Сколько ее гниет в лесах... Есть романтика леса. Константин с удовлетворением вспоминал прогулки в лес, посиделки у костра. Но одно дело — приятное препровождение времени и совсем другая обстановка, когда надо было имитировать диверсионный акт. Удастся ли такая имитация...

— Взорвем рельсы, — предложил Сумцов.

— Поезд лучше. С людишками, — с язвительной усмешкой произнес Марк.

Сейчас в лесу рядом с Сумцовым находился враг... Его поведение непредсказуемо. И на душе у Константина было тревожно. Состояние Володина тоже нельзя было назвать спокойным.

— А мы пра-правильно идем? — заикаясь, с сомнением спросил он.

— Все тебе нейдет.

— Подумал, не заблудились ли...

— Ты еще думаешь. Иногда мысли приходят в голову, ошибаясь адресом.

Смешанный лес перешел в сосновый. Местные жители называли его сосной. За ним и проходила железная дорога.

Нервозность у Сумцова и Марка началась еще на выходе из поселка. Когда в узком темном переулке им навстречу шли двое. Медленно двигались молчаливые фигуры. Сумцову стало не по себе. А когда прошли, отлегло от сердца.

Они тихо прошли через лес, вышли на опушку. Осторожно, пробираясь сквозь густорастущие елочки, подошли к насыпи. Притаившись за еловыми ветками, осмотрелись. Невысокая насыпь здесь почти вплотную подходила к лесу, по другую ее сторону вдаль неярко светились окна избушек деревеньки. Они манили к себе, дразнили тишиной, уютom, отпугивали. Остановились... Володин положил взрывчатку у своих ног. Он нес ее. Постояли. Приготовились к закладке мины.

— Должен ты взрывать... — сказал Марк. — Но заложу я. Давно хочется сделать взрыв.

— Бери, — согласился Константин.

Константин внимательно наблюдал за возившимся у рельс Марком. Одновременно он смотрел по сторонам. В случае опасности, появления кого-либо должен был свистнуть. Но пока ничего не заметил, вокруг было безлюдно, тихо. Смотрел на часы. Марку пора было уже возвращаться, но он все медлил. А может быть, так Константину только казалось. Поезд должен уже подойти. В этот момент, закончив установку заряда, Володин кубарем скатился с насыпи, короткими перебежками достиг елей.

— Уложил, присыпал. Наступи — не увидишь, — пытался улыбнуться Марк. Теперь им оставалось только ожидать. И они ждали. При приближении поезда один из них должен был забраться на насыпь, поджечь шнур и за оставшиеся в его распоряжении 14—15 секунд убежать как можно дальше от места взрыва.

Время тянулось медленно. Они поминутно смотрели на часы, но это не помогало. С минуты на минуту ждали поезда. Оба нервничали. У каждого для этого были свои причины.

— Если должен быть поезд, то, значит, будет, — изрек Сумцов. Они не заметили, сколько еще времени прошло в ожидании, как на лугу перед лесом раздался свисток паровоза.

— Я пошел, — Константин рванулся к насыпи.

— Не... Я закладывал, мне и поджигать! — заявил Володин.

Константин громко выругался. А Володин вышел из ельника, ползком стал подбираться к насыпи. Сумцов нервничал, что же будет... Внимательно наблюдал за действиями Володина. Вот тот остановился. Зашарил рукой. Почему-то выругался — Константин услышал. «Шнур ищет. Он его песком притрусил, для маскировки», — подумал Константин.

Отдаленный шум нарастал, поезд приближался. Сумцов напрягся, вот-вот поезд выскочит из ельника... Константин хотел подбежать к насыпи... Но в это мгновение Володин медленно помахал ему рукой — все в порядке. Из-за поворота надвигалась многотонная громада, вспыхнули огни паровоза.

Если Марка обнаружат у рельс, машинист уже не успеет затормозить. Огни паровоза ближе и ближе. Кажется, они светят прямо на них. Константин подскочил к Володину, дернул его за рукав — пора уходить.

— Подожди, — отмахнулся Марк. Еще не сделано самого главного — не подожжен шнур. Константин снова потянул Володина. В этот момент тот чиркнул спичкой, и огонек весело побежал по насыпи, вверх к рельсам, к заложенному под ними заряду. А паровоз уже почти рядом, вот-вот наедет на подожженную взрывчатку. Константину казалось, поезд идет прямо на него, бежать уже поздно и некуда.

— Ух, и рванет сейчас! — воскликнул Марк. Они побежали. Когда, выбившись из сил, остановились в лесу, то шум поезда слышался вдали от того места, где был заложен заряд. Шум поезда удалялся, становилось тише и тише. В лесу стало тихо, совсем тихо.

— Ничего не понимаю, — растерянно проговорил Марк. Как же она не взорвалась... Она не могла не взорваться, — лепетал Володин.

— А это мы сейчас узнаем. Могла или не могла, — очень спокойно и тихо произнес Константин.

Они вернулись к елкам, пригнувшись подобрались к рельсам. Сумцов вытащил заряд. Все было, как и должно было быть. Мина была установлена правильно. Спустив-

шись с взрывчаткой и бикфордовым шнуром, они пришли в лес, и там при свете зажигалки стала понятна причина неудачи (задуманной Сумцовым). Подвел бикфордов шнур, метра за три до заряда прекратилось горение.

Молча, не проронив ни слова, они возвращались в поселок.

Вот когда Константин почувствовал большое удовлетворение — еще одну проверку «Цеппелина» ему удалось преодолеть.

— Завтра отправишь в центр радиogramму: «Взорвали железнодорожное полотно», — сказал Сумцов Марку. Подумал: «Что еще придумают в «Цеппелине»...» Ему оставалось только ждать. Продолжать играть роль вражеского пособника...

Вспомнилась чекистская операция «Трест», о которой он узнал во время учебы в школе СМЕРШ.

В двадцатые годы XX столетия чекистами была создана легендарная организация «Трест» из лиц, якобы борющихся с существующим строем.

План операции под названием «Трест» был искусно разработан Ф.Э. Дзержинским и его ближайшими помощниками.

Почти шесть лет длилась контрразведывательная операция ВЧК—ОГПУ под названием «Трест», завершившаяся в апреле 1927 года. Только благодаря опытности руководства ВЧК—ОГПУ и артистизму некоторых участников операция «Трест» просуществовала столь длительное время. Значение ее трудно оценить. «Трест» эффективно помогал срывать заговоры и террористические акты врагов советской власти, овладеть их связями с белогвардейщиной за рубежом. Благодаря «Тресту» многие подлинные контрреволюционеры находились как бы под колпаком чекистов. «Трест» противостоял Российскому Общевоинскому Союзу — РОВС.

Активное участие в этой операции принимал Тойво Вяяхя — начальник заставы Сестрорецкого пограничного

отряда. Особенно значительна его роль в задержании материю английского шпиона Сиднея Рейли-Розенблюма.

Тойво Вякя довелось играть роль «подкупленного» пограничника. И вот в течение длительного времени Тойво Вякя испытывал на себе всю тяжесть принятых на себя обязательств. Молодежь двадцатых годов воспитывалась в атмосфере преклонения перед героями гражданской войны. Вякя, как и его товарищи, ненавидел любой обман, изворотливость, двуличность.

В то же время он знал, что нет границ подлости, коварству белогвардейских недобитков, вражеской агентуры в их попытках досадить молодому Советскому государству. Поэтому разумом Тойво понимал, что борьба с опасными, жестокими врагами, разоблачение любых их провокаций требовали хитрости и смекалки.

Болью отдавался в душе каждый его шаг в необычной для него операции. Для начала по заданию чекистов Вякя установил контакт с контрабандистами. Контрабанда оказалась лишь приманкой для установления связей с вражеской агентурой. Очень скоро его «заставили» пропускать через границу русских монархистов и агентов английской разведки. Так Тойво стал своеобразным комендантом «окна», контролируемого чекистами.

Слишком необычной для него, пограничника, была эта роль. Трудная, смертельно опасная. Но он справлялся с ней. Порученное ему особое задание старался выполнить безупречно.

Нелегко было Тойво играть роль подкупленного финна. Опасно. Он играл ее не перед доверчивыми зрителями в театре, а перед не лишенными ума матерыми врагами, опытными, хитрыми, коварными. Провал мог стоить жизни. Однако одно дело — носить маску предателя перед врагами, но во сто крат тяжелее предстать в такой маске перед боевыми товарищами, единомышленниками. А ему довелось оказаться перед ними разоблаченным «пособником» врага. В интересах операции был пущен слух, что «предатель» Тойво Вякя расстрелян за измену Родине. Ему же за

участие в операции по поимке Рейли-Розенблюма вручили орден Красного Знамени. Выдали партийные и служебные документы на новую фамилию. Он стал Иваном Михайловичем Петровым. Его «спрятали» на Черноморском побережье. Стал начальником заставы в тогда глухой бухте Дюрсо. Была осень 1925 года. Тойво Вяяхя, уже Ивану Петрову, предстояло начинать жизнь сначала.

Константин Сумцов задумался о судьбе Тойво Вяяхя. Что делать — мне тоже приходится играть роль... Пока без выстрелов... Принято считать, где начинается стрельба, там кончается разведка. Ну это еще как сказать, понадобится стрелять — буду. В нашем деле всякое может случиться. Ведь часто ходишь по узкой тропочке между жизнью и смертью. И разведчик, как и сапер, ошибается только раз...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Провал акции «Цеппелина»

Точки и тире. Весь мир тогда разговаривал по радиотелеграфу точками и тире. В радиограмме «Цеппелина» сообщалось: «Володину и Елкину перебазироваться в район Чиатуры в Грузии. Там вас встретит Гурнов-«Цеппелин» сообщил место встречи с Гурновым. Далее в радиограмме было: «По прибытии на место сообщить. Работать на рации будет Гурнов. Володин обеспечит резервный канал связи. Да поможет вам Бог!»

— Вот те раз! — вырвалось у Сумцова. Он полагал, что его или же вместе с Марком направят в Молотов. Почему «Цеппелин» посылает их на юг? Что замыслили в «Цеппелине»? — размышлял Константин.

— Ну что же. Грузия так Грузия. Поживем и там, — высказался Марик. — Бывал я и в Грузии.

— А Чиатура знаешь где?

— Аллах ее знает... Где-то в Грузии... Найдем.

— Так не пойдет! Нужно детально изучить маршрут. Продумать меры предосторожности — едем ведь с рацией.

— С нею, родной.

— То-то же!

— Ну, чего мудрить... Завтра и выдвинемся, покинем насиженное место, — заявил Марк.

— Не пойдет завтра!

— Почему? Я в эфир отсюда уже ничего передавать не буду.

— Нужно с «машинисткой» попрощаться. Предупредить, что больше встречаться не будем.

— Ну, хорошо. Я схожу...

— Нет, на встречу с ней пойду я, — Константин твердо обрезал Марка.

Сумцов встретился с Мариной Евсеевой, попросил ее срочно связаться с руководителями СМЕРШ, сообщить о новом, пока неизвестном замысле «Цеппелина». Когда они встретились на следующий день, Марина сказала:

— Приказ руководства: не мешкая, направиться в Грузию. Документы у вас нормальные. При необходимости, исходя из обстановки, можно открыться Гурнову. Вот вам карта Грузии.

Сумцов и Марк склонились над картой Грузинской ССР. Ведя по ней пальцами, изучали местность.

— Полезная вещь, — сказал о карте Марк, поинтересовался. — Где достал?

— «Машинистка» организовала.

— Чиатура... Чиатура... — бормотал Марк. — Недалеко от Цхинвали. До Гори от Цхинвали тридцать километров. Гори — железнодорожная станция, недалеко от Тбилиси.

— При чем тут Гори? От станции Зестафони до Чиатуры тридцать-сорок километров. Нам нужно добираться до Зестафони.

Через несколько дней Сумцов и Володин встретились в Чиатуре с Гурновым. Тот устроился в квартире на окраине городка.

— Доложу в «Цеппелин» о вашем прибытии, — коротко сказал Гурнов. — Жить будете со мною.

— Хозяева где?

— В селе, у родственников. Здесь тихо и безопасно.

— А рация где? — поинтересовался Марк.

— В надежном месте.

— Но моя ведь тоже в строю. Исправная. Могу работать...

— Замри! Придет время — понадобится, — Гурнов осадил пыл Марка.

Шли дни... Гурнов получил радиограмму «Цеппелина»: «В ближайшее время в район вашего пребывания будет направлена специальная группа сотрудников «Цеппелина» в количестве семи человек. Подберите наиболее удачное место для высадки. Сообщите координаты. Да поможет вам Бог!»

Сумцов и Гурнов изучили окрестности Чиатуры. Подобрали площадку недалеко от опушки леса. Гурнов сообщил ее координаты в «Цеппелин».

Марк пытался давать Гурнову какие-то указания, но, услышав от него: «Не учи утку нырять», примолк.

Седьмого июля 1944 года «Цеппелин» сообщил:

«Ждите группу в ночь на 9 июля. Пароль «Привет от наших общих друзей». Отзыв: «Давно ждем».

На следующий день в ожидании агентов «Цеппелина» троица — Сумцов, Гурнов и Володин — не маялась от безделья, а испытывала душевное напряжение — ведь неизвестно, как пройдет высадка группы «Цеппелина». Встреча с ними... С сотрудниками НКВД...

— Елкин, сходи насчет шамовки. Надо ведь порубать, — Марк обратился к Константину.

— По-русски можешь говорить? Надоел твой уголовный жаргон. И, между прочим, я есть не хочу.

— А я хочу, — заявил Володин. — Иди!

Сумцову на самом деле не хотелось еды. Нервное напряжение накануне высадки вражеской группы не способствовало аппетиту. И еще он подумал о том, что возможное ранение в полный живот переносить тяжелее... Не исключал огневого контакта с диверсантами. Перестрелку...

Через час, вернувшись с продуктами, Сумцов встретил растерянного Гурнова.

— У нас несчастье... — Было заметно, нервы его напряжены до предела.

— Что такое?

— Марк упал... споткнулся... Ударился головой. — Константин посмотрел на кровать. Там под простыней с проступавшими пятнами крови угадывалось тело лежащего.

— Спит?

— Вечным сном.

Наступило тягостное молчание. Гурнов волновался, не зная, какой реакции на случившееся ожидать от Елкина. А Сумцов подумал о том, что нужно открыться Гурнову. Это будет полезно для предстоящих дел. Глянув в сторону кровати с Марком, бодро произнес:

— Он уже не проснется... Не встанет! И это слишком замечательно, чтобы быть правдой. Так-то, Аркадий Григорьевич!

Гурнова не так поразила реакция Елкина на смерть Марка, как произнесенное им «Аркадий Григорьевич». Его настоящее отчество знали только в «Цеппелине» и еще в СМЕРШе. Немецкий агент Елкин его знать не мог. Изменившись в лице, Гурнов, не скрывая волнения, тихо произнес:

— Я не Григорьевич... Петрович я.

— Не отказывайся от отца Григория. Не надо, — убежденно заговорил Сумцов. — Раскрою тебе секрет — я лейтенант госбезопасности, и зовут меня Константин.

— Так, стало быть, ты... — внезапно осипшим голосом произнес Гурнов, он же Щербань.

— Да, да!

— Я иногда подумывал об этом. Но думал — фантазирую. Во всяком случае, хотел, чтобы так было...

— Почему?

— Понравился ты мне. И еще всегда хочется верить тому, чему хочется.

— Ладно. Расскажи, как на самом деле было с этим Марком.

— Наставил на меня пистолет с криком: «Вот я тебя и расколел, энкавэдист!» Ну, я и приложил утюжок к голове гада...

«Да, повторяется Марк со своей патологической недоверчивостью... Точнее, повторялся... У него какое-то звериное чутье. Ведь основания сомневаться в верности немцам меня и Гурнова у него были...» — подумал Константин, сказал:

— Успокоил ты гада — это хорошо. Он нам уже и не нужен был. Что скажем «Цеппелину»?

— В больнице... Сломал ногу...

— Ладно, придумаем что-нибудь убедительное. Сколько еще таких гнусных Марков на нашей многострадальной земле... — заключил Константин.

* * *

Немецкий самолет на подлете к Чиатуре сбавил скорость, круто развернулся, казалось, он на мгновение завис в воздухе. Прошло несколько секунд, и в ночном небе распустились белыми тюльпанами купола нескольких парашютов и медленно поплыли в сторону леса.

9 июля 1944 года в ноль часов двадцать минут дежурный по радиолокационной станции засек нарушителя на экране радара и немедленно сообщил на командный пункт. Через пять минут об этом уже знали в штабе Закавказского фронта ПВО и в УКР СМЕРШ Закавказского фронта. На перехват немецкого самолета тут же полетели истребители, а на земле по тревоге были подняты оперативно-поисковые отряды и комендантские группы. В ноль часов пятьдесят пять минут сотни солдат и офицеров из дивизии внутренних войск НКВД по охране тыла действующей армии уже находились в грузовиках, которые устремились к Чиатуре. Подвижные группы НКВД и военных комендатур блокировали район возможной высадки гитлеровских агентов. Оперативно-войсковые отряды взяли в кольцо площадку, прилегающую к лесу, где высадились диверсанты. Было задействовано все

возможное. Все, кого можно было привлечь для операции по захвату вражеских агентов.

В поиске агентов «Цеппелина» участвовали и сотрудники НКВД и НКГБ. После поимки агентов их незамедлительно должны были передать в СМЕРШ. Должны... Но ведь как у нас бывало и бывает... Как говорится, в жизни всякое случается. Одно дело: ладно бывает на бумаге, но забываем про овраги. В одной из областей Украины (Киевской) был такой случай. Боец Красной Армии Михаил Шевченко попал в немецкий плен, там согласился с предложением абвера стать курсантом одной из разведывательных школ. После окончания школы абвера его забросили на нашу территорию. Шевченко пришел к себе домой: к отцу, мачехе, сестре Марии и брату Алексею, а затем сдался местному НКВД. В той местности армии не было. В борьбе с вражеской агентурой, ее обезвреживанием полагались на территориалов¹. СМЕРШ был где-то далеко... А энкавэдэшникам тоже хотелось показать результаты работы. Михаила Шевченко судили и назначили срок на всю катушку. Окажись он в СМЕРШе — его судьба могла бы быть иной.

Здесь же, в Закавказье, такое не могло случиться. Начальник УКР СМЕРШ Закавказского фронта генерал-лейтенант Николай Максимович Рухадзе был на своем месте, опытный профессионал, человек строгий.

Николай Максимович Рухадзе — Почетный работник ВЧК—ГПУ в 1937 году. В 1941 году заместитель наркома НКВД Грузинской ССР, затем начальник Особого отдела НКВД Закавказского фронта. Постановлением Совнаркома СССР ему в числе сорока руководителей ГУКР СМЕРШ 26 мая 1943 г. было присвоено звание генерал-майора, а в 1944 г. звание генерал-лейтенанта. У такого Рухадзе, как говорится, не забалуешь. Однако для начала следовало поймать вражеских агентов.

После приземления агенты «Цеппелина» повели себя непонятно для ожидавших их на опушке леса Елкина —

---

¹ Территориальные органы государственной безопасности и внутренних дел.

Сумцова и Гурнова-Щербаня. Побежали не в спасительный для них лес, а в обратную сторону...

С поднятыми руками и криками «Сдаемся, сдаемся!» подбежали к оцеплению.

Семь бывших военнопленных-грузин решили явиться с повинной.

Начальник 3-го отдела ГУКР СМЕРШ генерал-майор Барышников Владимир Яковлевич (заслуженный работник НКВД в 1942 г.), большой специалист по радиограмм, доложил начальнику ГУКР СМЕРШ НКО СССР Виктору Семеновичу Абакумову о сдавшейся группе агентов «Цеппелина». Им была поставлена задача проникнуть в Тбилиси и готовить там восстание.

— Ничего себе аппетит у «Цеппелина», — заметил Абакумов.

— Старший группы «Георгий» сообщил, что должен установить контакт с потенциальным агентом, — продолжал Барышников.

— С кем? Кто он? — спросил Абакумов.

— Профессор медицины. В прошлом сочувствовал меньшевикам. Это когда в Грузии было меньшевистское правительство. Полагаю начинать радиоигру с «Цеппелином».

— А название для радиоигры придумали? — Абакумов улыбнулся Барышникову.

— Хочется, чтобы оно по смыслу операции подходило.

— Чего проще, — с улыбкой заговорил Абакумов. — Назовите «Разгром». Коротко и ясно.

— Хорошее название, — сказал Барышников.

— Вот пусть Рухадзе и занимается этим «Разгромом» — заключил Абакумов, добавил: — Разумеется, под нашим руководством.

Генерал Николай Рухадзе, начальник УКР СМЕРШ Закавказского фронта, потирал руки — еще бы, его сотрудники захватили группу агентов «Цеппелина», о чем он немедленно доложил в Москву. Предстояла интересная радиоигра. Огорчало то, что нужно было постоянно контак-

тировать с вышестоящим начальством. В радиоиграх самостоятельность не допускалась, требовалось согласование с Генеральным штабом. Иначе не могло быть — дезинформация должна быть убедительной, грамотной, и нельзя было допустить в ней утечки информации, которая бы раскрывала какие-то данные, могущие повредить нашим вооруженным силам.

В кабинете Рухадзе был его заместитель генерал-майор Козлов Василий Иванович, опытный чекист, в органах госбезопасности с 1930 года. (Впоследствии почетный сотрудник госбезопасности.)

— У группы сдавшихся агентов «Цеппелина» при приземлении повреждена радиостанция. Почерк радиста знают в «Цеппелине» — докладывал Козлов.

— Нужно задействовать агента «Цеппелина» Гурнова, — предложил Рухадзе. — Там его почерк тоже известен.

— Старший группы «Георгий» назвал профессора медицины, с которым должен установить контакт. Это Андро Арканья. Кого послать на встречу с этим профессором? — Козлов вопросительно смотрел на Рухадзе.

— Антидзе. — Но тут же передумал. — Пошлем лейтенанта из СМЕРШа. Вот только профессор грузин, а лейтенант — русский...

— В ГУКР СМЕРШ его считают опытным профессионалом, — осторожно заметил Козлов.

— Ну что же, профессионалы на дороге не валяются. Пусть поработает с профессором. Но сначала Антидзе должен договориться с профессором о встрече с лейтенантом.

Оперативный работник Николай Антидзе «вышел» на профессора. Убедил его встретиться с посланцем друзей «Георгием».

Этим «Георгием» был лейтенант Сумцов. И Константин с удочкой в руках коротал время в кустах у небольшой речушки неподалеку от Тбилиси. Он ждал профессора.

— Нужно узнать, чем он дышит. Враг он или нет? Можно ли использовать его в радиоигре? — такое наставление дал Сумцову заместитель Рухадзе генерал Козлов.

И вот в назначенный день и час перед Константином предстал пожилой, грузный, упитанный человек. С удочкой.

— Ключет? — вместо приветствия спросил профессор.

— Ни одной...

— Не хочет рыбка ловиться. Умной стала. Сейчас, когда идет война, многие умными сделались.

— А может быть, в этом ручье рыбы нет?

— Возможно. Профессор Аркания. Андро Аркания, — наконец представился он.

— Мы все о рыбе, но забыли червячка... — заговорил Сумцов. — Так вот, в погожий день юный червячок высунулся из земли после теплого дождя и увидел: идут два мужика с удочками. В руке у одного — консервная банка, оттуда выглядывает папа юного червячка. Червячок кричит: папа, папа! А тот сияющий из банки свесился и радостно кричит: «Скажи маме, чтобы к обеду не ждала! Меня на рыбалку пригласили!»

Константин любил слушать и сам рассказывал анекдоты, знал немало разных шуточек-прибауточек. Этим он славился еще в школе. С тех времен запомнилась шарада. Первый слог — бог в Египте, второй — бог по-итальянски. А целое — поповские дела. В итоге: РАДИО.

Шутки шутками, пора переходить и к делу, решил Константин.

— Батоно Аркания, вам привет от ваших друзей, — Сумцов назвал профессора уважительно — грузины это любят, «батоно» по-грузински — «господин».

— У меня много друзей, — заметил Аркания, спросил: — От кого привет?

— Из Парижа. Вам шлет поклон Александр.

— Ах, Париж! Повидать Париж и умереть... — пытался сострить Аркания, но голос его дрогнул, он изменился в лице. — Не знаю такого... — дрожащим голосом произнес профессор.

— Ай-ай, негоже отказываться от друзей.

— Не понимаю, что вы хотите...

— Все вы прекрасно понимаете. Вспомните блаженные дни Закавказского комиссариата, его председателя Гегечкори...

— Кого?

— Забыли Евгения Петровича Гегечкори? С мая 1918 года он министр иностранных дел меньшевистского правительства Грузии. Вы сочувствовали меньшевикам.

— Не знаю такого... — еще раз испуганно произнес Арканя. Глаза выдали его смятение. Профессор испугался не на шутку.

Идя на встречу с Андро Арканя, Сумцов подготовился к ней, но он не знал того, что знал профессор и что вызвало ужас у почтенного врача. Его, мингрельца Арканя, связывали с именем Евгения Гегечкори. Это было более чем страшно, смертельно опасно: Евгений Гегечкори доводился родным дядей Нине Теймуразовне Гегечкори — жене Лаврентия Берии. Просочись такое в мир... Несдобровать ему, уважаемому профессору. Всесильный Берия раздавит его, как клопа. Он сам или его сподвижники миндальничать не станут.

Один Шалва Церетели чего стоит! Поговаривали, что он в Первой мировой войне служил обер-лейтенантом в немецкой армии, в 1918—1919 годах Церетели служил командиром взвода и роты Грузинского легиона, организованного немецкими оккупантами, якобы был штабс-капитаном в Белой армии, в 1920 году убил милиционера, возглавлял небольшую разбойничью шайку. И все это не помешало ему стать заместителем наркома внутренних дел республики. Когда Берия занял пост наркома внутренних дел СССР, Церетели стал служить в Наркомате, Шалва Отарович Церетели — первый заместитель начальника 3-го спецотдела НКВД СССР. Говорили, что он происходил из семьи обедневшего княжеского рода.

Знатным происхождением отличалась и Нина Теймуразовна. Отец ее был дворянином, предки матери Дарико Чиковани происходили из княжеского рода. Евгений Гегеч-

кори, Георгий Джакели, Николай Гегечкори — родственники жены Берия Нино. Их имена профессор не мог назвать никому, никогда... Даже в мыслях.

* * *

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кое-что о некоторых лицах

Жену Берия Нину Теймуразовну (по-грузински Нино) арестовали 19 июля 1953 года. Она была обвинена в соучастии в антисоветском заговоре, «возрождении капитализма», связях с иностранными гражданами и прочих преступлениях «дежурного» характера. Из уголовного дела Нино Берия: «Отец мой мелкий дворянин, имевший 2 га земли. Девичья моя фамилия — Гегечкори. В 1917 году мой отец был убит стражником меньшевиков. После его смерти я жила в доме у своего неродного (по матери) брата Шавдия в г. Тбилиси. Он работал счетоводом, бухгалтером и содержал меня. Я училась.

В 1921 году, когда мне было 15 лет, меня на воспитание взял мой двоюродный брат Гегечкори Алексей. Он был большевик и работал министром внутренних дел и председателем ревкома...

В 1922 году, когда я училась в 7-м классе, я познакомилась с Берия Л. П., который приехал в Баку по служебным делам.

В 1922 году я уехала с Берия в Баку, а затем, когда его перевели в Тбилиси, я вернулась с ним и его матерью».

Не распространяясь более о Нино Берия, заметим лишь: она умерла в 1992 году, ее сын Серго ушел из жизни 12 октября 2000 года. Ее племянник Теймураз (на русский лад Тимур) Шавдия в свое время спутался в Тбилиси с какой-то компанией, воровал. В годы войны 20-летний Теймураз на фронте попал в плен, потом служил у немцев во Франции в легионе, получил унтер-офицерское звание и какую-то награду. В 1945 году доставлен в порядке репортации в Гру-

зию из Парижа, где оставался после войны. Объяснил, что был просто в плену. Но 18 февраля был арестован МГБ и 9 июля 1952 года осужден за измену родине военным трибуналом ЗакВО к 25 годам лишения свободы. В апреле 1953 года, когда Берия стал Министром внутренних дел СССР, он распорядился проверить законность осуждения Т. Шавдия. По личной инициативе Б. Кобулова Шавдия был этапирован в Москву, а дело его затребовало МВД для изучения. Это было расценено как попытка реабилитировать изменника, к тому же родственника жены Берия, и пошло в актив обвинения.

Что касается Берия, то на состоявшемся суде ничего нового он не сказал, за исключением того, что неожиданно признал себя виновным в службе в мусаватистской разведке в 1919 году. В остальном виновным себя он не считал.

Следствием был обнаружен и приобщен к делу «список агентов мусаватистской контрразведки», где под номером 11 числится Лаврентий Берия. Список, правда, без подписи составившего его, без даты, не указано место составления документа. Приобщены к делу три агентурные справки, в которых бывший начальник мусаватистской контрразведки М. Шихзаманов называет Берия своим секретарем. Эти справки хранились в особой папке ЦК — были известны еще задолго до следствия по делу Берия, начатого в 1953 году.

Итак, следствие установило: Берия служил в Баку в мусаватистской разведке. А этого он никогда и не отрицал. Да, служил. Но по заданию партии. Какое было задание? Кто его давал? Что он сделал?.. Это, по мнению одного писателя, «все равно что Штирлица обвинить в том, что он служил у Шелленберга».

Из неоднократных и нескрываемых сведений о службе у мусаватистов, из личных дел Берия, известных большому кругу лиц, категорических выводов о его предательстве сделать нельзя.

Упомянувшийся выше Шалва Отарович Церетели начал работать в ВЧК с 1922 года. В 1937—1939 гг. начальник

управления Рабоче-крестьянской милиции НКВД Грузии, затем служил в центральном аппарате НКВД СССР. С 1941 года заместитель наркома внутренних дел, заместитель наркома госбезопасности Грузии. В 1948—1953 гг. заместитель министра внутренних дел Грузинской ССР. В 1945 году стал генерал-лейтенантом. У него было 14 орденов.

В 1953 году и позже в органах МВД прошла невиданная чистка, прокатилась волна арестов.

Бывшие министры госбезопасности Грузинской ССР А.Н. Рапава, Н.М. Рухадзе, заместитель министра госбезопасности республики Ш.О. Церетели и еще ряд сотрудников НКВД, НКГБ, МГБ Грузии обвинялись в совершении тяжких преступлений. Материалы дела свидетельствовали о масштабах и жестокости беззакония в Грузии в 30-е годы.

19 сентября 1955 года в 11.00 прозвучал приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР: Рапава, Рухадзе, Церетели — расстрел. 15 ноября 1955 года приговор приведен в исполнение.

В биографии практически каждого соратника Берии были «темные пятна». Берия собирал таких людей в одну команду, полагая, что темное прошлое лишь цементирует их вокруг своего вождя и руководителя. Ведь каждый из них понимал, что своим благополучием и карьерой он обязан лишь Лаврентию Павловичу. И без помощи и поддержки Берия будет в любое время выброшен из колесницы истории.

Берия и его сподвижники... Что о них сказать? Руки их по локоть в крови. Они совершали тяжкие преступления, злоупотребляли властью. Но шпионами и изменниками не были. В годы военного лихолетья они активно участвовали в противоборстве с противником.

* * *

Профессор никак не мог успокоиться. Выражение его лица выдавало волнение. А Сумцов давил на него:

— Как же так можно забывать друзей?

— Вы свое. Нет у меня таких в Париже.

— Неискренне себя ведете, батона Андро.

— Поймите меня. Я уважаемый человек. Врач. А врач всем нужен и в мирное время, и в войну. В военные годы еще нужнее.

— Что верно, то верно, — согласился Сумцов, подумал: «Без медицины нам не обойтись. Сколько раненых они спасают, лечат больных... Интересно: на фронте доводилось быть и в холоде, и голоде. Приходилось спать на снегу. И никакая хворь не брала».

— Земляков в Париже я не знаю и знать не хочу, — твердо заявил Арканя.

— Имейте в виду — у них длинные руки.

«Длинные, очень длинные. Родственники парижских сидельцев здесь очень влиятельные, сильные... Таким раз плюнуть стереть меня в порошок... Зачем мне ввязываться в какую-то сомнительную историю...» — лихорадочно размышлял Андро Арканя.

— Подведем итог нашей встречи. Стало быть, вы категорически отказываетесь от помощи своим землячкам в Париже.

— Да, да! — закричал профессор.

— Что же, расстанемся по-хорошему.

— Ну, конечно, мы ведь интеллигентные люди.

О встрече с профессором Андро Арканя Сумцов подробно доложил генералу Козлову. Тот внимательно выслушал Константина, спросил:

— Стало быть, этого профессора можно использовать в радиоигре?

— Вполне. Если понадобится.

— Ну что ж, благодарю за службу. Вами интересовался начальник управления Барышников.

— Владимир Яковлевич?

— Генерал Барышников, — поправил Сумцова Козлов. «Выдерживает субординацию» — отметил про себя Константин.

— Побудете у нас еще пару дней, а потом в Москву. А сейчас познакомьтесь с заброшенной к нам публикой. Может быть, встретите знакомых, — Козлов улыбнулся.

— Вряд ли... Я ведь был в гостях у абвера, с «Цеппелином» не общался.

Абвер и «Цеппелин»... 12 февраля 1944 года под грифом «Совершенно секретно» был издан приказ Гитлера за № 1/44. В первом пункте приказа фюрер объявил об учреждении единой немецкой разведывательной службы. Во втором пункте он возложил руководство объединенной разведывательной службы на рейхсфюрера СС. Адмирала Канариса освободили от должности и отправили в отпуск. (9 апреля 1945 года, за месяц до окончания Второй мировой войны в Европе, Канарис был повешен.)

Абвер I и абвер II были переданы в РСХА в качестве Управления военной разведки Militarisehes Amt (Mil Amt). Функции абвера III были переданы четвертому управлению РСХА — гестапо. Начальником нового управления был назначен бывший начальник абвера I полковник Георг Хансен. Разведка и контрразведка, функционирующие непосредственно в войсках, Гимmlера не интересовали. Их оставили в армии под общим руководством штаба оперативного командования вермахта под названием Frontauf Klärungs — «фронтовая разведка». Впоследствии он стал руководителем Мил-Амт (после 20 июля 1944 года — покушения на Гитлера Хансен был арестован и казнен). После 20 июля Мил-Амт был ликвидирован. Его рефераты вместе с сотрудниками поделили между собой Амт-IV (гестапо) и Амт VI (внешняя разведка СД). Больших успехов у нацистской спецслужбы РСХА — разведывательно-диверсионного органа «Предприятие Цеппелин» не прослеживается. Внешняя разведка СД не получила ни одного серьезного политического секрета ни одной из стран — участниц антигитлеровской коалиции.

Абвер и СД строго следовали традиции, уходящей своими корнями к временам полковника Вальтера Николаи, бывшего начальника немецкой разведки в Первой мировой

войне. Он постоянно подчеркивал, что «благоразумная недоверчивость — мать безопасности». Все лица, вступившие при тех или иных обстоятельствах в непосредственный контакт с нацистской разведкой, подвергались самой основательной проверке и перепроверке с помощью различных уловок. Когда агент немецкой разведки после выполнения им задания в тылу Красной Армии возвращался в абвер, то ему устраивалась многоступенчатая проверка с единственной целью — установить, не связан ли он с советской контрразведкой. Так, например, засланный нашей контрразведкой в логово врага Овсянников после ходки на советскую территорию испытал не одну проверку абверовцев. Несть числа им было. Зондерфюрер Зингер, которому была поручена работа с ним, учинил ему не одну проверку. Этот Зингер убедил Овсянникова в необходимости в интересах дела жениться на Тане, работавшей в одной из лабораторий абвера. Сыграли свадьбу. Жена не скрывает повышенного интереса к делам мужа, задавая ему порой провокационные вопросы. Однажды в интимной ситуации она прямо спросила его: «Почему ты работаешь против своих?» имея в виду под «своими» абверовцев. Но этим дело не ограничилось. За неделю до отправки Овсянникова на задание в тыл Красной Армии Зингер вручил ему изготовленные в лаборатории абвера фальшивые документы, имевшие серьезные изъяны, просил его тщательно осмотреть их. Немцы решили таким путем определить, насколько Овсянникова беспокоит вопрос о собственной безопасности на советской территории. Разгадав подоплеку этой затеи зондерфюрера, Овсянников заявил, что «с такими документами появляться нельзя», и потребовал заменить их. Участие Овсянникова в крупной операции против немецкой спецслужбы обеспечило в конечном счете получение чекистами важной информации о деятельности СД и абвера против нашей страны. Весьма тщательные проверки своим агентам устраивал и «Цепелин».

Советские спецслужбы уже с первых дней войны стали заниматься скрупулезным и систематическим изучением

планов и методов противника, что в ряде случаев создало предпосылки для успешного противостояния шпионской и диверсионной деятельности его агентуры. Борьба с гитлеровской разведкой накануне и в период войны потребовала огромных усилий со стороны Советского государства. В этом единоборстве главная тяжесть легла на чекистский аппарат.

Перед советской контрразведкой встала задача — парализовать деятельность СД и абвера, свести на нет их операции, перехватить инициативу в остром поединке с опытным и хитрым противником и попытаться использовать какую-то часть засылаемых агентов врага в своих интересах.

Со временем оперативное мастерство чекистских органов, основанное на тщательном обобщении складывавшегося опыта войны, достигло такого уровня, что становилось практически возможным агентурное проникновение в центры и школы абвера и СД, где предназначенные для заброски на нашу территорию шпионы и диверсанты проходили подготовку. Следует заметить, что советским контрразведчикам противостояли признанные во всем мире специалисты по организации всякого рода ловушек для разведчиков противостоящей стороны.

СМЕРШ проводил работу по задержанию и изобличению вражеских агентов, безусловно экипированных, снабженных безукоризненно сработанными документами. В большей своей части разведывательные операции против СССР, и в частности, связанные с достаточно широким использованием советских военнопленных, немецкие спецслужбы готовили с особой тщательностью. Как правило, у агентов была практически безупречная экипировка, прочная легенда, подкрепленная надежными, хотя и фальшивыми документами. Безукоризненно выполненные удостоверения личности, командировочные предписания, обрастающие отметками этапно-заградительных комендатур, продовольственные аттестаты способны были ввести в заблуждение большинство людей, проверяющих документы. Однако абвер и СД не избежали промахов в своей деятельности. При всей своей скрупулезности немцы прокалывались на мело-

чах. Так, применяли в фальшивых документах нержавеющей проволочку, которой в советских документах не было. В наших документах скрепки со временем ржавели, оставляя заметные следы. Красноармейская книжка, считая нержавеющей скрепкой, изобличала вражеского агента.

За редким исключением у немцев не практиковалось индивидуальное обучение и тренировка будущих агентов. В разведшколах абвера и «Цеппелина» за партами сидели 8—10 или даже 15 будущих нелегалов. Десятки лиц видели друг друга, разговаривали друг с другом. Недели, месяцы они жили вместе. У них вымышленные фамилии, псевдонимы, но, несмотря на запрет, что-либо рассказывали о себе, в условиях армейского общежития будущие агенты немало узнавали о своих сокурсниках.

Сумцов с интересом пообщался с некоторыми из публики, спустившейся с небес. Один из этой группы, Михаил Суликашвили, рассказал все, что мог, что знал... На самом деле он был Мишико Беришвили, красноармеец 69-го ордена Красной Звезды, Днестровского инженерно-саперного батальона, где оперуполномоченным СМЕРШ служил старший лейтенант Виктор Титов, друг Сумцова. (Поистине земля круглая.) Одно время Беришвили был ординарцем у капитана, ставшего майором, Николая Жордания, заместителя командира отдельного батальона по политчасти.

Однажды Мишико услышал мнение бойцов о своем хозяине.

— Что-то я капитана Жордания в бою не видел, — заметил боец взвода управления Давыдченко.

— Ишь чего захотел. Он кто? Заместитель командира части по политчасти.

— Вдохновляет нас на подвиги словом: «Наша люда салует Победе» — заговорил москвич Ильиных.

— Поттише, — произнес осторожный Фартушный.

— Не прав я разве? И на Днепре его не было, — не сдавался Давыдченко.

— Не в боевых же порядках ему быть. Его роль другая, — продолжал свое Ильиных.

— Это точно, иная...

На Пруте в селе Барбоены батальону довелось выдержать жестокий бой с превосходящими силами противника. Тогда там тоже майора Жордания никто не видел.

Необязательный, неряшливый, нечистый на руку Беришвили не надолго задержался в ординарцах у Жордания. «Ишак вонючий» — так оценил майор своего ординарца.

Сам Жордания высокими моральными качествами отягчен не был. Любил крепкие напитки и мягких женщин. В Молдавии чуть не попал в неприятную историю.

После боя у Прута в селе Барбоены среди пленных немцев оказалась некая Лиля¹, явная немецкая подстилка. Майор Жордания попользовался ее сексуальными услугами. А у нее менструация... Перемазался. Ругался. Девка же оказалась харьковчанкой, в свое время завербованной в качестве агента СД. У майора Жордания могли быть неприятности. Однако обошлось.

Мишико Беришвили был перемещен в саперную роту батальона. Случилось, что впереди перед взводом, в котором служил Мишико, не было боевого охранения пехоты, а сразу же находились окопы противника. Ночью Беришвили, направляясь из роты во взвод, заблудился. Попал в плен к противнику. Немцы пытались его допрашивать, но в силу его бестолковости ничего не добились. Отправили в лагерь военнопленных. Летом сорок четвертого года «Цеппелину» понадобились представители кавказской народности для формирования национальных групп для выполнения особых заданий.

В своей подрывной деятельности «Цеппелин» пытался использовать такое явление, как многонациональный характер населения нашей страны. «Тотальный шпионаж» против Советского Союза германские спецслужбы старались осуществить, используя тысячи оказавшихся в плену воинов Красной Армии.

---

¹ Юрий Ленчевский. Они из СМЕРШа, М.: Граница, 2009. С. 125—133.

В школах «Цеппелина» были специалисты своего дела. Основательно готовили агентов. Не забывали и об идеологической обработке курсантов. Беришвили запомнились первые дни пребывания в разведывательно-диверсионной школе «Цеппелина». Перед будущими агентами выступил начальник школы. «Главное для вас сегодня — самосовершенствование. Что это значит — объясню. Начиная с сегодняшнего дня вы должны работать над собой — научиться быть очень внимательными, наблюдательными, непосредственными, общительными, сосредоточенными, развить до предела свою память — зрительную, слуховую, особенно фактическую, то есть совершенствовать общий комплекс человеческих способностей, необходимых разведчику. Как этого достигнуть? Непросто! Есть много разных способов и приемов для овладения этим комплексом. Вас должны познакомить со всем этим в нашей школе».

Слова начальника школы Мишико не воспринимал, ему запомнилось только то, что тот был в форме СС. Бестолковость Беришвили была налицо. Он понадобился «Цеппелину» как представитель Кавказа.

Свое впечатление о Беришвили Сумцов изложил Козлову.

— От него пользы в радиоигре не будет. Для немцев он никудышный агент. О таком можно сказать: «Мозгов нет — в аптеке не купишь» — так Сумцов оценил Мишико Беришвили.

— Ну что же, грузины бывают разные, — глубокомысленно оценил Мишико генерал Козлов, добавил: — Наш начальник Николай Максимович Рухадзе тоже грузин. Светлая голова!

Как бы спохватившись, вспомнив о чем-то, Козлов взял со стола конверт, протянул его Сумцову:

— Вам письмо.

Пока Константин находился рядом с Марком, ни о каких письмах не могло быть и речи. А после завершения операции Барышников переслал для него письмо. Козлов, не зная о содержании послания, придержал его у себя. Неизвестно,

что в нем... Лишние же эмоциональные нагрузки, по мнению Козлова, лейтенанту были не нужны. В военные годы письма с фронта и на фронт обычно посылали треугольничками. Их складывали из листа бумаги. Сразу же разворачивалось. Письмо Сумцову было в конверте заклеено. Он увидел родной почерк, обрадовался — письмо было от Иры. Константин поблагодарил генерала, взял конверт, вышел в коридор. Там стал читать.

«Радуемся успехам Красной Армии, а стало быть, и твоим. Ты ведь находишься в ее рядах, — писала Ира Константину. — Мысленно всегда с тобой. К сожалению, не могу ничем помочь тебе в твоей трудной опасной фронтовой жизни. Конечно, трудности есть и у нас... Бывает для меня проблематично добираться из дому к месту учебы. Даже песенку придумала:

«А трамвай — это общее зло.

Ты цепляйся руками горячими

И если в жизни тебе повезло,

То виси, на чем судьбой предназначено».

Но наши проблемы с вашими фронтовыми не сравнить!»

Целую. Ира.

Начальнику СМЕРШа Закавказского фронта генералу-лейтенанту Рухадзе позвонил начальник 3-го отдела ГУКР СМЕРШ генерал-майор Барышников. Говорили о радиоигре.

— Так мы у вас забираем Сумцова, — в разговоре с Рухадзе вставил Барышников.

— Вам виднее, Владимир Яковлевич. Правда, нам лишний специалист не помешал бы.

— Лишний! — возмутился Барышников. — Лейтенант Сумцов — профессионал высшего класса.

— Возможно. У нас же он себя ничем не проявил. Хорошо, на днях отправим лейтенанта в Москву, — пообещал Рухадзе.

— До свидания, Николай Максимович.

— Ждем в гости, Владимир Яковлевич. Желаю успехов, — Рухадзе закончил разговор с главкомом; распорядился привести к нему Сумцова.

Константин предстал пред ясные очи генерала Рухадзе. Тот, с интересом рассматривая Сумцова, спросил:

— Как настроение, лейтенант?

— Боевое.

— Это хорошо. За линией фронта бывал?

— Приходилось.

— К новому заданию готов?

«А это не Рухадзе решать. Не его компетенция...» — отметил Константин, но что-то нужно было говорить, и он ответил:

— Всегда готов!

— Ну да, как пионер.

— Опыт имею.

Ответ почему-то не понравился Рухадзе, и он сказал:

— Мы тоже сами с усами. — Помолчав, добавил: — Забирают тебя в Москву. Руководство благодарит за службу! Желаю удачи!

Константин не знал, кого под словом «руководство» имел в виду Рухадзе. ГУКР СМЕРШ или себя...

— Служу Советскому Союзу! — твердо произнес Сумцов и ушел из кабинета грозного начальника.

Рухадзе почему-то не понравился Константину. Высокомерный. И слова не произносил — изрекал.

* * *

В СМЕРШ пришли профессионалы госбезопасности. Многие из них ранее были сотрудниками Особых отделов. Взять, например, Рухадзе Николая Максимовича, начальника Особого отдела, а затем начальника УКР СМЕРШ Закавказского фронта. В 1937 году Рухадзе свирепствовал в Грузии.

В предвоенное время и годы войны о жестоких репрессиях 37-го и 38-го годов не говорили. Этот вопрос обходили

молчанием. Послужной список Рухадзе был безукоризненный. В 1937 году — почетный работник ВЧК—ГПУ. Что говорить о нем, если в госбезопасность в сорок первом возвращались уволенные сотрудники, а некоторые даже из тюрьмы...

В начале Великой Отечественной войны испытывался острый недостаток квалифицированных чекистских кадров. Тогда были привлечены лица, уволенные из органов госбезопасности, а некоторые были освобождены из заключения.

Среди них Вильям Фишер — Рудольф Абель, Дмитрий Медведев, Яков Серебрянский. 7 июля 1941 года Военная коллегия Верховного Суда приговорила Серебрянского Я.И. к расстрелу. Но приговор не был приведен в исполнение, и в декабре 1941 года по ходатайству начальника 4-го Управления НКВД Павла Судоплатова Серебрянский был освобожден и назначен начальником 3-го отделения 4-го управления, в задачу которого входила вербовка агенты для глубокого оседания в странах Западной Европы и США. После войны, в 1953 году, Серебрянского вновь арестовали. В марте 1956 года на допросе у следователя военной прокуратуры генерал-майора П.К. Цареградского Серебрянский неожиданно умер от сердечного приступа.

Рухадзе успешно служил. С декабря 1947 года по июль 1952 года он министр госбезопасности ГССР. В июле 1952 года был арестован и 9 сентября 1955 года приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу за нарушение законности.

Радиоигра «Разгром» набирала обороты. Старший группы «Георгий» сообщил в «Цеппелин»:

«Встретился с профессором. Встреча прошла успешно. Ждите новых сообщений».

Были и телеграммы, в которых сообщалось о выходе из строя батарей для радиостанции. Просили о помощи и поддержке. В ответ немцы благодарили агентов за службу.

Кроме передачи дезинформации, сотрудникам УКР СМЕРШ Закавказского фронта удалось вызвать и арестовать сперва 6 выброшенных противником агентов — было

это в августе 1944 года, а затем еще 4 агентов-связных, которые должны были проверить группу «География». С ними были захвачены вооружение и боеприпасы. Немцам регулярно сообщалось о вербовке агентов, установлении связи с дезертирами. Операция продолжалась до конца марта 1945 года. Последнее сообщение, отправленное группой «География», ушло в «Цеппелин»¹ 29 марта.

В этой операции Сумцов не принимал участия. Он вернулся в Москву, был рад и счастлив встрече с Ириной.

Война шла к своему завершающему победному концу, но перед чекистами вставали новые, порой сложные задачи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Случалось всякое...²

В борьбе с агентурой спецслужб противника случалось всякое... Врагам противостояли живые люди, а они были разные.

2 сентября 1944 года к начальнику Семлевского районного отдела НКГБ на Смоленщине старшему лейтенанту Кухтину неожиданно зашли два человека. Кряжистый мужчина в форме старшего лейтенанта внутренних войск НКВД, показывая на своего спутника, долговязого блондина, заявил:

— Мы с той стороны.

— С какой с той? — спросил Кухтин.

— Вчера днем мы высадились с самолета «Фокке-Вульф-187». Наша группа в количестве 16 человек. Я Ярошенко — руководитель группы, а он начальник штаба. Мы разведывательная группа абвера.

---

¹ «Предприятие Цеппелин» — разведывательно-диверсионный орган Главного управления имперской безопасности (РСХА). Само название РСХА было засекречено.

² У названных в этой главе лиц фамилии подлинные.

Слово «абвер» как токком пронизало Кухтина. Изумление сменилось настороженностью, тревогой, не без волнения он спросил:

— И что вы хотите?

— Рассказать о своем задании... Оформить явку с повинной...

Кухтин ошалело смотрел на диверсантов. То, что он услышал, повергло его в изумление. С таким ему еще встречаться не доводилось. Он повидал немало лиц, преступивших закон. Труссы, дезертиры, паникеры, бандиты. Одним словом, всякой мрази встречалось ему достаточно. Но шпионов, диверсантов видел только в кино. Там показывали зловредных, порой карикатурных врагов. Оказаться же рядом с живыми агентами врага в одной комнате не доводилось, и это не укладывалось в сознании.

— Нам нужна лошадь с телегой — доехать обратно до места расположения нашего отряда. Вывезти оттуда имущество.

Не розыгрыш ли это? Или же хитрая проверка начальства его, Кухтина, бдительности.

В его мозгу пронеслось одно секретное мероприятие, о котором он случайно узнал от родственника-чекиста. Такова была операция «Ложный закордон»¹.

Операция заключалась в следующем. Еще с 1941 года действовал организованный сотрудниками УНКВД по Хабаровскому краю, начальником которого был комиссар госбезопасности 2-го ранга С.А. Гоглидзе, в 50 километрах от Хабаровска рядом с маньчжурской границей «ложный закордон». Чекисты вербовали на советской пограничной заставе подозревавшихся в шпионаже местных жителей и якобы «переправляли» их через «границу» для разведывательной работы. Люди попадали на «маньчжурский пограничный полицейский пост» и оттуда — в «уездную японскую военную миссию». Там «белоэмигранты» в форме японской

---

¹ «Ложный закордон» — «ЛЗ», еще именовался «Мельница». Была разработана и проведена легендарным контрразведчиком Петром Федотовым.

жандармерии (на самом деле бывшие сотрудники УНКВД Хабаровского края, ранее осужденные за нарушения социалистической законности на различные сроки заключения) пытали подозреваемых, выбивая из них признания в работе на НКВД. В роли начальника «уездной японской военной миссии» выступал японец Тамито, бывший агент разведки Квантунской армии, арестованный советскими пограничниками в 1937 году и приговоренный в 1940 году к расстрелу (замененному 10 годами тюрьмы).

В итоге некоторые «шпионы» после попыток соглашались на сотрудничество с «японцами», после чего их переправляли на советскую территорию, где арестовывали уже как «японских шпионов». «Ложный закордон» просуществовал до конца 1949 года. Многие из побывавших там 148 человек были осуждены к различным срокам заключения (несколько человек расстреляли).

По материалам дальнейшего расследования. От автора: Федотов позднее был признан едва ли не главным виновником. Из постановления секретариата ЦК КПСС по делу «Ложного закордона»: «Федотов... лично руководил работой «Мельницы», докладывал о ней Берии и Меркулову, выполнял их поручения по применению «ЛЗ» в отношении ряда советских граждан. Вся переписка и отчеты Хабаровского Управления НКВД с Центром о работе «Мельницы» адресовались только на имя Федотова, минуя канцелярию. Ни одно мероприятие, связанное с использованием «ЛЗ», не проводилось без его санкции. Федотов лично настаивал перед бывшим руководством НКВД СССР о применении расстрела к ряду невиновных советских граждан».

Что касается генерал-лейтенанта Петра Федоровича Федотова, то в его судьбе уже после войны возник неприятный зигзаг. Карьера руководителя 2-го Главного управления КГБ — контрразведка — закончилась в 1956 году. В апреле он был снят с должности, в мае получил назначение на пост заместителя начальника и главного редактора Редакционно-издательского отдела Высшей школы КГБ при СМ СССР. Какое-то время Федотова прикрывал председатель

КГБ Серов, дружелюбно к нему относившийся. После его перевода в ГРУ Федотов 27 февраля 1959 года был освобожден от должности, 22 марта уволен в запас Советской Армии по статье 59 «Д» (служебное несоответствие).

Уже 23 мая того же года «за грубые нарушения законности в период массовых репрессий» постановлением Совета Министров Федотов был лишен генеральского звания. 6 января 1960 года решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС исключен из партии. Ему вспомнили участие в репрессиях 30—50-х, в том числе поездку в Армению в 1937 году, когда Федотов и другие чекисты по формулировке Комитета партийного контроля при ЦК КПСС «активно участвовали в фальсификации обвинений на многих партийных и советских работников Армении, применяя к арестованным меры физического и морального воздействия». И еще начальник отделения СПО Яков Матусов вместе с Федотовым организовал по указанию Сталина в мае 1939 года в Верхнеуральской тюрьме убийство бывших деятелей и участников оппозиции: Карла Радека, Григория Сокольникова, осужденных на процессе в январе 1937 года в Москве к 10 годам заключения, осуществленное группой заключенных (бывших работников НКВД).

Вспомнили Федотову и «Ложный закордон».

Петр Васильевич Федотов умер в Москве 29 сентября 1963 года. Умер в своей постели. А вот генерал-полковник Сергей Арсеньевич Гоглидзе 23 декабря 1953 года специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Не реабилитирован. Контрразведчик Петр Васильевич Федотов похоронен на Пятницком кладбище.

* * *

Разумеется, Кухтин о «Ложном закордоне» знал лишь в общих чертах, но возможность изоциренной проверки начальства своей деятельности допустил на мгновение...

У начальника райотдела НКГБ Кухтина, как говорится, голова кругом пошла... А может быть, эти абверовцы просто хотят захватить начальника райотдела НКГБ...

При появлении парашютистов Кухтин пришел в полное замешательство. В голове сумбур.

— Сколько людей в вашей группе? — с тревогой спросил Кухтин.

Он уже слышал от Ярошенко о численности диверсионной группы, но спросил еще раз — ему нужно было что-то говорить. Требовалось что-то предпринимать, как говорится, положение обязывало. И Кухтину пришла спасительная мысль позвонить начальнику райотдела смежного ведомства — НКВД. Как говорится, «один ум — хорошо, а два — лучше».

Узнав, в чем дело, начальник райотдела НКВД ответил:

— Это дело по твоему ведомству. Мне же в чужую епархию влезать не с руки.

После того как «сосед» открестился от участия в общем деле поимки вражеских диверсантов, настроение Кухтина совсем упало. Не сказать, что он был неопытный сотрудник госбезопасности — как-никак неплохо работал с агентурой в своем районе... Но в подобной ситуации оказался впервые. Контакты с посланцами абвера не только необычны, но и опасны. Неизвестно еще, как к этому отнесется вышестоящее начальство...

— Подумаем, что с вами делать, — тихо проговорил Кухтин.

Командиру группы Ярошенко пришлось взять инициативу в свои руки и пешком вернуться к месту дислокации отряда.

В растерянности сидел Кухтин в своем кабинете. Лихорадочно размышлял о том, что нужно делать, как ему поступить.

— Сообщу-ка я о происшедшем капитану Литвинову, начальнику отдела контрразведки СМЕРШ 37-го запасного стрелкового полка.

Этот полк 3-й запасной стрелковой дивизии базировался в десяти километрах от райцентра. Узнав из сбивчивого

рассказа Кухтина о диверсионной группе абвера, Литвинов немедленно доложил об этом начальнику отдела контрразведки СМЕРШ 3-й запасной стрелковой дивизии майору Маслову. Тот с оперативной группой прибыл в Семлевский район и, встретив там начальников райотделов НКГБ и НКВД, спросил:

— Где находятся немецкие диверсанты?

Те ничего вразумительного ответить Маслову не смогли. Как старший оперативный начальник в этом районе Маслов принял на себя руководство операцией по розыску парашютистов. Он взял с собой около 100 автоматчиков и опергруппу ОКР СМЕРШ. Начали прочесывать лес. Маслов вскоре нашел диверсантов и, не встретив никакого сопротивления, разоружил их, после чего вся группа на автомашинах была доставлена в расположение контрразведки дивизии. О задержании диверсантов Маслов срочно сообщил телеграммой в ОКР СМЕРШ Белорусского военного округа, оттуда в Москву. Пока начальство решало, как использовать диверсантов, Маслов организовал розыск выброшенного с самолета имущества. Были найдены ящики с гранатами, антисоветскими листовками и разными документами, а также шесть парашютов. Немало амуниции и шпионского снаряжения диверсанты имели при себе: 4 автомата ППШ, 11 винтовок СВТ, 2 ручных пулемета Дегтярева, 30 ручных гранат, 30 противотанковых мин, около 20 килограммов тола, а также 150 тысяч рублей советскими деньгами и сухой паек на 15 суток.

Одновременно шли интенсивные допросы немецких агентов. Чекистам удалось выяснить, что группе предстояло действовать в районе Москва — Витебск — Смоленск — Тула. Диверсанты должны были представляться «6-й партизанской бригадой им. Ленина».

В ходе допросов выяснилось, что старший группы диверсантов Ярошенко на самом деле И.С. Базалий — в прошлом подъяесаул Белой армии, а затем учитель средней школы. Вместе с отступающей немецкой армией в январе 1943 года он эвакуировался из станицы Ессентукская.

В Польше, в городе Катовице, служил полицейским лагеря для так называемых «восточных рабочих» при заводе «Бейльдон Гютте», где и вступил в НТСНП¹. В декабре был завербован немецкой разведкой и добровольно вступил в диверсионно-разведывательную группу, созданную НТСНП для заброски в тыл Красной Армии с заданием от абверкоманды-103. Прошел специальную подготовку. В задачу группы Базалия, кроме диверсионно-разведывательной деятельности в тылу Красной Армии, входило проведение антисоветской агитационной работы среди населения. С этой целью отряду были приданы пять агитаторов, прошедших специальную подготовку в НТСНП. Для поддержания связи с абверкомандой в состав группы вошли 4 радиста.

* * *

На допросе И. Базалий рассказал о задачах, полученных его отрядом от немецкой разведки, так (сохранены стиль и орфография оригинала. — *Авт.*):

«...Осуществление террористических актов против крупных партийных военных работников, и в первую очередь, работников НКВД. Для этой цели немецкой разведкой мне было обещано дополнительно выслать определенные яды, бесшумные пистолеты, толченное стекло и другие средства.

1. Осуществление диверсионных актов, как-то взрывов мостов, стратегически важных железных дорог, взрывы железнодорожного полотна в момент прохождения воинских эшелонов, водопроводных башен, электростанций, заводов оборонного значения, поджог колхозного имущества.

2. Вести антисоветскую агитацию среди колхозников, рабочих и красноармейцев. Антисоветскую агитацию вести в разрезе: среди колхозников — о невыполнении хлебозаготовок государству и о роспуске колхозов. Среди рабочих вести антисоветскую агитацию в разрезе саботирования

---

¹ НТСНП — Национальный Союз Нового Поколения. Антисоветская организация.

ими Госплана. Среди красноармейцев своей антисоветской агитацией добиваться, чтобы последние отказывались воевать далее границ СССР 1939—1940 годов.

3. Вести шпионскую работу, интересоваться прежде всего политико-моральным состоянием военнослужащих, имеют ли стремление продвигаться до Берлина, какими резервами располагает Красная Армия, дислокация воинских частей, наличие оборонных предприятий и их производительная мощность.

4. Дискредитация крупных партийных, советских, военных работников и работников НКВД. Для этой цели использовать метод посылки провокационных писем в их адреса. Антисоветскую агитацию рекомендовалось проводить путем личного общения с населением из числа неблагонадежных, практиковать вербовки. Практиковать метод распространения листовок антисоветского содержания через завербованных нами лиц, путем расклейки на витринах в общественных местах, путем якобы случайно забытых в этих местах. Упор на антисоветскую агитацию рекомендовалось проводить в основном в населенных пунктах со значительной плотностью населения.

Для изготовления листовок нам выдана специальная типография, приспособленная в специальной рубаше с отдельными карманами на каждую букву русского алфавита...»

Наконец утром 5 сентября 1944 года Москва приняла решение начать радиоигру «Янус». В ней участвовали сам Базалий и радисты группы Г. Поляков и Н. Крылов.

Так началась одна из 183 радиоигр, проведенных СМЕРШем с вражеской разведкой. В ней впоследствии принял участие и лейтенант Константин Сумцов.

Что касается начальников районных отделов НКГБ и НКВД Семлевского района, то их сурово наказали. А сотрудников СМЕРШ капитана Литвинова и майора Маслова поощрили, что было справедливо. Начальники в Семлево здорово лопухнулись.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Неудача

Сумцову довелось участвовать в разных операциях в борьбе с агентурой врага. Он был удачлив, но всегда — в жизни так не бывает. Все время везти человеку не может. В его практике случались и неудачи. Как действовать, он знал, а были и инструкции.

Организация местного розыска

Получив данные о выброске агентов... в районе расположения воинских частей, обслуживаемых органом СМЕРШ, последний, уточнив по возможности время, место и обстоятельства выброски немедленно:

а) организует розыск и задержание;

б) ориентирует о выброске ближайшие органы СМЕРШ, местные органы милиции и НКВД, которые принимают меры розыска по своей линии, а также в вышестоящий орган СМЕРШ.

Из инструкции по организации розыска агентуры разведки противника.

Утверждена ГУКР НКО СМЕРШ 9 сентября 1943 г. и объявлена директивой ГУКР НКО СМЕРШ № 49519 от 9 сентября 1943 г.

В 4 часа утра 24 сентября 1944 года с поста наблюдения за воздухом по телефону чекистам было сообщено, что над лесом в районе Вязьмы снизился немецкий самолет, сделал несколько кругов над чернеющим массивом леса и повернул на запад. На лесную поляну спустились трое парашютистов. В этот лес была немедленно направлена оперативно-розыскная группа с целью разыскать и обезвредить вражеских лазутчиков. Оперативно-розыскную группу возглавил лейтенант госбезопасности Константин Сумцов, прибывший из Управления контрразведки Западного фронта. В нее входили территориалы — сотрудники территориальных органов государственной безопасности и внутренних дел (НКГБ и

НКВД). Среднего роста тонколицый блондин старший лейтенант Артем Мельничук и худощавый лейтенант Михаил Дюжиков. В фуражках с голубым верхом они выделялись среди остальных, быстро собранных десяти бойцов-чекистов и милиционеров.

— Вам доводилось ловить диверсантов? — спросил Сумцов Мельничука.

Щуря темно-синие, молодо поблескивающие глаза, тот ответил:

— Нет... Больше с немецкими пособниками, карателями имеем дело.

— Будьте осторожны. Немцы свою агентуру готовят основательно.

— Ну и мы не лопухи, — задиристо заметил лейтенант Дюжиков.

«Ну, да. Однако не так давно в этих местах здорово лопухнулись местные чекисты» — отметил про себя Сумцов, но вслух ничего не сказал.

Все эти оперативники-территориалы для поимки агентов-парашютистов малопригодны. Для захвата подготовленных диверсантов нужны розыскники-профессионалы, с мертвой хваткой. А эти тыловики, что они умеют... В душе Сумцов недолюбливал тех, у кого служба проходила вдали от фронта. Они не знали разрывов бомб, мин, выстрелов, не видели множество смертей. На ум пришло шутливое выражение по адресу тыловика: «Ношу золотые погоны, сплю с женами фронтовиков и ищу себя в списках награжденных».

Хотя как сказать, и вдали от передовой смерть могла настичь служивого. Тем более чекиста и сотрудника милиции. Они гибли и в тылу, сраженные вражеской пулей...

Группа захвата направилась в лес. Чекисты ожидали немецких гостей. Однако одно дело — ожидать врагов, и совсем другое, найти их и обезвредить... Они могли оказаться хорошо вооруженными или основательно подготовленными.

Бывший пограничник, ставший контрразведчиком, Константин Сумцов был профессионалом высокого уровня. У него позади первые бои на границе, участие в битве за

Москву, два года незабываемых сражений в кровавой войне, смертельно опасная деятельность зафронтового разведчика. Порой он удивлялся тому, что, несмотря на все острейшие передраги, остался жив.

Вошли в лес, и Сумцов предупредил:

— Постарайтесь передвигаться бесшумно. Лес любит тишину. Учтите, могут быть всякие неожиданности.

Бывший пограничник Сумцов хорошо помнил свою нелегкую бесшумную службу на границе, заполненную всякими неожиданностями. А боевое крещение у него было перед началом войны, когда он задержал диверсанта.

Человек смелый, бывалый, Сумцов тем не менее не без тревоги ожидал встречи с вражескими агентами.

Кто они? Какая степень опасности возможна при встрече с ними? Какую немецкую разведшколу окончили? Абвер и «Цеппелин» основательно готовили свою агентуру. Особенно абвер. Например, Варшавская разведшкола являлась центральной и показательной по методам подготовки квалифицированной агентуры из советских военнопленных. В июле 1943 года школа была переведена в м. Нойгоф в 12 километрах от Кенигсберга. (Потому ее еще называли Кенигсбергской.) Диверсионная школа в Смоленске готовила агентов-диверсантов для проведения диверсий и организации повстанческого движения в тылу СССР, а также принимала участие в антипартизанских операциях. В октябре 1944 года школа переместилась в Польшу, в район Старограда, и продолжила подготовку агентов-диверсантов. У абвера были десятки школ по подготовке агентуры. Свою агентуру готовил и «Цеппелин» в своих разведывательно-диверсионных школах. Сумцову же довелось самому побывать в Варшавской разведывательной школе.

Внезапно начался дождь. Он полил сплошной стеной, кроны деревьев не задерживали его. Потоки воды низвергались на землю. Одежда Сумцова и его спутников пропиталась насквозь. У него намокли гимнастерка, брюки, даже в сапоги набралась вода. Холодная, мглистая сырость плотно охватывала тело Сумцова. Зубы начали выбивать частую дробь. Он

дрожал от холода. Сумцов с группой попытались укрыться от дождя под кронами деревьев, но от воды не было спасения.

Казалось, разгулу стихии не будет конца. Однако где-то через час ливень внезапно прекратился, как будто бы его и не было. Дрожа от холода, чекисты медленно брели по лесу. Мокрая одежда плотно облегла тело Сумцова, в набухших сапогах хлюпала вода. Мысленно, проклиная все на свете: непогоду, негостеприимный лес, немецких агентов, через полчаса Сумцов с группой приблизились к поляне. Огляделись. Никого на ней не заметили. В эти минуты Сумцов уже не воспринимал мокрую одежду, холод... Главное — впереди предстоял поединок с вражескими агентами. Все усилия, все внимание его были сосредоточены только на этом. Никакие посторонние мысли уже не могли оставаться в его голове.

Принимая все меры предосторожности, группа захвата вышла на лесную поляну. Сумцов полагал, что именно сюда спустились парашютисты. Он не ошибся. Очень скоро были обнаружены неряшливо, видимо, наскоро закопанные парашюты. Места, где находились диверсанты, и дорожка отхода с поляны к ручью оказались присыпаны кайенской смесью. Что это такое, Сумцов хорошо знал. Кайенская или «индийская» смесь — смесь истолченного в порошок кайенского перца и крепкого табака. Применяется для ослепления противника, а также в качестве антисобакина. Ни одна собака уже после этого след не возьмет. Да, у группы захвата не было собачки. Судя по следам кайенской смеси на земле, Сумцову стало ясно: вражеские агенты ушли после дождя, ушли по воде — по течению ручья, а в какую сторону, аллах его знает... Ушли недавно. Мы же пытались переждать дождь. И опоздали...

Надо было принимать меры, чтобы срочно разыскать и обезвредить опасных лазутчиков. Однако не так-то легко это сделать, если неизвестно, какими документами снабдила шпионов гитлеровская разведка и какое конкретное задание они получили.

Один из крупных разведчиков прошлого века говорил, что розыск шпиона подобен розыску крупики металла в

огромной массе песка. Для точности надо бы добавить: песка, неизвестно где находящегося. Вот такую «крупинку» и предстояло разыскать чекистам, причем как можно быстрее.

Гитлеровская разведка старалась снабдить своих агентов безупречными документами: нередко шпионам выдавались настоящие документы советских людей, погибших на фронте или в концентрационных лагерях; иногда документы оформлялись на подлинных бланках, захваченных в советских учреждениях на оккупированной гитлеровцами территории; были случаи, когда шпиона забрасывали к нам в тыл со своими собственными документами, но к ним обязательно присоединялись еще и какие-то липовые документы, объяснявшие пребывание их в данном районе, населенном пункте, и эти фальшивые документы немцы готовили тщательно. Они всегда были оформлены на подлинных бланках советских учреждений. В этот неприятный для группы захвата день Сумцов с досадой отметил: упустили врагов... В чем же наш просчет? А действовали как было положено в таких случаях... По инструкции... Конечно, инструкция это теория. Все случаи в жизни в ней не предусмотреть. Знать ее нужно и выполнять. И надо учитывать, что, когда идет дождь, его не следует пережидать.

Из инструкции по организации розыска агентуры разведки противника

Утверждена ГУКР НКО СМЕРШ 9 сентября 1943 г.
и объявлена директивой ГКУР НКО СМЕРШ
№ 49519 от 9 сентября 1943 г.

Розыск и ликвидация агентуры, забрасываемой противником на нашу сторону, является важнейшей задачей органов СМЕРШ.

Для успешной борьбы с агентурой разведки противника необходимы:

- а) правильная и четкая организация розыскной работы;
- б) систематический контроль за выполнением мероприятий, направленных к выявлению, розыску и задержанию вражеских агентов;

в) умелое использование всех агентурных и иных возможностей по выявлению и розыску агентуры противника;

г) тщательный допрос задержанных и разоблаченных агентов и диверсантов об известных им германских агентах с указанием подробных данных, облегчающих их розыск, методов работы, способов легализации и передвижения вражеских агентов в нашем тылу;

д) быстрое оперативное использование добытых материалов по указанным выше вопросам;

е) немедленная информация вышестоящих инстанций о каждом выявленном и задержанном агенте разведки противника, его показаниях о других известных ему агентах и новых методах работы вражеской агентуры;

ж) контакт в розыскной работе с органами НКГБ и НКВД. Розыскная работа требует от оперативного состава органов СМЕРШ исключительной оперативности, большой инициативы и изобретательности.

Сумцова не оставляло неприятное чувство досады от неудачи в лесу. Он вспомнил о поведении начальников Семлевских райотделов НКГБ и НКВД, о чем ему подробно было рассказано начальством. То, что кто-то оказался лопухом, вызывало чувство досады за глупость коллег, но его, Сумцова, лично не касалось. А вот то, что лопухнулся он сам, было для него, опытного сотрудника СМЕРШа, обидно и непростительно. За его плечами был большой, к тому же весьма опасный стаж службы в контрразведке.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Еще одна радиоигра

183 радиоигры с противником провел легендарный СМЕРШ. Это высший пилотаж контрразведывательной работы.

Созданное в 1943 году Главное управление контрразведки «Смерть шпионам» Народного комиссариата обо-

роны СССР вошло в историю мировой тайной войны как наиболее эффективная спецслужба. А ведь эта организация просуществовала всего лишь три года.

За годы войны управления СМЕРШ фронтов из чисто контрразведывательного органа превратились в мощную разведывательно-контрразведывательную службу, занимающуюся не только розыском вражеской агентуры, но и агентурной разведкой во фронтовом тылу врага.

Важным по своему значению для успешных действий советских войск на фронте направлением работы СМЕРШа были так называемые радиоигры с немецкими разведорганами. Суть их была проста: взятые с поличным, с портативной радиостанцией, предназначенной для приема и передачи сообщений на коротких волнах, немецкие агенты под контролем советских чекистов передавали своему руководству дезинформацию. Передаваемая информация не должна была вызывать подозрения у противника, поэтому требовался тонкий, аккуратный подбор ложных сведений, чередовавшихся с правдивыми. Такие игры проводили и немцы, и союзники СССР — англичане. В СМЕРШе этим занималась отдельная группа сотрудников.

Чекисты считали, что дезинформация врага — тоже оружие.

Лейтенант Константин Сумцов после удачного выполнения задания в тылу врага из ведения 4-го отдела Управления ГУКР СМЕРШ перешел под начало 3-го отдела. 4-й отдел был наделен полномочиями по ведению контрразведывательной работы на стороне противника в целях выявления каналов проникновения его агентуры в части и учреждения Красной Армии. Во главе отдела с апреля 1943 по февраль 1944 года находится Петр Петрович Тимофеев, а с февраля 1944 года и до самого конца войны — генерал-майор Владимир Яковлевич Барышников (1900 — 12.11.1971). Он же занимался и проведением радиоигр. Организовывая их, советская контрразведка ставила перед собой оперативную задачу — парализовать работу вражеских спецслужб, прежде всего абвера и «Цеппелина» по основным линиям их дея-

тельности: ведение шпионажа в прифронтовой полосе и на главных транспортных коммуникациях страны; проведение стратегической разведки в промышленных районах Урала, Сибири, Азии, проведение на территории СССР диверсий и террористических актов против военных, советских и партийных руководителей; созданию в Советском Союзе так называемого фронта сопротивления или «пятой колонны» путем объединения различного рода враждебных государству элементов и обеспечения их необходимым вооружением; организация вооруженных выступлений против советской власти в национально-территориальных образованиях.

После задержания группы Ярошенко-Базалия Москва утром 5 сентября 1944 года приняла решение начать радиопрограмму «Янус». В ней участвовали сам Базалий и радисты группы Г. Поляков и Н. Крылов. Участвовал в этой игре и лейтенант Константин Сумцов.

В первой радиопрограмме, отправленной 9 сентября 1944 года, немцам сообщили, что при высадке людей разбросало далеко друг от друга, в результате чего потерялась половина группы и весь багаж. У абвера срочно запросили «помощи».

Текст сообщений для немцев был такой: «Выброшены примерно 40 км от Вязьмы на территории Семлевского района. Люди и грузы сброшены не по плану. Со мной осталось 8 человек, радиостанция, и у людей личный груз. В условленные места не иду, остановился в лесах Оленинского района. Подробности дополнительно. Жду указаний. Ярошенко».

Немцы ответили, что посылают «троих ребят». Указали время и место их заброски. Они и спустились на лесную поляну. Однако благополучно ушли от группы захвата. Предстояло во что бы то ни стало найти немецких агентов.

* * *

На лесную поляну спустились трое парашютистов. Освободились от груза, посигналили друг другу электрическими фонариками. Закопали парашюты. Правда, сделали это

как-то небрежно. Собрались у одинокой корявой сосны. Один из них отсчитал от сосны несколько шагов в сторону накренившейся лохматой ели, сказал:

— Здесь оставим вещмешки. Пойдем в поселок.

Освободившись от груза, все трое собрались уходить, но внезапно разверзлись небеса, на землю низвергнулись потоки воды. Переждать дождь им показалось мучительно долго. И как только он стих, парашютисты быстро покинули место высадки.

* * *

Начальник райотдела НКГБ в Вязьме майор Сорокин¹ под утро был поднят с постели. Звонил начальник транспортного отдела. Он сообщил, что на станции при проверке документов задержан немецкий парашютист. С ним было еще двое, но им удалось уйти.

Сорокин попросил доставить задержанного к нему в отдел. Быстро добрался до своего служебного кабинета. Вызвал сотрудников. Распорядился поднять милицию.

— Необходимо ориентировать войска. По железной дороге выслать поисковые группы...

И вот задержанный, назвавшийся Тимофеевым, сидит перед Сорокиным. Невысокий, коренастый человек. В его спокойных серых глазах незаметно было и тени смятения. На предложенный стул он опустился неторопливо, положил руки на колени.

— Курите? — спросил его Сорокин.

— Курю, товарищ майор.

— Пожалуйста.

Тимофеев взял папиросу. Жадно затянулся.

— Ваша действительная фамилия? Имя, отчество?

— Тимофеев Михаил Николаевич. Немцы же меня окрестили Орловым. Под этой фамилией я обучался в немецкой разведшколе...

---

¹ Фамилия изменена.

Тимофеев рассказал о себе, что он кадровый старшина-сверхсрочник. Служил начальником радиостанции. Летом сорок второго попал к немцам в плен. Лагерь... Был завербован немецкой разведкой. Обучался в Борисовской школе абвера.

— Так как же, Михаил Николаевич, получилось, что вы — старшина Красной Армии — оказались нашим врагом?

— Я не враг, товарищ майор, и прошу мне верить. Я пошел в немецкую разведку, чтобы освободиться от плена и попасть к своим.

— Не верю, Тимофеев. Если бы вы с таким намерением шли в разведку, то явились бы к нам с повинной сразу же после выброски. А ведь было не так. Вас перебросили через линию фронта, но вы не торопились прийти к нам, вас задержали. За-дер-жа-ли, а не сами вы пришли.

— Разрешите объяснить, товарищ майор.

— Попробуйте.

— Я был переброшен не один. Со мною были Волохов и Кириенко. Они не рассчитывали сдать. Мне пришлось тщательно скрывать свои намерения от них. Согласитесь, они могли просто-напросто пристрелить меня.

— Расскажите подробно о ваших действиях после приземления.

— До Вязьмы мы добрались удачно. В городе подыскали частную квартиру. Хозяину объяснили, что приехали получать обмундирование и фураж для своей части. Нужно было ехать за рацией и продуктами, которые спрятали в лесу. А пока решили оглядеться. Походить по городу. Зайти на станцию, в зал ожидания. Волохов и Кириенко попросили меня разведать, нет ли на вокзале работников милиции. Вслед за мной в зал ожидания вошли два красноармейца с повязками патрулей. Я подошел к ним и попросил доложить обо мне в районный отдел госбезопасности. «Как прикажете вас рекомендовать?» — с улыбкой спросил один из них. «Скажите, что с ними добывается встречи человек с той

стороны». «С какой с той?» — переспросили они. И тут же потребовали документы и обыскали меня. Волохов и Кириенко, вероятно, видели все это в окно и скрылись.

— Кто у вас в группе старший? — перебил его Сорокин.

— Кириенко. Я радист.

— Радиостанция одна?

— Да.

— Волохов и Кириенко могут работать на радиции?

— Нет. Они окончили ту же школу, что и я, но были на отделении разведчиков, а я радист.

— Назовите позывные вашей радиостанции и разведцентра, с которым вы должны были держать связь.

— Позывные моей радиостанции три последние буквы моего имени — «ЛАИ». Только буква «И» без краткого знака. А позывные немецкого разведцентра: «ВАС» — три первые буквы моего отчества. Все это легко запоминается.

— Немудренная конспирация. Значит, вы утверждаете, что пошли в немецкую разведку затем, чтобы попасть к своим.

— Да, товарищ майор, и я готов делать все, что посчитаете возможным поручить мне...

Сорокин приказал увести арестованного. Задумался о том, что ему следовало предпринять. Его размышления прервал короткий, но властный звонок телефона. Вызывала Москва.

— Слушаю... Да, это я Сорокин...

Из указания вышестоящей организации Сорокину следовало задержанного Тимофеева-Орлова немедленно передать представителю СМЕРШа, принять неотложные меры для розыска и задержания двух скрывшихся парашютистов. Где-то через час у Сорокина появился лейтенант Константин Сумцов. О Тимофееве сказал:

— Наш клиент. Он задействован у нас в радиоигре. Без него под угрозой срыва может оказаться радиоигра.

— А что же вы его упустили? И еще двое из его группы где-то гуляют, — ехидно заметил Сорокин.

— Будем искать с вашей помощью, — с улыбкой доброжелательно сказал Сумцов.

С территориальными работниками госбезопасности следует всегда ладить. Как-никак ведь у нас общее дело — искать и разоблачать вражеских агентов, считал Сумцов. Бывшие старосты полиции, другие пособники немцев, которыми занимались местные органы госбезопасности, в данное время Сумцова мало интересовали. Он весь был в радиоигре.

Разумеется, Сумцова не мог не заинтересовать пойманный радист Тимофеев-Орлов. Кто он? Можно ли его использовать в радиоигре с противником?

* * *

Тимофеев-Орлов был переброшен на нашу территорию абверкомандой-103. Команда и подчиненные ей группы вели работу против Западного, Калининского, Прибалтийских, Центрального и Белорусского фронтов, уделяя внимание городам Москве и Саратову. В свое время при команде была создана Борисовская разведшкола. В связи с наступлением советских войск команда перемещалась все дальше и дальше на запад. В августе 1944 года команда уже находилась в Восточной Пруссии.

Организованная в августе 1941 года абверкомандой-103 Борисовская разведывательная школа готовила агентов-разведчиков и радистов. Ее и окончил Тимофеев-Орлов. С 1942 в абверкоманде-103 успешно работал советский контрразведчик А.И. Козлов. В 1942 году разведчиками отряда П. Лопатина был захвачен начальник разведшколы в Борисове. В августе 1943 года оперативным работникам спецгруппы НКГБ «Родные» удалось склонить к сотрудничеству преподавателя радиоотдела Матюшина Ивана Ивановича (он же Фролов). От него советские контрразведчики получили установочные данные на десятки немецких агентов, заброшенных в наш тыл. В Борисове в 1944 году размещалась ауссенкоманда-3 «Цеппелина».

«Предприятие Цеппелин», созданный в марте 1942 года, был серьезной и опасной спецслужбой гитлеровцев. Любые мелкие, на первый взгляд, незначительные данные о немецких разведывательно-диверсионных структурах немцев представляли для СМЕРШа безусловный интерес. И Константин Сумцов провел допросы-беседы с Тимофеевым-Орловым, а затем с Кириенко и Волоховым. Их нашли и арестовали через пять дней после задержания Тимофеева.

При всех допросах Сумцов строго придерживался выработанного им правила: кто бы ни был перед ним, допрашивать его лучше так, чтобы сам допрос как можно меньше походил на официальную процедуру, а был близок к живой беседе. Сумцов обычно не торопил с ответом «собеседника» и не останавливал, когда у того вдруг появлялась охота пространно о чем-либо рассказать, не прерывал его даже в тех случаях, если этот рассказ был не совсем по существу дела, — важно было дать человеку до конца высказаться. Чтобы поддерживать атмосферу откровенного разговора, Сумцов не вел никакого протокола, лишь изредка делал заметки на листке бумаги, лежавшем на его столе. Для многих людей понятия «криминалист» и «контрразведчик» представляются почти тождественными. На самом деле собственно криминалистика со всеми ее техническими достижениями занимает далеко не главное место в работе контрразведчика. Основное для него — знание жизни, способность анализировать факты. Сама же контрразведывательная работа чаще всего лишена какой-либо романтики, значительная часть ее — будничная проза.

В ходе допроса-беседы с Тимофеевым Сумцов получил значительное представление о всех его перипетиях пребывания в плену у немцев, обучении в разведывательной школе абвера. Тимофеев-Орлов окончил Борисовскую школу абвера, Сумцов же, как зафронтный разведчик, побывал в Варшавской школе (в бытность в ней Сумцова школа находилась в Нойгофе). Так что обстановка на «той стороне» и в шпионской школе немцев лейтенанту Сумцову, сотруднику СМЕРШа, была хорошо знакома.

— Вы сказали, что проходили обучение в Борисовской разведшколе, — спросил Сумцов.

— Да, это так.

— Где находилась школа?

— Говорили, что она была недалеко от Кенигсберга. Размещалась там в бараках бывшего лагеря французских военнопленных, затем переместилась в м. Маллетен. Там она находилась до августа сорок четвертого года. У нее был филиал в деревне Флиндорф. Немцы вербовали агентов из военнопленных поляков для разведывательной работы в тылу Красной Армии. А в августе этого года школа переехала в Меве, недалеко от Данцига. Находится на окраине города на берегу Вислы в здании бывшей немецкой школы офицеров.

— Кто является руководителем школы?

— Капитан Утгоф. Не уверен, что это настоящая его фамилия. Вербовали в школу вербовщики Роганов Николай и Потемкин Григорий. Это их псевдонимы. Вербовали и официальные сотрудники абверкоманды из числа пособников.

— Кого готовили в школе?

— Агентов-разведчиков и радистов.

— Сколько в ней обучалось лиц?

— Около ста пятидесяти человек. 50—60 радистов.

— Сколько времени шло обучение?

— Разведчиков месяц-два, а радистов два-четыре месяца. Каждому присваивали кличку. Было строго запрещено называть свою настоящую фамилию и расспрашивать об этом других. Перебрасывали нас в тыл Красной Армии по 2—3 человека. Один — обязательно радист.

Сумцову важно было знать, можно ли подключить к радионигре с немцами Тимофеева-Орлова.

Начальник ГУКР СМЕРШ Виктор Семенович Абакумов добился эффективных результатов в борьбе с немецкой агентурой благодаря зафронтной разведке. Органы СМЕРШа перешли на тайном фронте войны от активной обороны в наступление. Их агентура проникает в разведы-

вательные и диверсионные школы абвера и «Цепелина» и ведет незримую борьбу в самом логове врага. Если лицо после нелегальной переброски в тыл Красной Армии отказалось от выполнения преступного задания и установления связи со своими сообщниками по шпионской работе, никаких практических действий, могущих причинить ущерб государству, не совершило, то к уголовной ответственности оно не привлекалось. Это, по указанию Абакумова, в своей деятельности применял СМЕРШ.

От автора

Такую практику Президиум Верховного Совета СССР узаконил только в начале шестидесятых минувшего столетия. Таким образом, задолго до этого ее предвосхитил начальник ГУКР СМЕРШ В.С. Абакумов.

Двое других из шпионской группы, в которой Тимофеев-Орлов был радистом, Кириенко и Волохов не произвели положительного впечатления. Побудительные мотивы, которые привели Кириенко и Волохова к измене Родине, были у Владимира Волохова — трусость и меркантильность, у Николая Кириенко — ненависть к существующему в стране строю. Не случайно немцы поставили его старшим группы.

— Перевербовать такого себе дороже, — сказал о Кириенко Сумцов. — Конечно, судьбу свою решает прежде всего сам человек.

Так как Кириенко и Волохов не внушали доверия, немцам ушла радиограмма о том, что при выброске всех разбросало и два агента на контакт не вышли.

* * *

Лейтенант Хайнрихсен надел наушники, призывно выстукивая ключом: «Лаи», «Лаи»... Отзовитесь, где вы? — Я — «Вас», я — «Вас»... Я слушаю! Я слушаю вас».

И вдруг. О радость! Да, он не мог ошибиться... тоненький писк, знакомый, как мелодия любимой песни, пробился сквозь треск в эфире.

— Я — «Лай», я — «Лай»! «Вас», вы слышите меня?

Нет сомнения, это он. Это работал «Лай». Хайнрихсен сам обучал его работе на ключе и безошибочно мог отличить этот ритм от работы других радистов. Лейтенант готов был закричать от радости: «Я слышу вас, черти!» Но микрофона перед ним не было, и пальцы привычно выстукивали:

«Лай», я слышу вас! Сообщите, как ваши дела?..» Через час, бодрый и подтянутый, лейтенант Хайнрихсен вошел к своему начальнику и положил перед ним расшифрованную телеграмму. Пробежав ее глазами, начальник приказал:

— Немедленно доложите об этом господину, — и он назвал фамилию начальника абверкоманды-103.

Ему обстоятельно и доложил лейтенант о высадке группы, посланной в помощь Ярошенко.

— Во время приземления был сильный ветер, группу разбросало в разные стороны. Радиограмму дал радист Орлов.

Шеф слушал внимательно, подчеркивал красным карандашом место высадки, город, где обосновался радист.

— Стало быть, эта группа не соединилась с Ярошенко, и радист действует самостоятельно. Почему? — сомнение отразилось на лице начальника абверкоманды.

— Вы думаете, радист, может быть, работает под контролем русских? — осторожно спросил лейтенант.

— Не думаю, но допускаю! Подождем с ответом. Что нам ответит сам Ярошенко.

Прошло три дня, и лейтенант Хайнрихсен положил перед начальником абверкоманды-103 расшифрованную телеграмму. Текст ее гласил: «Продукты вышли, снаряжения и боеприпасов нет. Прошу обеспечить всем необходимым и картами. Работать здесь можно, кое-что делаем. Ярошенко».

— Стало быть, радист Орлов встретился с группой Ярошенко, — с удовлетворением отметил начальник абвер-

команды. Он распорядился доставить необходимый груз этой группе, о чем 24 сентября от абверкоманды поступила радиограмма следующего содержания: «Сообщите немедленно, что вы по ночам, начиная с 25 сентября, при приближении самолета будете жечь костры в форме треугольника и махать в середине факелом между 24 и 2 часами 00 минутами московского времени в указанном районе. Мы прилетим в зависимости от погоды с грузом. Без подтверждения о том, что вы поняли, не прилетим. Привет!»

Противник обещал помочь людьми. Немцы отправляли в помощь группе Базалия «пять новых ребят, надежных и деловых». «Все вам подчиняться согласны. Пароль для новых ребят: Дождь, дождь, а для вас: снег, снег. Ребята имеют с собой лист с перечнем груза и письма Ярошенко». Базалий радировал в ответ, что тронут вниманием и заботой руководителей, доверие начальства оправдает.

Начальник абверкоманды-103 стал особенно интересоваться сообщениями от Ярошенко. Лейтенант Хайнрихсен завел специальную папку, куда аккуратно подшивал все телеграммы Ярошенко, новые данные, сопоставляя их с данными, полученными от других агентов абвера, находившихся в тылах Красной Армии. Проанализировав эти данные, можно было безошибочно предсказать намерения русских, предугадать их планы. Да, в абвере работали профессионалы. Доверчивых простаков не было. В СМЕРШе же радиоигру решили продолжить. В немецкий тыл ушла радиограмма. И лейтенант Хайнрихсен положил ее на стол начальнику абверкоманды. «Долгожданный груз получили, успешно собираем. Один пакет взорвался и сгорел. Прибывшие в полном здоровье. Все шлем вам сердечно русское национальное спасибо, а особенно я за ваше личное внимание и награду. Клянемся продолжить общее великое дело. Как в «штиле нахт»¹. Крепко целуем вас. Ярошенко».

---

¹ Тихая ночь — (нем.).

Немцы в итоге «клюнули». Базалию-«Ярошенко» было даже присвоено звание капитана власовской РОА, о чем и сообщили по радиосвязи.

В ночь на 21 декабря 1944 года самолет противника сбросил на парашютах пополнение в составе четырех диверсантов и груз весом 3250 кг. Все парашютисты, переодетые в форму офицеров Красной Армии, сразу были задержаны опергруппой СМЕРШ. При задержании группы пополнения чекисты провели оперативную комбинацию — создали обстановку, будто бы диверсанты попали к «своим». На месте приземления «втемную» было установлено, что прибывшие агенты немецкой разведки прошли специальный курс подготовки с целью создания в советском тылу филиала «Комитета национального освобождения России», организованного в Германии генералом-изменником Андреем Власовым. Старший группы Иван Горбатов от имени «Центрального Штаба национальных партизан» 3 класса, а также передал письмо от одного из руководителей «Советской социалистической партии» с «опознавательным знаком» и явочным адресом встречи с курьером.

Содержание письма и награждение Базалия орденом свидетельствовали о том, что радиостанция «Янус» пользуется доверием у руководства немецкого разведоргана, которое возлагает большие надежды на диверсантов. В числе сброшенных на парашютах предметов экипировки оказались: походная типография: антисоветская литература (10 тыс. экз.); фиктивные документы, штампы, печати, бланки различных воинских и гражданских учреждений (2 тыс. экз.); деньги 103 тыс. руб., 2 ручных пулемета, 20 винтовок, 4 автомата ППШ, 7 пистолетов, 14 цинков с патронами; взрывчатые вещества общим весом 1300 кг; различное воинское снаряжение; большое количество продуктов питания.

Диверсанты охранялись группой захвата из 3 оперативников и 10 бойцов и офицеров батальона охраны УКР СМЕРШ МВО.

Нач. Гл. Управления «СМЕРШ»
комиссару госбезопасности 2-го ранга
тов. Абакумову

Рапорт

В результате проведенной 3 отделом ГУКР «СМЕРШ» радиоигры «Янус» 20 декабря с/г противник выбросил на обусловленные нами костры 4 агентов (арестованы) и 60 мест груза (общий вес около $3\frac{1}{2}$ тонн) с оружием, взрыв-материалами, обмундированием и т.д. Для переброски указанных агентов и груза в Москву, а также для возвращения нашей оперативной группы прошу Вашего распоряжения АХО ГУКР «СМЕРШ» направить в район действия группы (Оленинский р-н Калининской области) две грузовые автомашины «Студебекер». Машины будет сопровождать оперуполномоченный 3-го отдела капитан Таказин Д.В. Одновременно считаю целесообразным командировать туда же фотографа для заснятия всего изъятого имущества на месте приземления.

*Нач. 3 отдела ГУКР «СМЕРШ»
полковник Барышников
22 декабря 1944 года.*

24 декабря диверсантов перевезли в Москву для встречи с «Ярошенко» и доставили на площадь Дзержинского.

В результате радиоигры «Янус» была парализована, переведена на «холостой ход» деятельность огромного числа диверсантов и антисоветских пропагандистов.

Сам Иван Базалий, несмотря на свое участие в операции «Янус», все-таки побывал под судом. Его приговорили к 6 годам заключения, но благодаря хлопотам чекистов срок наказания у него стал 2 года. После отбытия наказания Базалий уехал к себе на родину...

В операции «Янус», проходившей в смоленских лесах, принимал участие и лейтенант госбезопасности Константин Сумцов, сотрудник СМЕРШа.

ГУКР СМЕРШ противостояли многочисленные мощные спецслужбы гитлеровской Германии. В радиоигре «Янус» чекистам противостояла абверкоманда-103 при немецкой группировке «Мите». Позывной «Сатурн», в подчинении которой были абвергруппы: 107, 108, 109, 110 и 113, а также Борисовская разведшкола. В августе 1944 года абверкоманда-103 находилась в Восточной Пруссии.

На советско-германском фронте действовали разведывательные и диверсионно-разведывательные команды и группы абвера, а также контрразведывательные команды и группы. Таких команд было около 40.

Помимо органов абвера на оккупированной территории СССР действовали оперативные группы полиции безопасности и СД, весь путь которых по нашей территории отмечен местами уничтожений гражданского населения и военнопленных.

В спецслужбах гитлеровской Германии были опытные профессионалы. Спецслужбы обладали хорошими техническими возможностями. Например, у абвергруппы-107, абверкоманды-103 для снабжения агентов фиктивными документами была своя граверная мастерская. Группа располагала 20 печатями советских стрелковых дивизий, 40 печатями полков, 10 печатями эвакогоспиталей, 5—6 печатями армейских госпиталей, печатью штаба Западного фронта, печатями Тульского городского отдела НКВД и Химкинского районного отдела НКВД Московской области.

* * *

У Базалия было безупречно выполненное удостоверение личности №60574. В нем значилось:

«Предъявитель сего Ярошенко

Иван Николаевич

состоит на действительной военной службе

в 209 стр. полку внутр.

войск НКВД».

Так что ГУКР СМЕРШ НКО СССР противостоял серьезный противник.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Немного истории, или Деятели РОВС в руках СМЕРШа

В СМЕРШе не забывали и про деятелей белой эмиграции. Особое внимание уделялось членам Русского общевоинского союза — РОВС. Чтобы узнать, что это такое, следует подробнее познакомиться с историей борьбы РОВС с советской властью и ее спецслужбой. С многочисленным противостоянием ОГПУ — НКВД РОВСу, охотой за его руководящими деятелями.

После окончания Гражданской войны в России у советской власти не осталось серьезных противников внутри страны. В то же время за границей действовало немало эмигрантских организаций, ставивших своей целью свержение существующего строя в молодом государстве. Благо эмигрантов за пределами России было много. В 20-х годах минувшего столетия число эмигрантов-выходцев из России составляло в Европе и Китае более миллиона человек. Часть людей, бежавших за границу из-за страха перед советской властью, не были активными борцами, не собирались бороться с ней. Но многие сражались против Красной Армии на полях Гражданской войны, и они объединились за границей в боевые организации, ставящие своей целью свержение советской власти в России. У большинства эмигрантов была мечта вернуться в Россию. Они ведь родились там... Там у них было все: гимназия, университет, студенческие балы, военные училища, первая любовь... могилы. В эмиграции многие еле сводили концы с концами. Некогда блестящие офицеры стали таксистами, официантами... Многие бывшие понимали: вернуться домой можно только военной силой. Они и питали боевые организации белоэмигрантов того времени.

Самой активной и агрессивной организацией белоэмигрантов являлся созданный генералом Врангелем Русский общевоинский союз — РОВС. Он состоял из офицеров разгромленной Добровольческой армии. Штаб-квартира

РОВС находилась в Париже, а филиалы — в ряде европейских городов. РОВС объединял в своих рядах около 100 тысяч бывших офицеров.

На втором месте после Врангеля был генерал Александр Павлович Кутепов — упрямый, энергичный и жестокий. Он опирался на галлиполийцев, то есть на тех, кто после бегства из Крыма прошел испытания в лагере на Галлиполи. Там Кутепов насаждал свирепую дисциплину, сажал офицеров на гауптвахту, разрешал дуэль на винтовках за оскорбление офицерской чести. Полевые суды и жестокие наказания подтянули дисциплину среди галлиполийцев.

Главным оружием РОВС в борьбе против советского государства являлись террор и диверсии. В Париже и в городах Праге, Софии, Берлине и Варшаве, где были филиалы РОВС, готовились боевые группы для заброски на советскую территорию с целью проведения терактов и организации вооруженных выступлений населения. Члены РОВС налаживали связи с контрреволюционным подпольем в России для подготовки восстаний.

После смерти Врангеля в 1928 году РОВС возглавил один из его заместителей — генерал Кутепов. И это означало, что диверсионная и террористическая деятельность белых будет возрастать. Юрию Ширинскому-Шихматову было поручено организовать школу агитаторов и подобрать «твердые элементы» для заполнения должностей в России после реставрации монархии.

Легендированная контрразведывательная организация «Трест» как одно из средств борьбы против терроризма, шпионажа и диверсий приобретал большое значение. Существует несколько версий, кому принадлежит авторство «Треста». Разумеется, не самые слова, а этой контрразведывательной комбинации. Называют Ф.Э. Дзержинского, других... Придумал это бывший товарищ министрах внутренних дел (заместитель министра), командир корпуса жандармов генерал-майор Владимир Федорович Джунковский (затем генерал-лейтенант командир 15-й Сибирской стрелковой дивизии).

Джунковский в свое время возмутился тем, что член Государственной думы, председатель фракции социал-демократов Роман Малиновский был платный агент охраны. Ему, Джунковскому, радоваться бы тому, что, по существу, его агент находится на таких высотах. Он же решил прекратить «этот срам» и заставил Малиновского покинуть пределы Российской империи. Отрицательно относился Джунковский и к Распутину, за что стараниями царицы был снят с должности. Поехал на фронт командовать дивизией.

В советское уже время Джунковский давал полезные советы Дзержинскому. Он говорил: «Что вам своих врагов ловить поодиночке. Создайте легендированную организацию из якобы противников существующего строя, и все ваши недруги как мухи на мед полетят... А дальше дело техники...»

К сожалению, генерал Джунковский не избежал печальной участи многих... Попал под каток репрессий 30-х годов. Был 21 февраля 1938 года ОСО при НКВД приговорен к расстрелу. Надо было искать пути проникновения в РОВС и войти в доверие к Врангелю и Кутепову. Кутепов поверил в «Трест». «Мы с вами заодно. Наша цель — добывать для вас средства, посылать вам самых надежных из наших людей, — говорил Кутепов представителю «Треста». — Здесь все прогнило, протухло кроме моих людей. Надо переломить эмиграцию, расположить влиятельных лиц в пользу «Треста». И разумеется, потрусить денежные мешки. Марков — выжившее из ума дерьмо! Причем наглое, самонадеянное, как они все там, в Монархическом совете. Вокруг великого князя собралось дрянцо: Оболенский держит руку Маркова; Сталь фон Гольштейн — старая шляпа; Трубецкой — сибарит и лентяй». «Трест» охватил все монархические организации за рубежом. В него верили потому, что подпольная монархическая организация в центре России была заветной мечтой эмигрантов. Но... в апреле 1927 года «Трест» перестал существовать. Контрразведывательная операция ВЧК—ОГПУ, длившаяся в течение

почти шести лет, была закончена. Значение этой операции трудно переоценить. «Трест» все эти годы служил как бы громоотводом белой эмиграции, срывая заговоры и террористические акты озлобленной белой эмиграции и контрреволюционных групп внутри страны. (Через многие десятилетия наступило время, когда можно было рассказать правду о «Тресте».)

В отместку за то, что «Трест» долго сдерживал теракты, Кутепов отдал приказ убивать как можно больше видных советских работников. Началась переброска террористов в Советский Союз. Активизировалась террористическая деятельность белых эмигрантов.

Террорист Ларионов бросил бомбу в Ленинградском партийном клубе. Ему удалось бежать, сообщник его был арестован. Спустя 15 лет Ларионов объявился в оккупированном немцами Смоленске.

В секретной инструкции, разработанной Кутеповым для боевиков-террористов, подчеркивалось: «План общей работы представляется в следующем виде — террор против... советских чиновников, а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции».

В конце 1929 года генералом Кутеповым было решено активизировать диверсионно-террористическую работу против СССР. Стали готовить группы офицеров-боевиков, в планы которых входило привлечение к работе абсолютно проверенного бактериолога с целью оборудования своей лаборатории для разведения культур инфекционных болезней (чума, холера, тиф, сибирская язва). Культуры бацилл на территорию СССР предполагалось доставлять в упаковке от духов, одеколона, эссенций, ликеров и др. Целями терактов должны были служить все областные комитеты ВКП(б), губернские комитеты ВКП(б), партийные школы, войска и органы ОГПУ (у боевиков в наличии был список подобных 75 учреждений в Москве и Ленинграде с точным указанием адресов).

Личность Кутепова представляла серьезную опасность для Советского государства. Что-то нужно было делать...

Заманить генерала на советскую территорию, как это было с Савинковым и Рейли-Розенблумом, не представлялось возможным. И тогда было решено похитить главу РОВС Кутепова. Тем более что стратегической целью руководства РОВС являлось вооруженное выступление против советской власти. Кутепова поддерживала английская разведка. Благодаря ей он в конце 1927 года получил 200 тысяч французских франков. Операция по похищению Кутепова проходила так. Бывший агент России во Франции генерал Дьяконов, ставший агентом ОГПУ, вывел чекистов на Кутепова. С помощью Дьяконова Кутепову написали записку, в которой неизвестное лицо выразило желание встретиться с ним по денежному вопросу в воскресенье. Кутепов вышел из своей квартиры в доме № 26 по рю Русселе утром в 10 часов 30 минут 26 января 1930 года. Жене он сказал, что идет на панихиду по генералу Каульбарсу в церковь Союза галлиполийцев. В 11 часов на углу рю Удино и рю Русселе к Кутепову подошли двое и посадили его в стоявший там серо-зеленый автомобиль. В машине Кутепова усыпили хлороформом и в спящем состоянии доставили в Марсель к борту стоящего там советского парохода. На борт судна Кутепова провели под видом сильно пьяного члена экипажа. После этого пароход взял курс к советскому берегу. Однако слабое сердце Кутепова не выдержало наркоза, и он умер на борту парохода. Так закончил свои дни председатель РОВС генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов, убежденный монархист, ярый враг Советского государства.

Расследование исчезновения Кутепова проводила французская полиция. Было установлено, что генерал вышел из дома с намерением направиться на панихиду, а перед этим встретиться с одним хорошо известным ему человеком. Но на панихиду он так и не пришел, и больше его никто не видел.

Расследование французов исчезновения Кутепова ни к чему не привело. В организации похищения генерала, врага советской власти, принимали такие опытные чекисты, как заместитель начальника контрразведывательного отде-

ла (КРО) ОГПУ Сергей Васильевич Пузицкий, активный участник операции «Трест» (расстрелян в 1937 году, реабилитирован в 1957 году), и Яков Исаакович Серебрянский (Бергман) — начальник 1-го отделения Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ (нелегальная разведка).

О похищении генерала Кутепова и об участниках этой операции до недавнего времени знали лишь те немногие исследователи, по тем или иным причинам знакомые с самыми секретными операциями советской разведки.

В отдельной камере под № 110 внутренней тюрьмы Главного Управления государственной безопасности НКВД находился арестованный Иванов Петр Васильевич. Кто он? И как оказался там? Это был генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, профессиональный военный. В августе 1917 года он был направлен в Италию представителем Ставки Верховного Главнокомандующего при итальянской Главной квартире. Там его и застала Октябрьская революция. Миллер не признал новую власть и был заочно осужден судом революционного трибунала.

В январе 1919 года Миллер прибыл в оккупированный англичанами Архангельск и был назначен Главнокомандующим войсками Северного правительства Чайковского. В феврале 1920 года части Миллера были разбиты, а их остатки на ледоколе «Козьма Минин» и яхте «Ярославна» ушли в изгнание. О деятельности Миллера в Архангельске писал во французской газете «Информасьон» от 24 апреля 1920 года ее корреспондент эсер Борис Соколов.

«Я был свидетелем последнего периода существования правительства Северной области, а также его падения и бегства генерала Миллера со своим штабом. Я мог наблюдать разные русские правительства, но никогда не видел таких чудовищных и неслыханных деяний. Поскольку правительство Миллера опиралось исключительно на правые элементы, оно постоянно прибегало к жестокостям и систематическому террору, чтобы удержаться наверху. Смертельные казни производились сотнями часто без всякого судопроизводства...»

Миллер организовал каторжную тюрьму на Иокомском полуострове на Белом море. Я посетил эту тюрьму и могу удостовериться, что таких ужасов не было видно даже в царское время. В бараках на несколько сот человек размещалось свыше тысячи заключенных. По приказу Миллера начальник тюрьмы Судаков жестоко порол арестованных, отказывавшихся идти на каторжные работы. Ежедневно умирали десятки людей, которых кидали в общую могилу и кое-как засыпали землей...

Генерал Миллер, убегая, захватил с собой всю государственную казну, около 400 000 фунтов стерлингов (10 миллионов рублей золотом), которые принадлежали Северной области».

Вот так обрисовал генерала Миллера эсер Б. Соколов, друг Керенского, человек далекий от симпатий к большевикам. Следует заметить, что даже по законам Российской империи присвоение казенных денег считалось тягчайшим преступлением.

В эмиграции Миллер продолжил антисоветскую деятельность. Похищение Кутепова нанесло сильный удар по РОВС. От боевой организации не осталось почти ничего: основная часть боевиков погибла в вылазках на советскую территорию, оставшиеся были деморализованы разоблачением «Треста» и похищением Кутепова. Миллер, возглавивший РОВС, считая, что неудачи Кутепова были связаны с отсутствием у него опыта конспиративной работы, первым делом в октябре 1930 года организовал при РОВС небольшой контрразведывательный отдел. Начальником этого отдела стал генерал-майор Глобачев, занимавший посты охранного отделения в Петрограде и Варшаве. Миллер продолжал генеральную линию Кутепова, перенес основные усилия на создание хорошо законспирированных подпольных ячеек, которые могли бы в нужный момент возглавить вооруженное восстание.

После похищения Кутепова и ряда других чекистских операций доверие к РОВС спецслужб Англии и Франции, на чьем содержании ранее он находился, заметно пошатну-

лось. Генерал Миллер и другие руководители РОВС переориентировались в своей деятельности на нацистскую Германию, совместно с которой они рассчитывали вторгнуться на территорию СССР и возглавить оккупационный режим гитлеровцев.

«РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, — заявлял генерал Миллер. — Это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

В Москве принимают решение сорвать сближение белогвардейской эмиграции с нацистами. Для этого намечалось похитить генерала Миллера и доставить его в Москву.

Чекисты полагали, что в случае исчезновения Миллера заменить его на посту руководителя РОВС реально мог только генерал Скоблин, который был агентом резидентуры НКВД в Париже (псевдоним Скоблина «Фермер»). Такой вариант позволил бы советской разведке полностью контролировать деятельность РОВС. Была также мысль связать похищенного Миллера с организацией широкомасштабного судебного процесса над ним. Этот процесс мог бы не только разоблачить связи белогвардейцев с нацистами, но и ослабить негативное впечатление международной общественности от политических процессов над военными — маршалом и генералами Красной Армии, «доказать» их связь с белогвардейской эмиграцией и иностранными спецслужбами.

О том, как оказался Миллер в камере № 110, пойдет дальше наше повествование.

«Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 42 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом. Таким образом, для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года».

Из письма генерала Миллера Народному Комиссару Внутренних Дел Союза ССР и генеральному комиссару государственной безопасности Ежову 27 июля 1938 г.

Так и было, как писал Миллер. Для его похищения Скоблин должен был заманить генерала на конспиративную квартиру. 22 сентября 1937 года в 11 часов утра Миллер вышел из штаб-квартиры РОВС и направился на встречу со Скоблиным. Хитрый и осторожный Миллер на всякий случай оставил у начальника канцелярии генерала П.С. Кусонского конверт, который попросил вскрыть в том случае, если он не вернется.

В конверте была записка следующего содержания:

«У меня сегодня в 12.30 час. дня randevу с генералом Скоблиным на углу рю Жасмен и рю Раффе, и он должен везти меня на свидание с немецким офицером, военным агентом в прибалтийских странах Штроманом, и с г. Вернером, состоящим здесь при посольстве. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устроено по инициативе Скоблина. Может быть, это ловушка, на всякий случай оставляю эту записку.

Генерал Миллер, 22 сентября 1937 г.».

Миллер встретился со Скоблиным, который отвез его на квартиру, где генерала якобы для важного разговора ожидали немецкие офицеры. Но в этой квартире Миллера встретили не немцы, а Георгий Косенко и Вениамин Гражуль. Миллеру вкололи большую дозу наркотика, после чего поместили в деревянный ящик и на грузовике «Форд-23 КВ» советского посольства перевезли в Гавр. Там ящик опечатали дипломатической печатью, погрузили на пароход «Мария Ульянова», который находился под разгрузкой партии бараньих шкур. Не дожидаясь окончания разгрузки, пароход немедленно отплыл из Гавра и взял курс на Ленинград. Через неделю Миллер был доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД как заключенный № 110. Было это 29 сентября 1937 года.

В Париже вечером 22 сентября генерал П.А. Кусонский и заместитель председателя РОВС адмирал М.А. Кедров, обеспокоенные длительным отсутствием Миллера, вскрыли

оставленный им конверт и прочитали записку. Немедленно послали за Скоблиным. Тот отрицал факт встречи с Миллером в этот день, а когда Кедров предложил ему пройти в полицейский участок для дачи показаний, воспользовался моментом и бежал. Расследование французской полиции доказало причастность Скоблина и его жены Плевицкой к похищению Миллера. Плевицкая в декабре 1937 года судом была признана виновной в похищении Миллера и осуждена на 20 лет каторги. Скоблин был вывезен в Испанию.

Время шло, а Миллер находился в камере № 110. Проводить процесс с участием Миллера не понадобилось.

Сталин понимал, что в канун новой мировой войны продолжение судебных процессов над военными, в которых предполагалось использовать Миллера, может окончательно деморализовать Красную Армию, и отказался от этой идеи. Вождь сместил Н. Ежова с поста наркома внутренних дел и возложил на него творимые в стране произвол и беззаконие. Секретный арестант внутренней тюрьмы был уже не нужен. 11 мая 1939 года Л. Берия, сменивший Ежова на посту наркома внутренних дел, подписал распоряжение о расстреле генерала Миллера, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР.

«Акт

Приговор в отношении сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верхсуда СССР, приведен в исполнение в 12 часа 5 минут и в 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии:

Комендант НКВД Блохин (подпись).

Н-к Внутр. тюрьмы ГУГБ НКВД Миронов (подпись)

11/У.39 г.».

Возможно, что даже комендант НКВД Блохин, непосредственный участник расстрела Миллера, не знал, кем был сожженный в московском крематории «Иванов».

Похищение Миллера, вызвавшее немало шума, нанесло РОВС сокрушительный удар. Новый председатель гене-

рал-лейтенант А.П. Архангельский занял этот пост 22 марта 1938 года, но он не мог восстановить былой авторитет РОВСУ, который превратился в отжившую свой век организацию.

Похищение генерала Миллера, проходившего в НКВД под псевдонимом «Дед», организовали и осуществляли чекисты: заместитель начальника 7-го отдела ГУГБ Шпигельглас Сергей Михайлович (псевдоним «Дуглас»), резиденты внешней разведки Александр Орлов, Станислав Глинский («Петр»). В похищении Миллера также участвовали Георгий Косенко («Фин»), Михаил Григорьев («Александр») и Вениамин Гражуль (во Франции Белецкий).

По-разному сложилась судьба этих людей: Шпигельгласа расстреляли 29 января 1940 г., реабилитирован посмертно в 1956 г. Орлов Александр Михайлович (Фельдбин Лейба Лазаревич) бежал на Запад, проживал в США под именем Игоря Константиновича Берга, умер в США в апреле 1973 г. Гражуль Вениамин Семенович (Соломонович) умер в 1965 году в своей постели. Чего не сказать о Георгии Николаевиче Косенко, во Франции он был по фамилии Кислов, резидент внешней разведки в Париже, псевдоним «ин» капитан госбезопасности, за операцию в похищении и вывозе Е.К. Миллера в 1937 году был награжден орденом Красного Знамени. А 27 декабря 1938 года по указанию Берия был арестован. С 20 на 21 февраля 1939 года был расстрелян, а его тело захоронено в безымянной братской могиле в районе совхоза «Коммунарка». Учитывая выдающийся вклад Георгия Николаевича Косенко в решении разведывательных задач, его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки.

С эмигрантами иной раз — хотя и редко — сводились и старые счеты времен революции и Гражданской войны. Но все же в основном их арестовывали и предавали суду за их кровавые дела, сотрудничество с нацистами. В декабре 1944 года из Белграда был вывезен бывший начальник авиации Русской армии, председатель суда части 4-го отдела РОВС, генерал-майор В.М. Ткачев. Он отсидел 10 лет в

советском лагере, вернулся на родную Кубань и там умер в 1965 году.

Не по своей воле, а под конвоем из Чехословакии вернулись на родину в 1945 году колчаковский военачальник генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский, который активно работал по линии РОВС в Мукдене и Праге, и начальник 6-го отдела РОВС капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный. Войцеховский умер в лагере в 1951 году, а Подгорный умер во время следствия в Москве. Организации русских фашистов были особенно сильны и многочисленны на Дальнем Востоке. Там в 1931 году Константин Родзаевский создал собственную организацию — Русскую фашистскую партию, став в ней генеральным секретарем. Он был арестован СМЕРШем, осужден и расстрелян 30 августа 1946 года. Деятель РОВС генерал-лейтенант Г.Ф. Вершбицкий был возвращен на Родину в арестантском вагоне. Он имел немалые «заслуги»: служил в армии Колчака, был министром правительства братьев Меркуловых во Владивостоке. СМЕРШем был арестован сотрудник РОВС и Бюро русской эмиграции в Маньчжурии — БРЭм — полковник А.Ю. Шиковский. Он умер в тюрьме.

Расскажем еще об одном деятеле РОВС, знаменитом в прошлом матросе Степане Максимовиче Петриченко, известном вожаке Кронштадтского восстания в марте 1921 года. После подавления мятежа он бежал в Финляндию и там поначалу активно занимался антисоветской деятельностью. Когда весной 1922 года была объявлена ВЦИК амнистия, он решил вернуться на родину. Этим своим намерением он поделился с друзьями. Кто-то из «друзей» донес на него, и 21 мая 1922 года Петриченко арестовали, и он оказался в тюрьме, в которой провел несколько месяцев. После освобождения из тюрьмы Петриченко отошел от активной политической деятельности, стал квалифицированным плотником.

В августе 1927 года Петриченко пришел в советское консульство в Риге и обратился с заявлением на имя Всесоюзного старосты Михаила Калинина с ходатайством о воз-

вращении на родину. По просьбе советского представителя Петриченко составил обстоятельный доклад о Кронштадтском восстании, рассказал о своей роли в нем, о деятельности бывших участников этого восстания и о работе антисоветских эмигрантских организаций в Финляндии, которые представляли некоторую угрозу для безопасности Советского Союза. О просьбе Петриченко доложили Г.Г. Ягоде и И.В. Сталину, и было принято решение установить с ним негласный контакт, дать ему проверочное задание и, при успешном его выполнении, закрепить на постоянной агентурной работе по месту жительства в Финляндии. Советская спецслужба регулярно получала через Петриченко информацию о замыслах и планах белоэмигрантских организаций в Финляндии, их контактах с единомышленниками в других странах Европы, сведения о финской разведке и контрразведке. С С.М. Петриченко работали известные советские разведчики З.И. Рыбкина (Ирина) и Г.С. Сыроежкин. С середины 30-х годов Петриченко был ориентирован на работу против гитлеровской Германии. В январе 1941 года он сообщил о военных приготовлениях Финляндии, о размещении в стране немецких офицеров, о концентрации дивизий вермахта на территории оккупированной Польши. В марте сорок первого Петриченко информировал Центр о прибытии в район Петсамо немецкой дивизии, а через некоторое время спустя — о получении резервистами военного обмундирования, что означало приведение их в полную боевую готовность.

После начала Великой Отечественной войны С.М. Петриченко был интернирован, а затем арестован финскими властями и до 1944 года содержался в тюрьме. 25 сентября 1944 года он был освобожден, однако в апреле 1945 года вновь арестован и передан советским властям. 24 апреля 1945 года С.М. Петриченко за то, что, являясь руководителем Кронштадтского мятежа в 1921 г., бежал за границу, проживал в Финляндии, вступил в антисоветскую организацию РОВС, занимался переброской членов РОВС на территорию СССР для подрывной антисоветской деятель-

ности», был арестован органами ГУКР СМЕРШ. Особым совещанием при НКВД СССР он был приговорен к 10 годам ИТЛ. Умер в 1947 году в Соликамском лагере¹.

Иностранцами деятелями в СМЕРШе занимался также 2-й отдел во главе с полковником Сергеем Николаевичем Карташевым, который запомнился сотрудникам феноменальной памятью. Среди сотрудников его отдела были офицеры, владеющие иностранными языками.

Не будем перечислять всех «бывших», кто был арестован СМЕРШем за границей и вывезен на территорию СССР. Их было немало. Мы остановились на деятелях РОВС.

Следует заметить, что репрессиям подвергались не все белые эмигранты. Так, например, в Югославии до самой смерти благополучно жил бывший начальник Морского управления Ставки царя Николая II контр-адмирал А.Д. Бубнов, преподававший в Югославии в военно-морской академии (умер в 1963 году в Дубровнике); белые казачьи генералы А.П. Филимонов (умер в 1948 году в Осеке) и М.А. Фостиков (умер в 1966 году в Белграде); последний градоначальник императорского Петербурга генерал-майор А.П. Балк (умер в 1957 году). СМЕРШ также занимался судьбой 36 освобожденных из немецкого плена генералов РККА. 25 из них в итоге обрели свободу, а 11 генералов за сотрудничество с немцами оказались в советской тюрьме под следствием СМЕРШа. Среди политических деятелей, с которыми у большевиков были старые счеты, можно назвать в первую очередь бывшего депутата Государственной думы Василия Витальевича Шульгина, причастного к деятельности РОВС. Он был арестован 24 декабря 1944 года смершевцами 3-го Украинского фронта в Югославии, в городе Нови-Сад. Начальником УКР СМЕРШ 3-го Украинского фронта был знаменитый генерал Петр Иванович Ивашутин (настоящая фамилия Ивашутич). Впоследствии

---

¹ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России. — СПб.; М., 2001. С. 469—471.

короткое время он исполнял обязанности председателя КГБ СССР, а затем возглавил военную разведку — ГРУ, побил все рекорды «долгожительств», руководя ею в течение почти 25 лет.

Общение с Шульгиным запомнилось сотрудникам СМЕРШ. Еще бы.

— Вот я и приобщился к истории, — шутливо сказал один из них.

Член Государственной думы Василий Витальевич Шульгин, помещик Волынской губернии, присутствовал при отречении Николая Второго от престола. Он был убежденным монархистом, в годы гражданской войны состоял при штабе Деникина. Возглавлял подпольную организацию «Азбука», действовавшую против большевиков с ведома главнокомандующего Добровольческой армией генерала Деникина. Это был закоренелый враг молодого Советского государства. Шульгин очень интересовался судьбой своего сына, пропавшего без вести в Крыму в 1920 году. Ходили слухи, что сын Шульгина якобы взят в плен буденовцами. В 1921 году, когда Крым был уже советским, Шульгин совершил туда опасное путешествие с целью найти сына. Шульгин и с ним десять человек отправились из Варны на шхуне, высадились возле Гурзуфа. Но сына тогда Шульгин не нашел. В 1924 году ему пришла мысль обратиться в «Трест» (легендированную контрреволюционную организацию).

«Можете ли вы мне помочь разыскать сына?» — запросил Шульгин руководителя «Треста». Получив утвердительный ответ, спросил о возможности приезда в Москву его самого. «Гарантировать полную безопасность не могу, но приглашаю вас в Москву» — ответил руководитель «Треста».

Поездка Шульгина в Советскую Россию была необходима иностранному отделу ГПУ. После гибели Сиднея Рейли-Розенблюма нужно было продемонстрировать всей эмиграции, что «Тресту» ничего не угрожает, а происшедшее со знаменитым шпионом — роковая случайность.

И вот Шульгин, живший в Югославии, в Смерски-Карловицах, с документами на имя Иосифа Карловича Шварца, по приглашению «Треста» отправился в Россию. В ночь на 23 декабря он благополучно перешел границу. В книге «Три столицы», которую Шульгин написал после возвращения в Югославию, он интересно рассказывал о переходе границы, о револьверах «в обеих руках», утомительных перебежках по глубокому снегу, о метели — все было так, как написано. Но только переход был абсолютно безопасным — он осуществлялся через «окно» в районе Столбцов, контролируемое чекистами. Одним словом, это была игра нашей разведки. Шульгина отправили в Киев. Побывал он в Москве, Ленинграде... Главное, что волновало Шульгина, была судьба его сына, пропавшего без вести.

Чекисты использовали поездку Шульгина с максимальной пользой. Дзержинский посоветовал руководителем «Треста» намекнуть гостю оттуда, что было бы неплохо тому после возвращения в Югославию написать книгу о своей поездке. Бывший депутат Государственной думы с восторгом согласился. Из Югославии он пересылал части написанного, которые с особым вниманием читали на Лубянке. В результате Шульгин создал гимн Советской России, попутно доказав успешность организации «Трест».

Книга Шульгина «Три столицы» была злобой дня в кругах эмиграции. Она внесла разлад в белую эмиграцию. Автор нескольких книг Шульгин писал: «Очень важно, чтобы эмиграция знала, что Россия жива и не собирается помирать». Автор хвалил «Трест», его руководителей. Шульгин хорошо «поработал» на мельницу ОГПУ. Поездка Шульгина в Советскую Россию — удачная операция чекистов. Они лихо морочили голову всей эмиграции.

После ареста Шульгина в 1944 году сопровождавший его в поездке из Югославии в Москву смершевец с интересом рассматривал бывшего врага: «Вот он какой, осколок монархии...»

Шульгин был подавлен, но бодрился, сказал:

— В Москву еду — хорошо. На родину. — Тихо заметил: — Последний раз был в столице в 1925 году. Тогда мне экскурсию в Советскую Россию устроил сам Дзержинский.

Сотрудник СМЕРШа удивленно вскинул брови, но вопросы Шульгину не задавал...

* * *

В Москве Шульгин был приговорен судом к тюремному заключению. Он в 1937 году отошел от политической деятельности, но учли его «заслуги» в борьбе с советской властью, создании Добровольческой армии белых. Тюремное заключение отбывал в знаменитом Владимирском центральном, где в свое время находились такие лица, как Василий Сталин, известный чекист, генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов, другие, служившие под началом Берия.

В 1956 году Шульгин был освобожден. В начале 60-х годов обратился с двумя открытыми письмами к русской эмиграции с призывом отказаться от враждебного отношения к Советской власти. В середине шестидесятых в фильме «Перед судом истории» Шульгин играл самого себя, возраст его тогда приближался к девяностолетию. Этот оригинальный замысел создателей фильма зрители не увидели. Картина не попала на широкий экран. Умер Шульгин во Владимире в 1976 году, там и похоронен. До столетнего возраста Василий Витальевич не дотянул...

* * *

Таким образом, деятели РОВС оказались в руках СМЕРШа. Перед ГУКР СМЕРШ НКО СССР выстроился целый ряд задач, с решением которых нельзя было затягивать.

После освобождения территории Советского Союза от немецких захватчиков органы военной контрразведки начали активно арестовывать реальных и потенциальных врагов в других странах.

В СМЕРШе была выстроена и отлажена эффективная система агентурно-оперативных мер, которая работала надежно и редко давала сбой. Рано или поздно затаившийся предатель или гитлеровский пособник «прокалывался» перед умело подведенным к нему контрразведчиками агентом или осведомителем, «засвечивался» в розыском списке, «всплывал» из тайных архивов гитлеровских спецслужб, которые тщательно анализировались во вторых отделах управлений фронтов и ГУКР. 2-й отдел СМЕРШ, возглавляемый полковником Сергеем Николаевичем Карташовым, вел работу среди военнопленных и занимался фильтрацией находившихся в плену или окружении, а также репатриантов из числа советских граждан, угнанных на работу в Германию.

После разгрома гитлеровской Германии и капитуляции вермахта необходимо было организовать прием и проверку освобожденных союзными войсками на территории Западной Германии советских военнопленных и интернированных граждан, которых насчитывалось более 1,5 млн человек. В тыловых районах для их размещения было создано около 100 лагерей. Они проходили через «сито» проверок подразделений ГУКР СМЕРШ.

Сотрудниками СМЕРША в Германии и странах Восточной Европы был арестован ряд видных деятелей самой Германии и ее бывших сателлитов, которые представляли интерес для советских служб безопасности. В их числе руководители абвера Франц Бентовеньи и Ганс Пиккенброк. Еще в 1944 году вывезены из Румынии сотрудниками СМЕРШ 3-го Украинского фронта сотрудничавшие с Гитлером румынские руководители — премьер маршал Ион Антонеску и его заместитель Михай Антонеску.

В этой работе сотрудники СМЕРШ участвовали вместе с органами НКВД и НКГБ. После проверки 4 199 488 граждан, репатриированных из Германии в 1945—1946 годы, было арестовано 270 867 человек, из них 148 079 отделались ссылкой (6 с небольшим процентов). А была и многочисленная армия предателя Власова.

После окончания Великой Отечественной войны органы контрразведки СМЕРШ НКВД занимались выявлением и учетом предателей, пособников оккупантов, лиц, ранее проживавших на оккупированных территориях, находившихся в плену у противника, вышедших из окружения, а также тех граждан, которые состояли на службе в немецкой армии и полиции, добровольно сотрудничали с немецкой администрацией, дезертиров и лиц, допускавших антисоветские высказывания. Эти направления деятельности в большей степени стали переходить к территориальным органам НКГБ.

* * *

СМЕРШ успешно действовал на освобожденных от японских самураев землях. Опергруппами СМЕРШ были арестованы командующий Квантунской армии генерал Ямада, начальник разведотдела штаба полковник Асада Сабуро и его заместитель подполковник Кумазаки, руководители военной миссии в Харбине генералы Акикуса Шун и Янагита Гендзо (оба умерли в заключении в СССР), сотрудники военных миссий в Хайларе, убившие ранее сотрудников КВЖД, и в Дайрене во главе с генералом Таксоко Ютакой (они убили в августе 1945 года бывшего начальника УНКВД Дальневосточного края Генриха Люшкова, бежавшего в июне 1938 года через границу в Японию).

В Маньчжурии действовало 35 оперативно-разыскных групп СМЕРШ. Были арестованы известный белогвардейский атаман генерал-лейтенант Григорий Семенов, генерал-майор Белой армии Лев Власевский — глава «Бюро русских эмигрантов» (75 человек).

СМЕРШ арестовал 317 сотрудников и 349 агентов Японской военной миссии, 569 жандармов, 172 изменника Родине (в том числе 10 перевербованных японцами сотрудников Разведупра РККА). Были захвачены ценные трофейные документы и архивы. Всего в августе-декабре 1945 года сотрудники СМЕРШа арестовали 5484 сотрудника и агента

японских разведорганов, 1303 активных белоэмигранта и 1023 «вражеских элемента», ликвидировали 13 белоэмигрантских организаций¹.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

После Победы

Долго люди ждали этот день. Великий, радостный, счастливый.

Победа! Что пережил Сумцов в тот день — этого описать нельзя, невозможно. Это день долгожданный, незабываемый. Ах, как все его ждали — радостный, солнечный, весенний день нашей Победы!

Константин с Ирой вышли на улицу.

— Какими словами мне выразить эту великую Победу? Никогда не забыть нам праздник Победы! — восторженно говорил Константин.

— Даже не верится. Как долго мы к этому дню шли, — не скрывала эмоций Ирина.

1416 дней и ночей, 20 часов и 43 минуты прошло с утра 1941 года, когда гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну, до подписания Акта о безоговорочной капитуляции нацистской Германии в 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года.

В счет шли часы и минуты, так как в среднем за один час этой войны умирало свыше тысячи, а иногда и десяти тысяч человек!

День Победы был далек не только по отсчету времени. Далек по началу ожесточенной беспощадной битвы с врагом на фронте, отнявшей миллионы жизней. Далек он был по самоотверженному, беззаветному труду нашего народа в тылу, не считавшего количества отданных сил и часов в сутках, ежедневно приближавшего Победу. Многое пред-

---

¹ СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы. М., 2003.

стояло увидеть и услышать людям нашей страны, прошедшим через войну.

— Это наш самый счастливый день! — не унимался Константин. Тихо сказал Ирине: — Может быть, глядя на нас, кто-то подумает «Повезло этой паре — живы, радуются». А кому-то покажется: «Удачливый вояка! Живой, здоровый, в центре Москвы, когда другие еще на фронте».

— Но твои награды о чем-то говорят, — Ира любовно потрогала ордена «Отечественной войны» I степени и Красной Звезды на груди Константина.

Многие из ликующей толпы бросались в объятия к незнакомым в военной форме. Праздничная радость захлестывала всех.

Вечером того дня Константин и Ирина допоздна вспоминали тревожные дни минувшего лихолетья.

— Знаешь, Ира, я всегда верил, что останусь живым.

— Тебе хотелось в это верить. — Ирина задумалась — Жизнь, смерть... Перед тем как вечером заснуть, тебе не приходит в голову мысль, что утром не проснешься? — внезапно поинтересовалась она.

— Однако какие у тебя пессимистические мысли... — Константин задумался. — Случается, перед сном охватывает такое чувство... будто уходишь в небытие.

— Все-таки...

— Все мои мысли о жизни, о службе. Чувство страха смерти мне чуждо. Хотя если задуматься, что вот наступит миг и тебя не станет... Это не радует. Говорят, от такой мысли можно сойти с ума.

— Так же как от сознания того, что ты существуешь... Один неповторимый во всей вселенной, — грустно заметила Ира.

— Мы думаем, что за нас умрет дядя... Кто-то другой — не я, — с улыбкой сказал Константин. Он был оптимист, и жизнь представлялась ему бесконечной и радостной.

Пройдет много времени, и мысль о собственной смерти с той беззаботной, легкой мимолетностью, с какой она приходила прежде — точно должен был рано или поздно умереть

не он сам, а кто-то другой по фамилии Сумцов, сменится бесповоротной, беспощадной ясностью — конца бытия.

— Ну и темку мы затронули, — сказала Ирина.

— Ладно, не будем об этом. О жизни надо думать... Настоящей, не загробной. Мистика и всякая кабалистика нам ни к чему, — решительно произнес Сумцов.

— Да, это проявление дикости, — согласилась Ира.

— Мы же от нее далеко ушли. Это наши предки были малость диковаты, не знали закон ОМЛ, пню молились... — шутливо закончил разговор Константин.

Тогда представить себе не мог и в кошмарном сне не приснилось то, что через 50 лет произойдет с его Родиной. Люди, живущие на ее огромной территории, окажутся в атмосфере средневековья: появятся колдуны, ясновидящие... пышно расцветет лженаука астрология...

* * *

Отступая, немцы оставляли своих агентов на территории, освобожденной от немецких захватчиков. Опасная работа по розыску немецких агентов, диверсантов, бывших белогвардейцев, националистов проводилась сотрудниками розыскных отделов СМЕРШ. Для ориентировки в полках чекистами составлялись алфавитные списки, фотоальбомы и сборники разыскиваемых лиц.

Помощниками СМЕРШу были агенты-опознаватели, бывшие пособники немцев, явившиеся с повинной. Они помогали опознавать вражеских агентов, шпионов и диверсантов, националистов, активно действующих в тылу наших войск. Розыском и изобличением карателей и немецких пособников занимались территориалы.

Иностранцами деятелями в СМЕРШе занимался 2-й отдел во главе с полковником Сергеем Карташовым, среди сотрудников были владеющие иностранными языками. Сумцов, знающий немецкий язык, был направлен в этот отдел.

В СМЕРШе не забывали и про деятельность белой эмиграции — особенно в Болгарии, Чехословакии и Югосла-

вии. Особое внимание уделялось членам Российского общевойскового Союза (РОВС). Иногда сводились и старые счета времен революции и Гражданской войны. В основном же эмигрантов арестовывали и предавали суду за сотрудничество с нацистами.

Сумцов выезжал в конце 1944 года за рубеж Родины, был в Югославии. Тогда он сопровождал в Москву арестованного СМЕРШем 3-го Украинского фронта политического деятеля Василия Шульгина.

Сумцов знал о Шульгине по истории, по фильмам...

Об операции «Трест» Константин узнал во время учебы в Ленинградской школе СМЕРШа. Он с большим удовлетворением вспоминал учебу в Ленинграде. Там же прояснилась история с Ирмой — Иррой Лазаревской.

* * *

Уже к марту 1945 года СМЕРШем в Румынии, Болгарии и Югославии были арестованы 169 деятелей РОВС, из которых 38 человек служили в немецких разведорганах, а также немало членов НТС. Следует заметить, что репрессиям подвергались не все белые эмигранты. Судьбой 36 освобожденных из плена генералов РККА также занимались органы СМЕРШа. 25 из них в итоге обрели свободу, а 11 генералов «За сотрудничество с немцами» оказались в советской тюрьме, под следствием СМЕРШа.

Усилия военных контрразведчиков были направлены на выявление среди репатриантов агентуры гитлеровских спецслужб и изобличение военных преступников.

Летом сорок пятого победного года Сумцов по службе оказался в Австрии в Центральной группе войск — ЦГВ.

Здесь он встретился со своим бывшим сослуживцем, старшим лейтенантом Виктором Титовым. В школе младших командиров пограничных войск почти год они спали рядом. Их койки стояли впритык. Виктор Титов, оперуполномоченный СМЕРШа в 69-м ордена Красной Звезды Днестровском батальоне 56 Краснознаменной Дунайской инженерно-саперной бригады, обрадовался встрече.

— Не ожидал тебя увидеть! Не зря говорят — земля круглая.

— Живой, здоровый, красивый!

— Повезло, уцелел — пули отскакивали от меня. Правда, одна сбила шапку. Повезло!

— И мне повезло, в таких ситуациях был... — однако распространяться о «ситуациях» Сумцов не стал.

Подробно о своей деятельности он никому не говорил. Было же, что рассказать: зафронтная разведка, а радиогрифы — высший пилотаж контрразведки. Спросил Титова:

— Как служба?

— Служу. Старший лейтенант, как видишь. А ты капитан!

— Будешь и ты капитаном.

— У нас начальник отдела СМЕРШ бригады капитан.

— Да, наше ведомство не щедрое на чины и ордена.

— У меня Красная Звезда, медали...

— Меня наградили орденом «Отечественной войны» I степени и Красная Звезда, — сказал Сумцов.

— Главное, живы. После такой войны... А дела мои — будни. Рутинка.

— Как у тебя с агентурой? — поинтересовался Константин.

— Не густо, я бы сказал, пусто. Многие уже уехали на Родину.

Уезжали домой старшие по возрасту военнослужащие. Титову предстояло искать себе новых помощников. А это дело непростое. Не каждого можно привлекать к сотрудничеству. Вот, например, писарь в штабе Владислав Батов. Что он собой представляет? На оккупированной территории не находился, в армии не служил. Совсем избежать военной службы ему не удалось. По медицинским показаниям попал в трудовую армию, там носили военное обмундирование, но без погон. Однако в «трудофиках» Батов надолго не задержался и с новым пополнением пришел в батальон.

Уйти от призыва в действующую армию Батову помогла простая хитрость. Перед медосмотром он накурился чая,

сердце застучало, как расхлябанный движок, и его признали годным к нестроевой службе. Делать Батова своим осведомителем Титов не торопился. Слишком он хитрый. Для себя хитер.

— Как у тебя начальство? — спросил Сумцов.

— Нормально. Капитан Антропов старый, опытный чекист. Перед войной работал в Иваново. Последнее время стал ко мне строже относиться...

— Что так?

— Да я косо глянул на его переводчицу. Она у него в пэпэже¹ состоит.

— Ну и что?

— Девушка эта из репатрианток.

— Непродуманно действует твой начальник. За такое можно и погореть. Что делать, в каждой избушке свои игрушки.

* * *

Шалости Антропова стали известны его прямому начальству полковнику Максиму Алексеевичу Базанову. Бывший танкист Базанов, командир танкового батальона, в 1939 году стал служить в Особом отделе Киевского Особого Военного округа, затем в Особых отделах, в СМЕРШе ряда фронтов. В 1945 году Базанов начальник ОКР СМЕРШ 4-й гвардейской армии. У капитана Антропова по поводу его амурных дел состоялся нелицеприятный разговор с начальником.

— Ты ничего лучше не мог придумать, как устроить пэпэжухой репатриантку... — выругался, а затем заговорил Базанов.

— Товарищ полковник, зачем такая оценка Поддубной. Она переводчица. Я же языка немецкого не знаю...

— Конечно, не удостоился овладеть... Понимаю. Для всех нас, во всяком случае, для подавляющего большинства, иностранный язык не знаком. Речь не об этом, а о том

---

¹ Термин военных лет. ПЭПЭЖЕ — походно-полевая жена.

кого ты приблизил к себе. Переводчица... — хмыкнул Базанов. — Днем она переводчица, а ночью... Зачем тебе такой компромат? — произнес Базанов с ноткой сочувствия.

— Я проверял ее.

— Каким образом?

— В ориентировках о ней ничего нет.

— Прекрати. Когда у тебя в камере подследственный немец повесился, я с тебя стружку не снимал, а сейчас спрошу строго. Нельзя исключить, что ваша связь — попытка Поддубной внедрения в органы.

— Я так не считаю.

— Ну да, эта Раиса Поддубная не под дубом лежала, а под тобой. Вот и защищаешь ее.

— Максим Алексеевич, осознаю — неправильно повел себя, — понуро ответил Антропов.

— Хорошо, что осознаешь, — Базанов сердито сверкнул глазами. — В ближайшее время офицерам разрешат приезд жен. Так что вызывай свою. Она у тебя где? В Иваново?

— Там! — радостно воскликнул Антропов.

— Иди, работай, — закончил разговор Базанов.

— Есть! — бодро ответил Антропов и скрылся за дверью.

* * *

Репатрианты были разные. Перед Сумцовым сидела одна из них — Валентина Радзиминская из города Богодухова Харьковской области. Говорила, что была угнана немцами на работу в Германию. Но назвать предприятие, на котором работала, не смогла. Тогда заговорила по-другому:

— Я работала у Бауэра — сельского хозяина.

— Покажите руки, — предложил Сумцов.

— Ее ручки с наманикюренными ногтями не были похожи на трудовые. Радзиминская завралась окончательно. Стала излишне нервной.

Оказалось, она бежала с немцами. Было ей всего лишь двадцать два года, ни кожи, ни рожи. Природные недостатки

старательно компенсировала обилием косметики. Действовала всегда нахрапистостью. Порой добивалась успеха.

— Хитрющая девка, — говорили о ней однокашники.

Одна вспоминала:

— Что удумала! Брала у старшеклассников тетради с решением задач и в классе слыла самой умненькой. Задачи шелкала как орехи... Ведь решение задачи ей было известно.

С приходом оккупантов в город Радзиминская принарядилась, ходила в кожаном реглане. Этакая гранд-дама! Искала, с кем бы из оккупантов подружиться. Поиск ее увенчался успехом — она стала подстилкой коменданта станции Богодухов. Звали его Вилли. Железнодорожник ходил в синей форме. Немцы называли их — синие. Когда фронт приближался к городу, синих сменяли военные железнодорожники, носившие форму вермахта.

«Счастье» Радзиминской было недолгим. Вилли ночью угорел (а может быть, ему помогли угореть), и Валентина стала искать нового покровителя. Ей не везло... Она уехала из города с отступающими немцами. Меняя партнеров, добралась до Австрии. Объявила себя угнанной захватчицами на работу в Германию. В поле зрения СМЕРШа она оказалась после того, как стала подругой одного армейского капитана по фамилии Тараканов. Фамилия у него звучала не героически. Зато имя компенсировало этот недостаток. Звали избранника Лев. Радзиминская попыталась женить на себе капитана. А что? Быть офицерской женой не так уж плохо. Однако затея ей не удалась. Проверка показала, что Радзиминская с вражескими спецслужбами не связана, и ее отправили домой, в родной город Богодухов.

В небольшом городке об амурных делах Радзиминской с оккупантами было известно, и Валентина до родных мест не добралась. Где-то затерялась на обширных просторах великой страны.

О Радзиминской Сумцов вспомнил позже, когда с такой же фамилией (однофамилец!) в поле зрения оказался агент абвера. Поляк. Со временем Константин узнал о том,

какую мощную сеть раскинула польская разведка в разных странах. «Жечь посполита от можа до можа» — «Польша от моря до моря» — был не только лозунг.

* * *

— Недавно «пустышку» потянули... — как бы пожаловался Титов бывшему сослуживцу.

— Что так?

— Упустили дялягу...

— Расскажи.

Титов поведал Сумцову о происшедшем. Ему позвонил начальник отдела СМЕРШ бригады капитан Антропов, распорядился:

— У выезда из Трайсмауэра (место дислокации части) надо встретить Ливчака. Он уезжает в Союз. Из отдела будут капитан Андрияненко и старшина Курзов.

— Перехватим — не уйдет, — ответил Титов.

Капитан Ливчак в батальоне командовал ротой, но в последнее время в связи с какой-то непонятной хворью находился в расположении бригады. Из Союза к нему приехала жена Анна Абрамовна Галкина — зубной врач. И вот по состоянию здоровья Ливчак уезжал из Австрии, а с ним и жена.

— Скоро, скоро уже придет конец проклятым фашистским людоедам! — как-то заявил Ливчак.

Командира роты Ливчака Израиля Израилевича, который называл себя Семеном Семеновичем — впрочем, обычно произносилась только фамилия, — Титов не любил. Разумеется, он ничем не выказывал своей антипатии к этому офицеру. Его лютая ненависть была понятна Титову. Правда, никто из близких Ливчака от немцев не пострадал. Однако сильно пострадала национальность.

Наши войска победно передвигались на Запад. Уже бойцы перестали задавать друг другу вопросы: «Сколько немцев ты убил?» Перестал упоминаться призыв: «Папа, убей немца!» В центральной печати одернули известного публициста Илью Эренбурга, призывавшего уничтожать немцев.

Политработники стали разъяснять красноармейцам и командирам, что мы воюем не против немецкого народа, а — нацизма.

В обычных разговорах людей встречается всякое. И критика существующих порядков, часто справедливая, и ошибки командования, неудовлетворенность тем или иным в нашей жизни. У Ливчака же всегда все было в полном порядке. Обычно он не говорил, а изрекал лозунги. Ни тени сомнения в происходящем вокруг у него никогда не возникало. «Что занадто — то нездорово», что черезчур, то нездорово, ненормально — говорят поляки. Ура-патриотизм Ливчака претил Титову. Возможно, что это была защитительная линия поведения офицера Ливчака. Наверно, он знал, что возле него может оказаться всевидящее око и всеслышащее ухо СМЕРШа. И привык лишнего, по его мнению, не говорить.

Взять в разработку Ливчака Титов не мог. Какие у него для этого были основания? Личная неприязнь не аргумент. И все же, Титов чувствовал нездоровое нутро Ливчака. Не ошибся. Уже в Австрии ортодоксальному Ливчаку каким-то образом удалось раздобыть более килограмма золотых вещей.

Контрразведчикам предстояло изъять золото у Ливчака, а как дальше поступить с ним, зависело от обстановки. Машину, в которой ехали Ливчак и его жена, остановили на выезде из населенного пункта. Осмотр чемоданов и машины ничего не дал. Золота при них не было.

— Потянули пустышку, — доложил Андрияненко начальнику отдела. — Замечу, что чета этих золотодержателей держалась невозмутимо.

— В посылках отправили они свое золото, — высказал предположение капитан Антропов.

Титов не раз задумывался о поведении Ливчака. Такого голыми руками не возьмешь. Хитер, расчетлив, а главным побудительным мотивом его была жадность. Если человек жаден, то это уже навсегда. Отвыкнуть от курения трудно, от наркотиков почти невозможно. А от жадности — совсем

невозможно. Причем она в жадном человеке прогрессирует. К тому, что упустили Ливчака-Ловчака, Антропов отнесся спокойно.

К офицерам в Австрию из Союза стали приезжать жены. К капитану Антропову приехала его Татьяна с сыном, славным мальчишкой, восьми лет, по имени Славик. Николай Петрович Антропов обрел душевный покой.

* * *

Изменение политической обстановки, связанной с обострением противоречий между союзниками по антигитлеровской коалиции, выдвинуло перед органами СМЕРШ ряд совершенно новых задач на этом участке контрразведывательной деятельности. Бывшие союзники становились противниками, и их спецслужбы вели двойную игру. Под различными прикрытиями американские, британские и французские разведчики развернули пропагандистскую и вербовочную работу среди советских репатриантов перед их отправкой в Советский Союз. Некое «Бюро партизанских отрядов Франции» стало снабжать власовцев и тех, кто служил в немецкой армии, изменников Родине, аттестатами, удостоверениями, что они состояли в партизанских отрядах и боролись против немецких захватчиков. Только в одном Париже имелось 22 вербовочных пункта. «Двер» и «Секюрити Милитер» вели вербовочную работу по засылке своей агентуры к нам. Западные спецслужбы повели бешеную антисоветскую агитацию в лагерях репатриантов и склоняли их к отказу от возвращения в СССР, скрывали бывших карателей, пособников нацистов, их агентов.

Каратели... Под командованием и присмотром немецких офицеров в различных зондеркомандах и расстрельных командах (тайная полевая полиция) служили тысячи и тысячи бывших советских граждан всех национальностей. СМЕРШ, а затем пришедшие ему на смену органы государственной безопасности многие годы занимались поисками изменников Родине, предателей, карателей. В свое время

СМЕРШем были разысканы подручные Яна Каминского, возглавлявшего «Русскую освободительную народную армию» его заместитель С.В. Мосин, начальник и комендант тюрьмы Г.М. Иванов-Иванин и Д.Ф. Агеев, каратели В.В. Кузин и П.Л. Морозов. Но вот «Тонька-пулеметчица», расстреливавшая людей из пулемета, исчезла, испарилась, будто бы ее и не было.

Ряд сотрудников немецких спецслужб был объявлен в розыск. Список № 1 МГБ СССР.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Возмездие неотвратимо

В поселке Локоть Брянской области (в то время Орловской области), получив санкцию германского командования, руководители Локотской волостной управы начали создавать добровольческие полицейские отряды в основном из числа бывших военнослужащих Красной Армии. В июне 1942 года, одновременно с преобразованием волостной управы в окружную, Бронислав Каминский (по отцу поляк, по матери немец) был по приказу генерал-полковника Шмидта назначен командующим созданной в пределах округа милиции на правах командира бригады и приступил к формированию так называемой «Русской освободительной народной армии» (РОНА). В конце 1942 года армия насчитывала 10 тысяч человек, сведенных в 13 батальонов, и имела на вооружении орудия, минометы и пулеметы. К середине 1943 года армия насчитывала 20 тысяч. РОНА использовалась исключительно для борьбы с партизанами. Лишь в период наступления Красной Армии ее подразделения совместно с частями немецкой и венгерской армий были задействованы в оборонительных боях. В Локте немцы оставили только небольшой гарнизон и несколько офицеров для связи, а сами ушли на восток. Тем не менее, они осуществляли малозаметный, но весьма эффективный контроль за территорией, прежде всего через Локотское отделение «Виддер» абверштелле-107, которое возглавлял майор Грюнбаум. «Виддер» находился в подчинении абвер-

команды особого назначения в Орле (полковник Герлиц). Координировал деятельность всех немецких спецслужб, а помимо абвера здесь действовали также СД (оберштурм-фюрер СС Генри Леляйт) и тайная полевая полиция ГФП, специальный штаб под кодовым названием «Корюк-532» при штабе 2-й танковой армии. Начальником отдела по борьбе с партизанами и подпольем в нем являлся капитан фон Крюгер.

Руководители Локотского округа стали объектом преследования военных контрразведчиков. О судьбе изменника Каминского уже говорилось выше, но среди них находились и другие предатели. Один из них Шестаков (он же Арсенов, он же Михайлов). Этот бывший офицер РККА после захвата немцами Орла создал там подложную подпольную организацию, так называемый «ревком», в который вступило около 200 человек. В феврале 1943 года все они были арестованы гитлеровцами. Сам Шестаков получил звание обер-лейтенанта германской армии и стал ближайшим помощником майора Грюнбаума в отделе «Виддер» абверштелле-107. После наступления Красной Армии он бежал со своими хозяевами в Померанию, затем в Берлин и Австрию, откуда тайно перебрался в Румынию, где жил по документам Деошеску. Однако и там его разыскали брянские чекисты, вывезли в СССР и после суда расстреляли.

Были уже разысканы заместитель Каминского С.В. Мосин, начальник и комендант тюрьмы Г.М. Иванов-Иванин и Д.Ф. Агеев, каратели В.В. Кузин и П.Л. Морозов.

Долго искали Антонину Макарову — «Тоньку-пулеметчицу», так ее звали во время немецкой оккупации. Поиски начались сразу после войны. Каратели говорили чекистам на допросах о Тоньке-пулеметчице, Медсестре, Москвичке. Фамилию 19-летней девушки-палача назвать не могли. Только начальник локотской тюрьмы, с которым у нее был роман, вспомнил — Макарова. Шли годы и годы... И наконец чекисты вышли на ее след в Белоруссии.

Рядом с героизмом случалось и предательство. Антонина Макарова с детства почувствовала себя особенной. Росла в деревне. Родители — крестьяне, а в метрике значилось «родилась в Москве». Мать выбралась в столицу за ситчиком, да не рассчитала срок. Родила дочку в столице. Пошла девчонка в школу, и опять с ней история — родители Панфиловы, а она — Антонина Макарова. Так и росла в деревенской семье Панфиловых «москвичка» Тоня Макарова, которая уже знала: колхоз — не для нее, после школы она уедет в «свою Москву».

И уехала. Тетка помогла определиться на трикотажную фабрику. Но там Тоньке не понравилось. Стала работать в рабочей столовой по Арсеньевскому переулку, которая вечером, говорят, работала как кафе. «Официантка кафе» для Макаровой звучало музыкой. Ей хотелось парить меж столиков, быть в центре внимания. Жизнеописание Тоньки не входит в задачу автора. Упомяну лишь о том, как она стала «пулеметчицей». В оккупированном немецкими захватчиками Локоте на пороге полиции появилась Макарова: «Говорят, у вас есть местечко». Не судомойкой, поломойкой нанималась Макарова — ей хотелось быть на виду. Ее устроил пост охранницы тюрьмы. А что даже с пулеметом, польстило. Здесь при тюрьме — комната и прочие удобства плюс паек. Средством прокормления Тонька выбрала пулемет. Как выбирают швейную машинку. Не оказалось пулемету Тоньки работы на вышке, ее нашла она на земле. За конезаводом.

«Менялось только количество заключенных. Остальное же, как обычно, мне приказывали расстрелять группу, на место расстрела кем-либо выкатывался мой пулемет, я снимала шинель, ложилась за пулемет или становилась на колени и производила стрельбу до тех пор, пока не падали все» — говорила Макарова следователю. Лиц она не помнила.

По ее словам: «Мне все они были одинаковы». Среди них были женщины.

Она стреляла, а немецкие офицеры щелкали затворами фотоаппаратов. Говорят, однажды даже генерал притащился. А она между пулеметными очередями кокетливо поправляла волосы. Гитлеровцы угощали ее шоколадом. Этот шоколад за убийство не был горек ей.

В ходе следствия была доказана причастность Макаровой Антонины Макаровны к расстрелу 168 человек.

Когда к территории, где находился Локоть, подходили советские войска в 1943 году, Антонина Макарова сбежала с немцами, а затем прибилась к нашему медсанбату. Контуженный солдат дал ей свою фамилию и привез в свой белорусский город. Она сбросила свою фамилию, как сбрасывают очень грязное платье. Судили ее по фамилии мужа — Гинцбург...

«...за тридцать два года супружеской жизни я знал ее только с положительной стороны» — писал муж следовательно. Она работала в промкомбинате, и ее характеристика с места работы была неплохой. Ее фотография висела на почетном месте, в ряду карточек ветеранов войны. Надо было бы той фотографии висеть на другой доске, с надписью «Их разыскивает милиция».

Однако розыск таких, как она, не афишировался. Ее искали чекисты. Поиск карателей был непростой кропотливой работой. Ведь гитлеровские пособники, боясь возмездия за свои преступления, забивались в такие щели, где их было трудно обнаружить. Меняли фамилии...

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года советские граждане, сотрудничавшие с оккупантами в период Великой Отечественной войны, амнистированы, если они не участвовали в расстрелах и истязаниях людей. Поэтому чекистам в 70-е годы недостаточно было найти карателя, а требовалось изобличить его в убийстве людей. Да, понадобилось много времени, чтобы найти Тоньку-пулеметчицу. Чекист Петр Головачев целый год возил знавших Тоньку-пулеметчицу в Белоруссию на опознание. После ареста чекисты привезли ее в Локоть на следственный эксперимент. Попросили по-

казать, где все было. Водила, показывала. Ее смутил памятник непокоренным за конезаводом. Вроде тогда его не было. Была яма. Но Макарова-Гинцбург скоро сориентировалась.

Да, тут стреляла. Точно. Тоньку-пулеметчицу судили в Брянске и приговорили к расстрелу.

* * *

Через «сито» ГУКР СМЕРШ прошло более 10 млн человек. В фильтрационной работе принимал участие и капитан Константин Сумцов.

По-разному складывались судьбы руководителей ГУКР СМЕРШ. Вторая половина сороковых — первая половина пятидесятых ознаменовалась постоянными кадровыми перестановками. Вместе с начальниками своих постов лишались и их подчиненные. Некоторые были переведены на другую работу или уволены. Кое-кто попал в неприятную историю...

Из протокола допроса арестованного Сиднева Алексея Матвеевича

От 6 февраля 1948 года

Сиднев А.М., 1907 года рождения, уроженец гор. Саратова, с незаконченным высшим образованием, член ВКП (б) с 1931 года.

Бывший начальник оперативного сектора МВД в Берлине. Последнее время работал министром государственной безопасности Татарской АССР, генерал-майор.

Сиднев являлся начальником Управления контрразведки СМЕРШ Карельского фронта, в 1944 году — заместителем начальника Управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта.

Сиднев говорит о том, что он, занимая ответственную должность в МВД, находясь в Германии, набросился на легкую добычу и, позабыв об интересах государства, которое ему надлежало охранять, стал обогащаться.

Он признает, что занимался в Германии воровством и присвоением того, что должно было поступить в собственность государства.

Признал, что прихватил немного лишнего.

Старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник Путинцев говорит об изъятых при обыске у Сиднева гобеленах работы фламандских и французских мастеров XVII и XVIII веков, называет дамскую сумочку из чистого золота. Три золотых браслета с бриллиантами. 15 золотых часов, 42 золотых кулона, брошей, серег и цепочек, 15 золотых колец и другие золотые вещи.

Вот такая история! Что делать? Слаб человек...

* * *

Большинство же чекистов настоящие безупречные люди. Их труд — разве расскажешь о нем! О напряжении всех сил разума и души, о бесконечной веренице бессонных ночей, наполненных размышлениями, раздумьями...

Константин Сумцов часто вспоминал первого чекиста в своей жизни капитана Леонида Яковлевича Манилова. Где он? Что с ним случилось? Жив ли он? Узнать о судьбе чекиста Сумцову так и не удалось. Его сын, Виктор, узнав от мамы Иры о том, как отец относился к чекисту Манилову, пытался его разыскать, постарался хоть что-нибудь узнать об этом человеке.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Чекист-ветеран Леонид Манилов

Капитан Леонид Яковлевич Манилов проживал в городе Запорожье с 1944 года¹. Он был председателем Совета ветеранов прославленной 99-й — 88-й Гвардейской Запо-

---

¹ Умер в мае 1997 года.

рожской орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии, инвалидом Великой Отечественной войны II группы.

Из публикации о Манилове Л.Я. в местной печати.

Несмотря на тяжелые ранения, полученные в боях с фашистскими захватчиками на Украине — он ведет большую ветеранскую работу.

Награжден наш ветеран орденами и медалями за ратные боевые личные подвиги в битвах за Украину, за оборону Киева.

Кроме боевых орденов и медалей, он удостоен награды ордена «Знак почета» за восстановление разрушенного войной народного хозяйства города Запорожье и области.

Он вместе с женой Полиной Андреевной тоже участницей боевых действий начального периода войны — воспитали восьмерых детей.

Из них три офицера: подполковник погранвойск Алексей, генерал-майор погранвойск Александр¹, Общевойсковой генерал-полковник (он же академик) — Валерий, дочь Лариса — работала в мелиорации в Запорожье, пенсионерка, дочь Татьяна — работает инженером на автозаводе «Коммунар», сын Петро — работает на том же заводе зам. начальника цеха — инженер. Старший сын, служивший в авиачастях и работавший на оборонных заводах, получил облучение и умер, не дожив до 50 лет.

Семью отважного воина Манилова Л.Я. в сентябре 1994 года постигло большое горе: умерла его верная подруга жизни, с которой прошел жизненный путь вместе 60 лет, Полина Андреевна (до замужества Глибовец). Еще до Великой Отечественной войны, с 1935-го она работала в органах государственной безопасности Черниговской области.

О своих подвигах Леонид Яковлевич Манилов рассказывать не любит — такой он человек.

---

¹ Ныне генерал-полковник.

Для полноты характеристики чекиста-воина можно ознакомиться со следующими документами:

Секретно

выписка из приказа войскам южного фронта

(По личному составу)

«23» февраля 1942 г. № 0123/Н Действующая армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество — НАГРАЖДАЮ:

ОРДЕНОМ «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Лейтенанта¹ Госбезопасности МАНИЛОВА Леонида Яковлевича — Начальника Особого Отдела НКВД 99-й стрелковой дивизии

Командующий Южфронтом

Генерал-лейтенант

(МАЛИНОВСКИЙ)

Член военного совета

(КОРНИЕЦ)

Бригадный комиссар

(ЛАРИН)

Генерал-майор авиации

(ВЕРШИНИН)

Начальник штаба

Генерал-лейтенант

(АНТОНОВ)

Верно: НАЧАЛЬНИК ОК ОО НКВД ЮЖФРОНТА

СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(АФАНАСЬЕВ)

---

¹ По армейским званиям — капитан.

Личная подпись и гербовая печать ОО НКВД ЮЖ-ФРОНТА.

**Выписка из справки Архива
Министерства обороны СССР
О награждении орденом Красной Звезды
23 февраля 1942 года.
Южный фронт**

МАНИЛОВ Леонид Яковлевич — Начальник Особого отдела 99-й стрелковой дивизии

«...5 сентября 1941 года в районе Каховки, выполняя специальное задание с группой пограничников в составе 8 человек, заметив движение 3 вражеских танков, организовал засаду и вступил в бой, в результате которого один танк противника был подбит, остальные повернули обратно, замысел противника — незаметно пробраться в тылы наших частей и внести замешательство — умелыми действиями группы тов. МАНИЛОВА был сорван. После атаки танков, при налете авиации тов. МАНИЛОВ был ТЯЖЕЛО РАНЕН зажигательными пулями и с 5-го сентября по настоящее время находится в госпитале. В РЕЗУЛЬТАТЕ РАНЕНИЯ ПАРАЛИЗОВАНЫ ОБЕ НОГИ».

Исп. Ситникова, Чеботарева Л.Л. 29 апреля 1988 г.
№ 20 87945

Основание: 682524, д. 505, л. 389.....»

Копия НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Тов. МАНИЛОВ Л.Я., участник пограничных боев первого дня Великой Отечественной войны от Перемышля до Днепра. Дважды ранен, последний раз получил тяжелое ранение на переправе через Днепр 6 сентября 1941 года и стал инвалидом Отечественной войны II группы.

22 и 23 июня 1941 года гитлеровское командование с целью нарушить стойкость частей дивизии дважды выбрасывало крупные десанты в тылу дивизии, в районе местечка Медыка и села Буцув. Капитан МАНИЛОВ Л.Я. активно

участвовал вместе с разведывательным батальоном дивизии по уничтожению вражеских авиадесантов и захватил в плен офицера с документами большой важности.

5 июля в бою юго-западнее Проскурова лично участвовал в отражении танковой атаки противника и подбил гранатами два танка, но в окопе танком противника был придавлен отвалившейся землей, которая нанесла ему тяжелую травму, в результате этого он попал в госпиталь. Под его руководством как Начальника Особого отдела и других работников отдела за время 45-дневных боев было захвачено и обезврежено в районе 99-й дивизии — 8 шпионов и диверсантов.

За проявленную смелость и мужество в бою за Родину в первые дни войны и обеспечение активной борьбы против вражеской агентуры — представляем тов. МАНИЛОВА Леонида Яковлевича к правительственной награде — ордену Красного Знамени.

За командира 99-й Краснознаменной дивизии
бывший начальник штаба дивизии — генерал-майор в отставке
(С.Ф. ГОРОХОВ)

За комиссара 99-й стрелковой дивизии — быв.
начальник политотдела дивизии
генерал-майор в отставке
(П.С. ИЛЬИН)

12 января 1967 года

После Великой Победы в мирные дни капитан Константин Сумцов служил в органах государственной безопасности. Как известно, в разведке мирного времени нет.

Война для него, солдата тайного фронта, продолжалась.

Константин и Ирина вступили в законный брак, и у них образовалась хорошая дружная семья, родился сын, которого назвали Виктором в честь однокашника Константи-

на — Виктора Титова. Сумцову удалось подержать сынишку на руках...

1947 год... Именно в сорок седьмом советские ученые раскрыли секрет атомной бомбы. В тот год была проведена денежная реформа и отменены продовольственные карточки. Восставая из разрухи, наша страна показала всему миру, насколько велик ее научный, технический, экономический потенциал.

В сорок седьмом переломном году Константин Сумцов разбился на мотоцикле — тогда ездили без шлемов. Эх, судьбы людские! Ему бы жить и жить, сквозь годы мчась... Но он очень любил быструю езду...

Ирина окончила институт иностранных языков и преподавала английский в Академии имени Тимирязева... в этом же учебном заведении работала Нина Теймуразовна Гегечкори — жена Лаврентия Берия. Ирина никогда с ней не встречалась. Они не были знакомы.

Сын Сумцовых Виктор пошел по стопам отца. Служил успешно, стал генералом, а пришло время — ушел в запас. Сегодня Виктор Константинович активно участвует в ветеранском движении. Годы же мелькают, как листки календаря. Не остановить бег времени...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Генерал Сиднев отвечает следователю

**Жизнь человека не всегда идет по прямой —
случаются в ней и зигзаги**

Бывает, все складывается хорошо, порой очень хорошо и вдруг человек сворачивает на кривую дорожку. Говорят, человек — кузнец своего счастья. Но, конечно, не все в жизни зависит от него самого. И все же, все же... Совершить тот или иной поступок, хороший или плохой, может каждый. Однако некоторым хватает силы воли вовремя включить свою тормозную систему и избежать нарушения, соблаз-

на, преступления. Следует также учесть, что современем характер человека, его поведение меняются. Примером может служить судьба генерала-майора Сиднева. В свое время он являлся начальником Управления контрразведки СМЕРШ Карельского фронта, в 1944 году — заместителем начальника Управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта. Сиднев оказался в скверной истории... Об этом красноречиво говорят материалы следствия.

СССР

Министерство
Государственной
Безопасности

Сов. Секретно

Экз. № 1
Совет министров СССР
товарищу Сталину И.В.

«6» февраля 1948 г.
№ 3738/А
гор. Москва

При этом представляю протокол допроса арестованного генерал-майора Сиднева А.М., бывшего начальника оперативного сектора МВД в Берлине, о мародерстве и грабежах в Германии.

Бывший начальник финансового отдела аппарата Серова в Германии Сачков и бывший начальник финотдела берлинского оперативного сектора МВД Ночвин, которые для того, чтобы замести следы преступлений, участвовали в сожжении документов о количестве наворованных Сидневым и другими ценностей и германских марок, нами арестованы. По показаниям Сиднева и Бежанова, как активный жулик проходит Тужлов — бывший секретарь Серова, ныне — слушатель Военного института Министерства внутренних дел СССР¹.

Прошу Вашего разрешения арестовать Тужлова.
Абакумов.

Разослано:
т. Сталину
т. Кузнецову

---

¹ Ныне — Пограничная академия ФСБ России.

**Из протокола допроса арестованного
Сиднева Алексея Матвеевича
от 6 февраля 1948 года.**

Вопрос: Какой период времени вы работали в Германии?

Ответ: С 1945 по 1947 год я работал начальником оперативного сектора МВД гор. Берлина. В ноябре 1947 года я получил новое назначение и из Германии уехал в Казань.

Вопрос: После вашего отъезда из Берлина были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых вы принимали непосредственное участие. Показывайте об этом.

Ответ: Говоря откровенно, я давно беспокоился, ожидая, что будут вскрыты преступления, совершенные мною в Германии, и мне придется за них отвечать.

Как известно, частями Советской Армии, овладевшими Берлином, были захвачены большие трофеи. В разных частях города то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разные сорта материи, лучшее белье и много другого имущества. О таких вещах, как столовые приборы и сервизы, я уже не говорю, их было бесчисленное множество. Эти ценности и товары различными лицами разворовывались.

Должен прямо сказать, что я принадлежал к тем немногим руководящим работникам, в руках которых находились все возможности к тому, чтобы немедленно организовать охрану и учет всего ценного, что было захвачено советскими войсками на территории Германии. Однако никаких мер к предотвращению грабежей я не предпринял и считаю себя в этом виновным.

Вопрос: Вы и сами занимались грабежом?

Ответ: Я это признаю. Не считаясь с высоким званием советского генерала и занимаемой мною ответственной

должностью в МВД, я, находясь в Германии, набросился на легкую добычу и, позабыв об интересах государства, которые мне надлежало охранять, стал обогащаться.

Как ни стыдно теперь об этом рассказывать, но мне ничего не остается, как признать, что я занимался в Германии воровством и присвоением того, что должно было поступить в собственность государства. При этом я должен сказать, что, отправляя на свою квартиру в Ленинград это незаконно приобретенное имущество, я, конечно, прихватил немного лишнего.

Вопрос: Обыском на вашей квартире в Ленинграде обнаружено около сотни золотых и платиновых изделий, тысячи метров шерстяной и шелковой ткани, около 50 дорогостоящих ковров, большое количество хрусталя, фарфора и другого добра. Это, по-вашему, «немного лишнего»?

Ответ: Я не отрицаю, что привез из Германии много ценностей и вещей.

Вопрос: Вам предъявляются фотоснимки изъятых у вас при обыске 5 уникальных большой ценности гобеленов работы фламандских и французских мастеров XVII и XVIII веков. Где вы утащили эти гобелены?

Ответ: Гобелены были обнаружены в подвалах германского Рейхсбанка, куда их сдали во время войны на хранение какие-то немецкие богачи. Увидев их, я приказал своему коменданту Аксенову отправить их ко мне на ленинградскую квартиру.

Вопрос: Но этим гобеленам место только в музее. Зачем они вам понадобились?

Ответ: По совести сказать, я даже не задумывался над тем, что я ворую. Подвернулись эти гобелены мне под руку, я их и забрал.

Вопрос: Однако вы воровали не все подряд, а лишь наиболее ценные вещи. Следовательно, вы не обычный вор?

Ответ: Конечно, я брал себе наиболее ценное, но что еще было мною присвоено, я сейчас не помню.

Вопрос: Мы вам напомним. Дамскую сумочку, сделанную из чистого золота, вы где взяли?

Ответ: Точно не помню, где я прихватил эту сумку. Думаю, что она была взята мною или женою в подвале Рейхсбанка.

Вопрос: А три золотых браслета с бриллиантами вы где «прихватили»?

Ответ: Эти браслеты были мною взяты в одном из обнаруженных немецких хранилищ, где именно — не помню. Если не ошибаюсь, один из золотых браслетов мне принес бухгалтер берлинского оперсектора Ночвин.

Вопрос: 15 золотых часов, 42 золотых кулона, кольцо, брошей, серег и цепочек, 15 золотых колец и другие золотые вещи, изъятые у вас при обыске, где вы украли?

Ответ: Так же, как и золотые браслеты, я похитил эти ценности в немецких хранилищах.

Вопрос: Вы очищали не только немецкие хранилища, но и грабили арестованных, как разбойник с большой дороги.

Ответ: Ценностей арестованных я не присваивал.

Вопрос: Врете, ваш бывший адъютант Алексеев П.В. изобличает вас именно в том, что вы грабили арестованных. Алексеев показал:

«Летом 1945 года Сиднев приказал мне выехать к майору Захарову, взять там у арестованного немца ценности и доставить к нему — Сидневу, а арестованного немца также забрать с собой, но по пути высадить из машины и отпустить на все четыре стороны.

Это приказание мною было выполнено. Я доставил Сидневу изъятые у этого немца золотые часы, отделанный золотом автоматический карандаш, 4 отреза шерсти высокого качества и меховые шкурки на два котиковых пальто. Тогда же я доложил Сидневу, что, согласно его приказанию, я забрал с собой у Захарова арестованного немца и по дороге отпустил его. Фамилия этого немца, насколько помню, Зальбер». Вы признаете это?

Ответ: Возможно, такой случай и имел место, но я его не помню.

Вопрос: Шестьсот серебряных ложек, вилок и других столовых предметов вы тоже украли?

Ответ: Да, украл.

Вопрос: Можно подумать, что к вам ходили сотни гостей. Зачем вы наворовали столько столовых приборов?

Ответ: На это я затрудняюсь ответить.

Вопрос: 32 дорогостоящих меховых изделия, 178 меховых шкур, 1500 метров высококачественных шерстяных, шелковых, бархатных тканей и других материалов, 405 пар дамских чулок, 78 пар обуви, 296 предметов одежды — все это лишь часть изъятых у вас вещей.

Вы что, собирались торговать этой добычей?

Ответ: Торговать, конечно, я не собирался. Все это наворовал частично сам, при активном участии жены, а большинство имущества для меня доставали комендант оперсектора Аксенов и мой родственник Кузнецов, выписанный мною в Берлин из СССР и назначенный оперуполномоченным по учету в оперативный сектор.

Вопрос: Теперь, может быть, вы сами скажете, что еще вы награбили в Германии?

Ответ: Мне сейчас трудно перечислить все то, что я в течение длительного времени разными путями направил на свою ленинградскую квартиру. Могу лишь ориентировочно сказать, что из Германии я вывез для себя более 40 битком набитых чемоданов, ящичков и тюков, в которых было много различного белья, высших сортов материи, мужские и дамские костюмы, меховые женские шубы, черно-бурые лисы, женская и мужская обувь, фотоаппараты, радиолы, хрустальные вазы, антикварные вещи и другое имущество.

Часть этого имущества я месяц тому назад переправил к своему новому месту жительства в гор. Казань. Кроме того, из Берлина в начале декабря 1947 года мною отправлены в Казань мебель из красного дерева для спальни и столовой, рояль, киноустановка и другие вещи.

Вопрос: Как получилось, что вы стали мародером?

Ответ: Сидя в тюрьме, я и сам неоднократно задавал себе этот вопрос. Ведь с 1928 года находился в Советской Армии¹, был хорошим командиром и честным коммунистом, и, когда в 1939 году оканчивал Военно-инженерную академию им. Куйбышева, то по партийной линии был мобилизован в органы НКВД и направлен на руководящую работу. На этой работе я был всем обеспечен, честно и с любовью относился к труду. Отечественная война застала меня на работе в Особом отделе НКВД, и с армией я переносил все тяготы. В 1944 году, являясь заместителем начальника Управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта, я на территории Польши встретился с Серовым, являвшимся в то время Уполномоченным НКВД по указанному фронту. Под его руководством я проводил работу в Польше, а затем, когда советские войска захватили Берлин, Серов добился моего перевода на работу в НКВД и назначил начальником берлинского оперсектора.

На этой работе Серов приблизил меня к себе, я стал часто бывать у него, и с этого времени началось мое грехопадение.

...Надо мною стоял Серов, который, являясь моим начальником, не только не одернул меня, а наоборот, поощрял этот грабеж и нажился в значительно большей степени, чем я.

Следуя примеру Серова, я также занимался хищением ценностей и вещей, правда, за часть из них я расплачивался деньгами.

Вопрос: Но ведь и деньги вами тоже были украдены?

Ответ: Я денег не крал.

Вопрос: Неправда. Арестованный бывший начальник оперативного сектора МВД Тюрингии Бежанов Г.А. на допросе показал, что вы присваивали большие суммы немец-

---

¹ Так в документе. Тогда была РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

ких денег, которые использовали для личного обогащения. Правильно показывает Бежанов?

Ответ: Правильно. При занятии Берлина одной из моих оперативных групп в рейхсбанке было обнаружено более 40 миллионов немецких марок. Примерно столько же миллионов марок было изъято нами и в других хранилищах в районе Мите (Берлин). Все эти деньги были перевезены в подвал здания, в котором размещался берлинский оперативный сектор МВД.

Вопрос: Но этот подвал с деньгами находился в вашем ведении?

Ответ: Да, в моем.

Вопрос: Сколько же всего там находилось денег?

Ответ: В подвале находилось около 100 мешков, в которых было более 80 миллионов марок.

Вопрос: Какое вы имели право держать у себя такое количество денег, не сдавая их в советский государственный банк?

Ответ: Хранение такого количества денег, конечно, было незаконным, но сделано это было по указанию Серова. Когда я ему доложил об обнаружении в Берлине мешков с немецкими марками, Серов сказал, что эти деньги будут для нас очень кстати, и приказал их в банк не сдавать, а держать у себя.

Вопрос: За счет этих денег вы и обогащались?

Ответ: Да. Значительная часть захваченных денег пошла на личное обогащение.

Вопрос: Как вы разворовывали миллионы находившихся у вас немецких денег?

Ответ: Это делалось очень просто, Серов присылал мне так называемые заявки начальников оперативных секторов со своими резолюциями о выдаче денег. Эти заявки, как правило, мотивировались необходимостью расходов по строительству и хозяйственным нуждам оперативных секторов, а часть денег разворовывалась.

Наряду с этим Серов раздавал ежеквартально каждому начальнику оперативного сектора так называемые безотчетные суммы, определяемые в несколько десятков тысяч марок, которые в большей части использовались ими на личные нужды.

Все выдачи денег производились в моем оперативном секторе бухгалтером Ночвиным.

Таким путем каждый из начальников секторов получил из моего подвала по несколько миллионов рейхсмарок, а я лично с разрешения Серова взял для расходов по берлинскому сектору более 8 миллионов марок, часть которых использовал на личные нужды, но сколько именно, я сейчас указать не могу. Около ста тысяч германских марок были мною присвоены еще в 1945 году, при обнаружении их в подвалах Рейхсбанка.

О том, что значительная часть средств, отпускаемых как бы для служебных целей, разворовывались, можно судить хотя бы по тому, что Серов, имея в своем аппарате всего лишь 20 сотрудников, систематически присылал ко мне своего секретаря Тужлова с записочками, содержащими указания выдать ту или иную сумму денег. В таком незаконном порядке Серов только от меня получил около миллиона немецких марок.

Помимо этого Тужлов брал у бухгалтера Ночвина деньги и без моего ведома, поскольку Ночвин имел от меня указание для Серова выдавать деньги беспрепятственно.

Вопрос: Вам известно, где находятся сейчас все записи по расходованию немецких марок?

Ответ: Как мне рассказывал Ночвин, папки с отчетными материалами об израсходованных немецких марках, собранные со всех секторов, в том числе и записи на выданные мною деньги, были по указанию Серова сожжены. Остался лишь перечень наименований сожженных материалов, составленный работниками финансовой группы аппарата Серова.

Вопрос: Кто именно сжигал эти отчетные материалы и записи?

Ответ: Я этого не знаю, но вероятнее всего, в сожжении участвовали финансовые работники аппарата Серова или его секретарь Тужлов, а может быть, и все вместе.

Вопрос: Но ведь эти материалы необходимо было передать вновь назначенному Уполномоченному МГБ СССР в Германии?

Ответ: Правильно, но это было не в наших интересах. Я считаю, что Серов дал указание сжечь все эти материалы для того, чтобы замести следы, так как, если бы они сохранились, то все преступления, совершенные Серовым, мною, Клеповым, Бежановым и другими приближенными к нему лицами, были бы вскрыты гораздо раньше, и, видимо, мы бы давно сидели в тюрьме.

Вопрос: А куда вы девали отчетность об изъятом золоте и других ценностях, находившихся у вас?

Ответ: Эта отчетность, так же как и отчетность по немецким маркам, была передана в аппарат Серова и там сожжена.

Вопрос: Вы это сделали для того, чтобы скрыть хищение золота и других ценностей?

Ответ: Я сдал эти документы Серову потому, что он их у меня потребовал.

О расхищении ценностей с моей стороны я уже дал показания. Присваивал ценности также и Серов, поэтому, очевидно, была необходимость уничтожить эти документы, чтобы спрятать концы в воду.

Вопрос: Не отделявайтесь общими фразами, а говорите, что вам известно о расхищении Серовым золота?

Ответ: Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в Государственный банк, Серов приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно.

Выполняя это указание, я одновременно передал в аппарат Серова в изделиях примерно 30 килограммов золота и других ценностей.

Серов мне говорил, что все эти ценности он отправляет в Москву, однако я знаю, что свыше десяти наиболее дорогостоящих золотых изделий Серов взял себе.

Вопрос: Откуда вы это знаете?

Ответ: Я это лично видел. Являясь к Серову с докладом об изъятых ценностях, я приносил ему для просмотра наиболее дорогие образцы золотых изделий и бриллиантов, Серов в таких случаях долго вертел эти ценности в руках, любовался ими, а затем часть из них оставлял у себя.

Помимо меня много золотых вещей давали Серову и другие начальники секторов.

Кроме присвоения ценностей и немецких марок, Серов, как я уже показывал ранее, занимался грабежом ценного имущества. Жена Серова и его секретарь Тужлов неоднократно приезжали на склад берлинского оперативного сектора, где отбирали в большом количестве ковры, гобелены, лучшее белье, серебряную посуду и столовые приборы, а также другие вещи и увозили с собой.

Тужлов и адъютант Серова — Хренков разъезжали по Германии и отбирали для Серова вещи.

Все указанное, а также и другое награбленное Серовым имущество отправлялось из Германии к нему в Москву. Много ценных вещей я так же, как и Серов, забрал со склада берлинского оперативного сектора. Пользуясь самолетами Советской военной администрации в Германии и самолетом Серова, я сам, а иногда с Алексеевым переправлял все это в Ленинград.

Вопрос: Как все эти вопиющие злоупотребления могли сходить вам безнаказанно?

Ответ: Я уже показывал, что весь наш грабеж мы чинили под видом изъятия и отправки в Советский Союз трофейного имущества. Кроме того, я, Клепов и Бежанов пользовались покровительством Серова, который считал себя хозяином положения в Германии. Поэтому все наши грязные дела сходили нам с рук, и мы считали, что с таким человеком, как Серов, мы не пропадем.

Особенно хорошо относился Серов ко мне, потому что в подвале моего сектора хранились деньги и другое ценное имущество, которые я беспрепятственно выдавал Серову. К тому же я знал, что Серов, часто выезжая в Москву, каждый раз увозил с собой большое количество ценных вещей. Я не сомневался, что Серов такую мою осведомленность, конечно, принимал в расчет. Должен прямо сказать, что между Серовым, мною, Клеповым и Бежановым установилась круговая порука, все мы воровали и оказывали друг другу в этом помощь. Большое значение имело также подхалимство, процветавшее среди нас по отношению к Серову.

Последний, в свою очередь, поощрял нас и умело использовал в своих личных целях.

Вопрос: Приведите факты.

Ответ: Начну с себя. Я не раз выполнял сугубо личные поручения Серова, которые иначе, как подхалимажем, назвать нельзя.

Подследственный Сиднев приводит эпизод, когда он старался угодить Серову, и рассказывает о его увлечении подарками, в частности нужным ему людям. Лично мне, говорит Сиднев, Серов подарил два сервиза и ружье.

Вопрос: По какому случаю Серов вам сделал эти подарки?

Ответ: Я уже показал, что Серов относился ко мне покровительственно. Кроме того, я у него был на хорошем счету как энергичный работник.

Вопрос: Вы энергично воровали, а работать вам было некогда. Не так ли?

Ответ: В мародерстве я уже признал себя виновным. Что касается моего отношения к оперативной работе, то в этой части я аккуратно выполнял возложенные на меня задачи.

Вопрос: Ваше заявление смехотворно. Вы занимались мародерством и грабежом, разложили своих подчиненных, и вместе с тем у вас хватает совести заявлять, что честно работали.

Ответ: В разложении своих подчиненных я виноват, и это, конечно, в значительной степени сказалось на оперативной работе. Но и в этом виноват опять-таки в немалой степени Серов, который почти не руководил мною, будучи, как я уже показывал, занят личными делами. К тому же он много времени находился в Москве.

(Допрос прерван).

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан.

Сиднев.

Допросил: ст. следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР

подполковник Путинцев.

Как следует из вышеизложенного, в неблагоприятной роли оказался и генерал Иван Серов. Тем не менее служба у него продолжалась. Только в начале шестидесятых Серов споткнулся... За отношения с Олегом Пеньковским — агентом двух иностранных разведок генерал Армии Серов был разжалован и генерал-майором из Москвы отправлен на периферию.

Алексей Сиднев служил в СМЕРШе, перешел в МВД и «заигрался», потерял чувство реальной меры... Что делать? Слаб человек... Кто-то может сказать: «Вот оно, тлетворное влияния МВД, бывшего НКВД... Служил в СМЕРШе — служил нормально, а оказавшись в МВД, скурвился...»

В СМЕРШе если и случалось — создавались липовые дела, но не в таком же количестве, как в НКВД.

Большинство же чекистов настоящие, безупречные люди. Их труд — разве расскажешь о нем? О напряжении всех сил разума и души, о бесконечной веренице бессонных ночей, наполненных размышлениями, раздумьями...

Говорят, годы стирают многое. И это действительно так. Многое мы забываем совсем, иное помнится лишь смутно. Забывать — не худшее свойство человеческой памяти. Но годы бессильны стереть воспоминания о неисчислимых

страданиях и лишениях народов, о миллионах и миллионах жертв минувшей войны. В ней невосполнимые потери понесли и контрразведчики. Они люди разные. Среди них и хорошие, и встречались плохие... Только на передовой находились вместе с бойцами, случалось, ходили в атаку. Работали сутками, а бывало, после гибели командира заменяли его. Они заслуживают большого уважения, доброй памяти.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Через годы, через расстояния — встреча с бывшим шпионом

Автор книги решил «угостить» своего коллегу Владимира Рощупкина встречей с бывшим шпионом. Владимир Тимофеевич Рощупкин — полковник ФСБ России, кандидат политических наук, профессор академии военных наук, человек бывалый. Нам, уже повидавшим многое в жизни и знающим достаточно о немецких спецслужбах, такая встреча представлялась интересной. Еще бы! Встретиться с одним из агентов абвера, дожившим до наших дней.

Вы когда-нибудь встречались со шпионом? Нет? Мы тоже — по крайней мере до недавнего времени. (Справедливости ради заметим, что автору в 44-м году все же довелось задержать шпиона.)

Авторы этой публикации специально пошли на такую встречу, посчитав, что это будет интересно не только им как журналистам и историкам отечественных спецслужб, но и читателям. Разумеется, с бывшим шпионом, ибо какой действующий агент иностранной разведки признается в этом. Разве что в ходе суда и следствия, под давлением неопровержимых улик.

...Дверь двухкомнатной квартиры на широченной лестничной площадке в «сталинском» доме, расположенном неподалеку от Центрального пограничного музея ФСБ РФ, нам открыл улыбчивый седовласый человек. Несмотря на почтенный возраст (под девяносто), Павел Стефановский — так зовут хозяина квартиры — бодр и полон энергии. У него прекрасная память, до сих пор помнит имена, фамилии, детали событий более чем шестидесятилетней давности. В юности он мечтал стать артистом — хорошо пел и выступал в самодеятельных музыкальных оркестрах. Но играть пришлось на сцене особого рода...

Пригласив нас в свою комнату с мебелью и книгами предперестроечной эпохи, наш собеседник показал свои награды: орден Отечественной войны II степени, знак «Отличник народного просвещения», юбилейную медаль в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина и ряд других. Мы невольно обратили внимание на совершенно экзотическую награду в форме креста, сделанного из какого-то редкого металла. Оказывается, это индийский орден, который Павлу Петровичу много лет назад лично вручил индийский премьер-министр Лал Бахадур Шастри. За что такая честь?

Дело в том, что в начале шестидесятых Стефановский обучал школьников типографскому набору на языке хинди. Ребята учились в спецшколе в районе Арбата, где изучали не только английский, но и хинди. Так что они освоили печатное дело в типографии, которой в то время руководил Павел Петрович. И даже выпустили ряд книг и брошюр на хинди, которые поразили высокого индийского гостя. Показав нам затем фотографии дочери и внука, живущих ныне в Германии, Стефановский охотно начал долгий и подробнейший рассказ о своей, мягко говоря, неординарной биографии.

После окончания лесотехнического техникума молодой лесоустроитель Паша Стефановский был послан на работу по специальности в лагерь НКВД на Дальнем Востоке.

В 1940 году его призвали в Красную Армию. Служил в Киевском Особом военном округе. В первые дни и недели войны 334-й Отдельный зенитно-артиллерийский дивизион (ОЗАД) 187-й стрелковой дивизии 21-й армии, где старший сержант Стефановский служил начальником радиостанции, с тяжелыми боями отступал на восток.

В сентябре 1941 года остатки дивизии в числе шести армий Юго-Западного фронта оказались в кольце окружения. Десятки тысяч ослабленных, голодных бойцов и командиров попали в плен. После многодневных изнурительных пеших переходов колонну, в которой понуро шагал и Стефановский, пригнали в стационарный лагерь для военнопленных в Новоград-Волынский. Там он едва выжил, переболев тяжелой формой сыпного тифа...

А в апреле 1942 года Павла Стефановского в составе группы из двадцати военнопленных доставили в небольшой закрытый военный городок близ Варшавы. Здесь, в местечке Сулеювек, находилась школа абвера — немецкой военной разведки и контрразведки. Офицер в чине гауптмана (капитана) обратился к прибывшим на чистейшем русском языке:

— Кто не хочет быть курсантом школы, два шага вперед!

Вышли двое, самых пожилых. Стефановский не вышел. Так он начал проходить интенсивный, по десять часов в день, курс шпионских наук. Они включали изучение методов военной, политической, экономической разведки, топографию, способы маскировки, радиодело, поведение на допросах. Радиодело, в первую очередь прием и передачу на ключе и методы шифрования, преподавали немецкие инструкторы. А другие предметы — бывшие офицеры Красной Армии, попавшие в плен.

Агентурный псевдоним — Суздальский

Курсанты узнали, что Варшавская школа абвера была создана еще до войны, а ее выпускники забрасывались в советский тыл еженедельно. Причем не только в ходе войны,

но и до ее начала. Обучение было рассчитано на полгода. Но Стефановский, получивший агентурный псевдоним Суздальский, прошел подготовку за три месяца. Ведь он еще в Красной Армии освоил профессию радиста.

Естественно, мы не могли не задать нашему собеседнику вопрос: как же все-таки он оказался в разведшколе? Неужели вот так запросто немцы взяли группу пленных и ни с того ни с сего отправили их на учебу? И еще: почему Павел согласился стать кандидатом в шпионы? Что он думал по этому поводу? Мы спросили об этом потому, что не нашли на них ответа и ранее — в книге, которую написал и издал этот человек. Вернее, это даже не книга, а целый двухтомник под общим названием «Развороты судьбы». Первый том озаглавлен «АБВЕР — СМЕРШ», второй — «КГБ — ГУЛАГ» (М., 2002, издательство РУДН).

Итак, не найдя ответов на упомянутые вопросы в двухтомнике, мы решили адресовать их непосредственно автору. Потому и пришли на эту встречу. Но он упорно уходил от прямого ответа или отвечал, мягко говоря, не совсем конкретно. Из книги и устного рассказа нашего героя следует, что дать согласие на поступление в немецкую разведшколу ему посоветовал бывший начальник политотдела дивизии, тоже попавший в плен.

Как говорится, свежо предание, да верится с трудом. Не дело это политработника, тем более начпо, пусть и бывшего. Если он и давал в плену советы, то они скорее всего были иного рода, с учетом характера деятельности политработника. К тому же, как выяснилось, у Павла Петровича даже сейчас довольно смутное представление о функциях начальника политотдела и Особого отдела. «А не приходила ли вам в голову такая мысль: немцы победят, и вам неплохо будет и при них? Ведь они к тому времени продвинулись на значительную глубину нашей территории». Но бывший выпускник Варшавской разведшколы ушел от ответа и на этот вопрос. Так что о мотивации своего решения он не говорит даже в наши дни.

Мы же сделаем небольшое отступление и скажем о трех категориях людей, которые соглашались стать немецкими шпионами, а также дадим читателям некоторую информацию о системе подготовки кадров абвера. Гитлеровцы вербовали свою агентуру в основном среди военнопленных. Одни, соглашаясь на вербовку, видели в этом единственный шанс вырваться из-за колючей проволоки, чтобы перебраться затем через линию фронта к своим или присоединиться к партизанам. Другие, истощенные физически и сломленные морально, просто надеялись спасти свою жизнь. Третьи, а таких, к счастью, было меньшинство, шли на сотрудничество хоть с СД (службой безопасности), хоть с абвером вполне сознательно. Это были враги.

Завербованные направлялись в многочисленные разведшколы и лагеря. В абвере и СД простаков не держали, их люди не только знали свое дело, но и были изобретательны, хорошо знали человеческую психологию. Чтобы убедиться в надежности курсантов, их испытывали в деле: поручали разведать передний край обороны Красной Армии, взять «языка» и т.д. А главное, в ходе учебы по всем направлениям шел массивный идеологический и психологический прессинг.

Об этом ни в книге, ни в разговоре с нами наш собеседник предпочел не говорить. Обмолвился лишь, что с агентами проводили занятия типа политинформаций. Можно представить, какую «информацию» о нашей стране, ее руководстве, о командовании Красной Армии закладывали абверовские инструкторы не только в сознание, но и в подсознание будущих шпионов.

Как и другие курсанты, Суздальский, он же Стефановский, не знал фамилию начальника центральной Варшавской разведшколы абвера в Сулеювке. К нему почему-то обращались на русский дореволюционный манер: господин ротмистр. Мы же назовем читателям эту фамилию. Возглавлял школу майор Моос (Марвиц), а размещалась она в бывшем поместье Пилсудского. Номер ее полевой почты

был 57219. Школа считалась образцовой: из других разведорганов туда приезжали для изучения «передового опыта».

Там же, в Сулеюевеке, находились региональные штабы абвера «Валли I», «Валли II» и «Валли III». Они были созданы за пять месяцев до нападения Германии на Советский Союз. Штаб «Валли-I» возглавлял майор (впоследствии полковник) Баун. Своим отличным знанием русского языка он был обязан родной Одессе, где рос в семье давно осевших там немцев.

«Валлийцы» получали задания по ведению разведывательно-диверсионной работы на Восточном фронте и в советском тылу от управления «Заграница абвер» и «Иностранные армии Востока», структурно входившие соответственно в Верховное командование вооруженных сил (ОКВ) и Верховное командование сухопутных войск (ОКН). Когда 22 июня 1941 года вермахт с боями вторгся на советскую территорию, вместе с ним по всему фронту пересекли границу и двигались за наступающими армиями и группы абвера. Они решали свои специфические задачи...

Но вернемся к Стефановскому, который получил более основательную подготовку, нежели другие агенты. Шпионскую науку он еще постигал в двух других разведшколах абвера в оккупированной Эстонии, в районе Таллина — в Кейла-Юа и Мыза-Кумна. Школа в Кейла-Юа под условным наименованием «Лагерь № 2» была сформирована 6 марта 1942 года и подчинялась разведоргану «Ревель». Немецкое название — «Abwehrnebenstelle Revel».

Этот орган был создан в середине 1939 года в Хельсинки как филиал абвера. После оккупации немцами Эстонии «Ревель» передислоцировался в Таллин. Один из филиалов этого разведоргана размещался в Риге на улице Койдула, в домах № 3 и 4. Он скрывался под вывеской «Бюро по вербовке добровольцев». Однако историкам спецслужб и специалистам Abwehrnebenstelle Revel больше известно как «Бюро Целлариуса» — по фамилии возглавлявшего его с 1941 года начальника.

«Бюро Целлариуса»

Надо сказать, что Целлариус — фигура весьма примечательная в истории германской военной разведки. Как и глава абвера адмирал Канарис, Александр Целлариус носил морскую форму. Да и звание у него было не «сухопутное»: фрегатен-капитан (капитан 2-го ранга). Целлариус как нельзя лучше подходил для своей должности начальника *Abwehrnebenstelle Revel*. Во-первых, имел опыт работы против России еще в Первую мировую. Об этом, кстати, упоминает писатель Валентин Пикуль в своем романе «Честь имею». Во-вторых, в 1939—1940 гг., вплоть до установления Советской власти в республике, он был прикомандирован к разведотделу генштаба Эстонии в качестве офицера связи. Так что хорошо знал местные условия. Тесно взаимодействуя с финскими спецслужбами, Целлариус поставил на поток формирование шпионско-диверсионных групп, работавших против СССР.

При всем при том, что в подчиненные ему разведшколы в Кейла-Юа и Мыза-Кумна любимец Канариса приезжал редко, он был полностью в курсе того, как готовилась к заброске в советский тыл группа из трех агентов, в состав которой был включен и Стефановский. Целлариус одобрил план заброски в Архангельскую область. Задача — вывести из строя электростанцию, снабжавшую электричеством предприятия по выпуску и ремонту подводных лодок. Кроме того, Целлариуса и его берлинских начальников очень интересовала информация о поставках западными союзниками СССР вооружений по ленд-лизу. А точнее, эффективность действий немецких субмарин, атаковавших союзные конвои, следовавшие с военными грузами в Архангельск.

Но и предоставим слово самому Стефановскому. Он почти дословно процитировал нам слова из своей книги: «После тщательной проверки нам предстояло пройти через три разведывательные и одну диверсионную школу абве-

ра в Эстонии, затем школу на севере Финляндии, в городе Рованиеми. А затем, 22 мая 1943 года, переброска с двумя радиопередатчиками «Север» на самолете в тыл советских войск в Архангельскую область для важной разведывательной работы».

Финал

После выброски с самолета, стартовавшего с одного из аэродромов в Финляндии, шпионская группа в обмундировании младших офицеров Красной Армии приземлилась в лесной местности, которая входила в зону ответственности пограничной заставы «Куя» Архангельского погранотряда. Стефановский и его подельники представились пограничникам как офицеры одного из управлений Генштаба, выполнявшие секретную миссию по выбору места для строительства спецобъекта. Им, мол, надо срочно связаться с Архангельском и Москвой.

Пограничники передали прибывших представителям Архангельского военного округа. На допросах в особняке окружного отдела контрразведки СМЕРШ Стефановский и его «коллеги» рассказали о своем задании. После бесед с начальником следственной части ОКР СМЕРШ Архангельского военного округа Михаилом Рюминым и прибывшими офицерами из Москвы агенты абвера согласились сотрудничать со смершевцами. Начались радиогры с абвером — разумеется, под контролем наших специалистов...

Справедливости ради скажем, что тогда Стефановский и двое других бывших агентов формально даже не были арестованы. Более того, им дали возможность до конца войны находиться в составе действующей армии. Конец войны застал Павла под Мурманском, в 54-м стрелковом полку 25-й стрелковой дивизии, личный состав которой разгружал военные грузы, поступавшие по ленд-лизу. Оттуда он и демобилизовался, уехав в Москву.

Но жизнь порой создает сюжеты покруче киношных. В 1949 году бывший агент абвера случайно нос к носу столкнулся в метро... с Рюминым, которого к тому времени перевели в Москву, на Лубянку! Эта встреча — что знак судьбы. Или, если угодно, времени. Ведь время на излете сталинской эпохи было уже иное. Атмосфера в стране и в обществе существенно отличалась от эйфории победного сорок пятого. 31 мая 1950 года Стефановский Павел Петрович за шпионскую деятельность и антисоветскую агитацию (в оккупированной Эстонии он выступал в эмигрантской газете) был осужден и отправлен в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет. Снова лагерь, но пребывал в нем Стефановский уже в ином качестве...

«Я кто и что? Зброшенный противником шпионишка». Так написал о себе Стефановский. Однако в конце 1955 года ему удалось освободиться от определенного ему наказания.

Вместо запланированного часа наш разговор с бывшим шпионом продлился более четырех часов. Он, кстати, на государство не в обиде, хотя и критически относится к нынешнему периоду его истории. «При Сталине порядку больше было» — считает наш собеседник. Видимо, он проникся к нам доверием, когда понял, что к нему пришли не случайные гости, а люди, кое-что знающие об истории противоборства абвера и СМЕРШа. «Если будете писать обо мне, то напишите правду» — попросил нас Павел Петрович. Мы так и сделали, сознавая, что у него все-таки своя правда...

Стефановский случайно встретился в Москве с Рюминым, который знал его по Архангельску. Рюмин служил в СМЕРШе. Там служили люди разные. Большинство было порядочных, честных. Михаил Рюмин был гнусный человечишко. Он получил свое... Был расстрелян. Но факты — упрямая вещь, против них не попрешь. У Стефановского за душой был такой букет! Измена Родине, присяге. Учился в

5 школах абвера, выступал во враждебной прессе (за одно это тогда давали до 20 лет исправительно-трудовых лагерей). Радиоигры с немцами, в которых он был задействован, к разряду заметных не отнесешь. С ним, Стефановским, однако, поступили по-абакумовски, в военное время не лишили свободы. Заметим, между прочим, наша публикация не вызвала восторга у Стефановского.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перевернута последняя страница нашего повествования. Читатель узнал что-то новое о славных делах отечественных контрразведчиков, о СМЕРШе, одной из самых эффективных и боеспособных структур советских органов безопасности, в той или иной степени известной широкому читателю, но большей частью проходившей под грифом «секретно». Ведь тайная война продолжается и сегодня, интерес иностранных спецслужб к Вооруженным Силам возрождающейся России, ее научным и промышленным достижениям возрастает, а потому военные контрразведчики остаются бойцами переднего края. Их оружием являются опыт и оперативное мастерство, в том числе накопленные и переданные им в наследство предыдущими поколениями.

Не остановить бег времени. Мчатся дни, недели, бегут месяцы, как листки календаря мелькают годы. Мы живем в XXI веке. Мне кажется, то, что было со мной, происходило с кем-то другим. Так давно это было. И тех, кто находился рядом, уже не осталось на этом свете. Увы...

А вот число недругов России, скажем мягче — недоброжелателей, в наши дни не становится меньше. Зарубежные центры влияния в глобальной геополитической борьбе используют все возможное и невозможное, чтобы ослабить Россию, навредить нашей Родине, уменьшить ее значение в мире, унижить ее достоинство.

«Как же нужна сегодня такая организация, как СМЕРШ», — сказал автору один из ветеранов.

Да, ломать, не строить. Период мощной державы — Советский Союз — был коротким, всего лишь около 70 лет. Если вычесть из этих десятилетий время войн, разрухи, восстановления и т.д., то окажется, что мирных, созидательных лет выпало на долю поколения победителей не очень много. Но за эти годы оно сумело ликвидировать на 1/6 части Земли неграмотность и создать самые передовые научные школы, построить множество заводов, дорог, электростанций, домов, кораблей и т.п., многое открыть, создать, освоить космос, одержать множество замечательных побед в разных сферах человеческой деятельности, в том числе и в спорте.

Наше поколение — великое поколение победителей — построило и создало столь много, сколь ни одно поколение до него и после него.

К сожалению, немало тех, кто то ли по злобе, то ли за «зеленые» пытаются очернить наше прошлое, извратить историю, оболгать тех, кто с оружием в руках отстаивал независимость нашей Родины, самоотверженно трудился в тылу для фронта, для Победы. Порой удивляешься беспардонному вранью злопыхателей, их безграничной фантазии. Правдивые же публикации, книги, кинофильмы сегодня особенно нужны для противодействия фальсификации, извращению нашей истории.

В предлагаемой читателю книге автор продолжает рассказ о военной контрразведке, начатый им в предыдущих книгах: «Они из СМЕРША» и «СМЕРШ без грифа «Секретно», «Пришло время рассказать» (поединок с вражескими спецслужбами). Фамилии большинства действующих лиц подлинные, некоторые изменены. В указанных книгах автор попытался рассказать о деятельности военных контрразведчиков, о СМЕРШе. Это наша история. И ее нужно знать.

Оглавление

Вместо предисловия	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Первые встречи с врагами.....	8
ГЛАВА ВТОРАЯ. В сражении за Москву чекисты показали себя достойно.....	24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Я — контрразведчик.....	51
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. «Монастырь» — операция, вошедшая в учебники	82
ГЛАВА ПЯТАЯ. Будни контрразведки и неожиданная встреча	95
ГЛАВА ШЕСТАЯ. За линией фронта	116
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Что такое «Березино»	121
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Почему начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР поссорился с генералом Павлом Судоплатовым	131
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Старший лейтенант Виктор Титов и Константин Юрьев из СМЕРША	142
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Под контролем чекистов	173
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Поединок	188
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Провал акции «Цепелина» ...	198
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Случалось всякое... ..	221
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Неудача	229
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Еще одна радиоигра	234
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Немного истории, или Деятели РОВС в руках СМЕРШа	249

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. После Победы	268
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Генерал Сиднев отвечает следователю	289
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Через годы, через расстояния — встреча с бывшим шпионом	302
Заключение	312

Научно-популярное издание
БОЙЦЫ НЕВИДИМОГО ФРОНТА. СПЕЦСЛУЖБЫ СТАЛИНА

Ленчевский Юрий Сергеевич

СТАЛИНСКИЙ СМЕРШ

Лучшие спецоперации военной контрразведки

Издается в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Галкина*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва,
ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 127299, Ресей, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3-а», Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3-а», Б литері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодатель-
ству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу:

<http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 21.04.2013. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 2500 экз. Заказ 1166/13.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

Сталинский СМЕРШ по праву величают «непобедимым и легендарным», «лучшей военной контрразведкой Второй Мировой» и даже «самой эффективной спецслужбой XX века». Какие спецоперации ГУКР «Смерть шпионам!» изучают во всех разведшколах мира? Из-за чего начальник СМЕРШа поссорился с Павлом Судоплатовым? Правда ли, что осенью 41-го в случае падения Москвы военные чекисты должны были повторить пожар 1812 года и готовили покушения на Гитлера? И почему ветераны СМЕРШа уверены, что такая спецслужба совершенно необходима нам сегодня? НОВАЯ КНИГА от автора бестселлера «СМЕРШ без грифа "Секретно"» отвечает на все эти вопросы.

